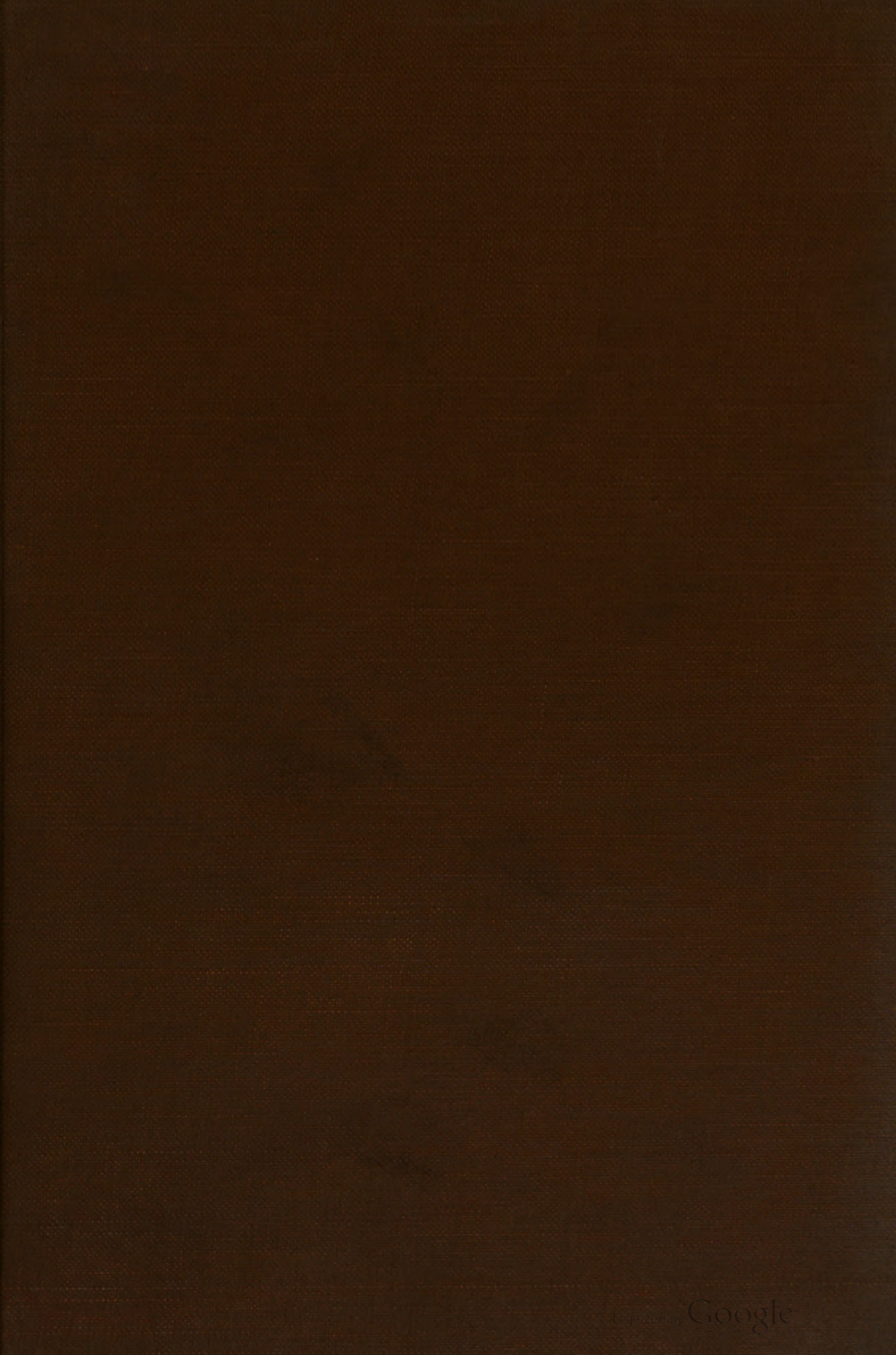

VE RI
TAS

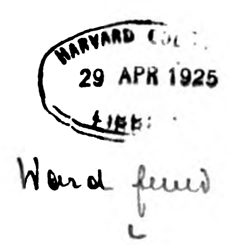
ПѢСНИ
О ДѢВУШКѢ-ВОИНѢ
И БЫЛИНЫ
О СТАВРѢ ГОДИНОВИЧѢ.

Изслѣдованіе по исторіи развитія славяно-русскаго эпоса

И. Сазоновича.

ВАРШАВА.
Въ типографіи Михаила Земкевича.
Краковское-Предмѣстье, N 415 (17).

1886.

Оттискъ изъ „Рус. Фил. Вѣстника“ 1885—86.

Дозволено Цензурою.
Варшава, 28 Ноября 1886 г.

СОДЕРЖАНІЕ.

VII. Пѣсни романскія. a) Варіанты итальянскіе заимствованы изъ славянскихъ источниковъ. Нѣкоторыми чертами они сближаются съ дубровницкой пѣсней, сохранившейся въ рукописи XVIII в. Мотивъ нашъ переходитъ въ сказочную поэзію сицильянскую и сохранился въ Пентамеронѣ изъ XVII ст., а также попалъ въ новеллы итальянскія, гдѣ связывается съ другими сказочными сюжетами. b) Варіанты испанско-португальскіе упоминаются отъ XVI ст. Различія ихъ такъ незначительны, что не можетъ быть сомнѣнія относительно единства ихъ источника. Въ Португалію и на Азорскіе острова мотивъ этотъ, вѣроятно, попалъ изъ Сициліи, куда занесенъ Албанцами, усвоившими его отъ Славянъ. Бытовыя явленія испанской жизни не оказали на него вліянія — (93—125).

VIII. Спорадическія отраженія разсказа о дѣвушкѣ-воинѣ. Бытовыя явленія французскаго народа вызвали поэтическія произведенія, приближающіяся содержаніемъ къ южно-славянскимъ. Странствующій сюжетъ о дѣвушкѣ-воинѣ не отразился во французской поэзіи, хотя почва для его пріема и была подготовлена. У Нѣмцевъ онъ едва сказался въ одной сказкѣ. Къ Грекамъ и Албанцамъ попалъ отъ южныхъ Славянъ, къ Румынамъ занесенъ отъ Сербовъ, при чемъ въ сказкахъ послѣднихъ трехъ народовъ онъ сильно осложненъ посторонними элементами. Сюжетъ нашъ слабо проявился у Литовцевъ и сильно затемненъ въ разсказахъ Киргизовъ и алтайскихъ Татаръ, куда попалъ, несомнѣнно, отъ Русскихъ при посредствѣ такихъ сказокъ, какъ записанныя Худяковымъ и Аѳанасьевымъ — (126—154).

IX. Былины о Ставрѣ Годиновичѣ. Необходимо допустить независимое возникновеніе у разныхъ народовъ простѣйшихъ сюжетовъ, притягивающихъ затѣмъ къ себѣ чужеземные мотивы. Типъ поляницы воинственной послужилъ почвой, на которой прикрѣплены были занесенныя отъ южныхъ Славянъ разсказы о дѣвушкѣ-воинѣ. Поляница — явленіе чисто-русской жизни: это подтверждается современнымъ бытомъ и историческими свидѣтельствами. Новгородской пѣсенной поэзіей уже были даны первыя основы возникшей впослѣдствіи былины. Подобно тому какъ и у другихъ народовъ въ древней Руси женщина пользовалась бо́льшей, чѣмъ въ средніе вѣка, свободой и участвовала въ военныхъ предпріятіяхъ. Объ этомъ, по всей вѣроятности, существовали въ народѣ сказанія. Въ основу ихъ легли историческія пѣсни, подобно тому какъ въ разсказахъ про Бѣлую-княгиню у Словаковъ. Такой же процессъ долженъ былъ совершиться и при созданіи былины про Ставра. Въ Новгородѣ, несомнѣнно, существовало преданіе о Ставрѣ-сотскомъ. Оно впослѣдствіи слилось съ зашедшимъ отъ южныхъ Славянъ странствующимъ мотивомъ о дѣвушкѣ-воинѣ, растворилось въ немъ, при чемъ удержалось лишь имя героя мѣстнаго русскаго сказанія. Такъ возникли былины о Ставрѣ — (155—172).

ПРЕДИСЛОВІЕ.

Огромное накопленіе матеріаловъ по безыскусственному творчеству всѣхъ европейскихъ народовъ побудило, наконецъ, ученыхъ приняться за систематизацію его и приведеніе къ общимъ формуламъ продуктовъ прихотливой фантазіи народной, часто прибѣгавшей къ случайному сцѣпленію первичныхъ фабулъ въ устной передачѣ ихъ изъ поколѣнія въ поколѣніе и отъ народа къ народу.

Большіе успѣхи, сдѣланные европейской и русской наукой по ознакомленію съ содержаніемъ средневѣковой литературы, открываютъ новые источники для многихъ такъ называемыхъ народныхъ произведеній, возникшихъ путемъ передачи литературныхъ сюжетовъ въ народную массу. Нѣтъ сомнѣнія, что значительная часть тѣхъ поэтическихъ произведеній, въ которыхъ прежніе изслѣдователи видѣли пріявленіе народной индивидуальности, окажется ничѣмъ инымъ, какъ принаровленіемъ къ мѣстнымъ понятіямъ заимствованнаго то литературнымъ, то устнымъ путемъ чужаго сюжета.

Однако, какъ бы ни были широки размѣры международнаго литературнаго общенія, все таки остается еще многое на долю самостоятельнаго народнаго творчества, отразившаго въ себѣ самобытный складъ психики того народа, который его проявилъ.

Только при посредствѣ такого индивидуальнаго различія въ складѣ понятій и воззрѣній каждаго народа можно удовлетворительно объяснить тѣ особенности, какія наблюдаются въ поэтическихъ произведеніяхъ одинаковаго содер-

жанія, но принадлежащихъ разнымъ народамъ. Такъ эпическія поэмы — пѣснь о Нибелунгахъ, пѣснь о Роландѣ, поэма о Дигенѣ Акритѣ и Слово о Полку Игоревѣ — настолько разнятся между собою, насколько различны народности, ихъ создавшія, хотя всѣ эти литературные памятники возникли приблизительно при той же степени культурнаго развитія каждой среды и вызваны были, пожалуй, одинаковыми внѣшними условіями.

Тоже самое слѣдуетъ имѣть въ виду и по отношенію къ чисто народнымъ памятникамъ. Нѣтъ народа безъ поэзіи, какъ нѣтъ народа безъ языка. Внѣшнія условія существованія накладываютъ рѣзкую печать на народное творчество, но очень часто они оказываются весьма сходными у разныхъ народовъ; отсюда происходитъ то поразительное совпаденіе, какое часто наблюдается у весьма отдаленныхъ племенныхъ группъ.

Съ другой стороны, единство источниковъ культуры опредѣляетъ собою однообразіе въ складѣ жизни и понятіяхъ, по крайней мѣрѣ, европейскихъ народовъ. Этого обстоятельства нельзя терять изъ виду при анализѣ безыскусственной поэзіи, но также и увлекаться имъ черезъ мѣру не слѣдуетъ: народная жизнь складывается изъ взаимодѣйствія внутреннихъ и внѣшнихъ двигателей.

Поэтому мнѣ кажутся основательными усилія тѣхъ ученыхъ, которые въ устныхъ народныхъ произведеніяхъ искали и отыскиваютъ выраженіе народной индивидуальности. Но также вполнѣ законны стремленія и тѣхъ, которые, обнимая широкій кругозоръ литературныхъ явленій, пытались и пытаются указать совпаденія словесныхъ памятниковъ, принадлежащихъ разнымъ періодамъ и разнымъ народамъ.

Истина, какъ всегда, посрединѣ. Не увлекаться ни въ ту, ни въ другую сторону было моимъ желаніемъ. Выбравъ послѣ долгаго блужданія въ необъятномъ морѣ народнаго слова сюжетъ, показавшійся мнѣ доступнымъ для точнаго изслѣдованія, я принялся за трудъ, имѣя въ ви-

ду не только возстановить послѣдовательную исторію его развитія, но также затронуть нѣкоторые общіе вопросы, касающіеся сущности безыскусственной поэзіи.

Задача оказалась вовсе нелегкой. Пришлось прослѣдить сюжетъ у всѣхъ европейскихъ народовъ, для чего понадобилось изучить мѣстные языки, усвоить точку зрѣнія научной разработки народной словесности и познакомиться съ содержаніемъ ея у германскихъ, романскихъ и славянскихъ народовъ.

Сопоставляя и анализируя собранные варіанты, я не могъ игнорировать бытовыхъ явленій. Единственно они могли указать первичную почву, отъ которой пошло развитіе сюжета и дать возможность связать словесныя произведенія съ жизнью.

При изученіи сюжета, мнѣ казалось недостаточнымъ отмѣтить лишь совпаденія: по мѣрѣ силъ я стремился опредѣлить тотъ путь, какимъ шло пѣсенное произведеніе, передаваясь отъ народа къ народу. Мнѣ думается, что, разрабатывая народную поэзію по мотивамъ, съуживая вопросъ изслѣдованія и соотвѣтственно проводя анализъ въ глубь, можно придти къ болѣе или менѣе твердымъ частнымъ обобщеніямъ, а затѣмъ уже и къ широкимъ законамъ.

Насколько мнѣ удалось осуществить свой планъ и оправдать свою точку зрѣнія, предоставляю судить научной критикѣ. Самому же мнѣ остается утѣшать себя надеждой, что

Citius emergit veritas ex errore quam ex confusione.

Закончивъ свой трудъ и осматриваясь на тяжелый и долгій путь научной подготовки, я не могу безъ особой сердечной признательности помянуть имена тѣхъ гг. профессоровъ, которымъ всецѣло обязанъ своимъ научнымъ развитіемъ:

Искреннее спасибо Ор. Ѳ. Миллеру, М. И. Сухомлинову, В. И. Ламанскому, А. Н. Веселовскому и В. Ягичу.

Кромѣ того считаю себя обязаннымъ поблагодарить за содѣйствіе проф. Лейпцигскаго Университета А. Лески-

на и д-ра Вольнера, кустоса Чешскаго Національнаго Музея А. О. Патеру и почтеннаго и многозаслуженнаго И. Кукульевича-Сакцинскаго, бывшаго Великаго Жупана хорватскаго, за его любезное предоставленіе въ мое распоряженіе своей богатой библіотеки. Не могу забыть также того вниманія со стороны Преосвященнаго Анатолія, Епископа Подольскаго и Балтскаго, благодаря которому мои занятія въ Аѳинахъ были особенно плодотворны.

ПѢСНИ
О ДѢВУШКѢ ВОИНѢ
И БЫЛИНЫ
О СТАВРѢ ГОДИНОВИЧѢ.

I.

Литература вопроса.

Пѣсни о дѣвушкѣ воинѣ въ первый разъ обратили на себя вниманіе итальянскаго изслѣдователя, Константина Нигры. Онъ первый замѣтилъ слѣды этихъ пѣсенъ па всемъ пространствѣ южной Европы, отъ Португаліи до Россіи включительно. Издавая нѣсколько добытыхъ имъ варіантовъ, онъ снабдилъ ихъ краткимъ введеніемъ, въ которомъ, обобщая свои наблюденія, старается установить между пѣснями генетическую связь. Сущность его выводовъ заключается въ слѣдующихъ строкахъ [1]).

„Trovai tracce di questo canto in Italia, Spagna, Portogallo, Serbia, Russia e Grecia. Quali di questi paesi può rivendicarne la creazione? Qualunque ne sia l'origine, io penso che non altramente che dalla Provenza venne trasmesso alle due penisole italica ed iberica, passando poi colle prime crociate in Grecia e ne'paesi slavì. La redazione primitiva sarebbe quindi, secondo quest' ipotesi, anteriore alla fine del duodecimo secolo; la quale antichitá è d'altronde pienamente confermata dall' indole cavalleresca dell' intiera composizione". Итакъ, найдя слѣды тойже пѣсни въ Италіи, Испаніи, Португаліи, Сербіи, Россіи и Греціи, Конст. Нигра предположилъ, что первоначальной родиной ея былъ югъ Франціи, Провансъ. Отсюда она перешла на Пиренейскій и Аппенинскій полуостровъ, за тѣмъ съ первыми крестовыми походами пере-

---

[1]) Canzoni popolari del Piemonte, raccolte da Constantino Nigra. Estratto dalla Rivista Conteporanea. XI. 1858. Torino. Fasc. III. p. 90. „*Guerriera*". Отдѣльный оттискъ изъ Rivista въ Вѣнской библіотекѣ.

дана была въ Грецію и Славянскія земли. На чемъ основано такое предположеніе Нигры, трудно сказать? Во всякомъ случаѣ оно не вытекаетъ изъ анализа собранныхъ имъ варіантовъ. Построивъ первую гипотезу, будто бы пѣсня изъ Прованса занесена на востокъ, авторъ согласно ей считаетъ конецъ XII ст. временемъ возникновенія первичной редакціи и доказательство такой древности усматриваетъ въ романтическомъ характерѣ всей композиціи ея.

Интересно отмѣтить, что какой то собиратель народныхъ пѣсенъ, Доменикъ Буффа (Domenico Buffa), снабдилъ попавшійся ему отрывокъ интересующей насъ пѣсни слѣдующимъ примѣчаніемъ: „La seguente canzone rassomiglia non poco ad una illirica. Ma più lunga è l'illirica e in molte parti diversa, e più bella assai. E tanta la rassomiglianza tra la nostra e la canzone illirica, che non può credersi causale, e quella anzi è visibilmente nata da questa". Нигра пользовался рукописнымъ сборникомъ Буффы, но не принялъ его мнѣнія, будто бы итальянская пѣсня произошла отъ сербской. Напротивъ того, онъ отстаиваетъ свое мнѣніе, что пѣсня возникла въ романской землѣ. „Io pero non dubito", говоритъ онъ, „che se egli (Buffa) avesse avuto sotto gli occhi le lezioni complete di Piemonte e di Portogallo, e ne avesse fatto soggetto di comparazione colla lezione serba, certo più lungae più artificiosa, me per ciò appunto meno popolare, non sarebbe stato lontano dal convenire con me"... Въ этомъ мѣстѣ Нигра сослался на извѣстный принципъ, которымъ пользуются ученые при разборѣ народныхъ пѣсенъ: чѣмъ короче народная пѣсня, тѣмъ смѣлѣе можно заключать объ ея древности.

Вотъ это всѣ результаты, къ которымъ пришелъ Нигра въ своемъ разборѣ собранныхъ имъ варіантовъ. Изъ такихъ пѣсенъ у него было двѣнадцать итальянскихъ и весьма незначительное количество чуженародныхъ, и при томъ по большей части мало интересныхъ отрывковъ. При такомъ матеріалѣ нѣтъ возможности установить какой либо твердый выводъ. Однако весьма замѣчательно, что при подавляющемъ количествѣ итальянскихъ пѣсенъ Нигра высказался за чужеземное происхожденіе оригинала. Къ разбору его теоріи мы еще возвратимся послѣ, а теперь посмотримъ, какъ совершалось накопленіе матеріала для сравненія варіантовъ этихъ пѣсенъ и что сдѣлано по установленію ихъ генетической зависимости.

Португальскій варіантъ, извѣстный Нигрѣ, заимствованъ имъ изъ превосходной работы Фердинанда Вольфа „*Proben portugiesischer und catalonischer Volksromanzen*" [1]). Собранныя здѣсь

---

[1]) Sitzunsberichte K. A. XX, 1. 1856. Wien.

пѣсни снабжены подробнымъ литературно-историческимъ введеніемъ, характеризующимъ народную поэзію въ Португаліи и Каталоніи.

Къ пѣснѣ, напечатанной у Ф. Вольфа, сдѣлалъ свои примѣчанія пользующійся въ наше время славой первостепеннаго знатока народной поэзіи Рейнгольдъ Кёлеръ [1]). Онъ указалъ на двѣ параллели: на славянскую пѣсню изъ Крайны, переведенную у Анастасія Грюна [2]) и на валашскую сказку у Шотта [3]). Въ томъ же самомъ номерѣ того же журнала самъ Ф. Вольфъ обратилъ вниманіе на трудъ Нигры и на восточный варіантъ, переведенный Станисл. Жюльеномъ съ китайскаго языка. Нѣсколько лѣтъ спустя Беллерманъ опубликовалъ [4]) варіантъ испанско-португальскій, и въ томъ же году Адольфъ Вольфъ напечаталъ собранныя Георгомъ Видтеромъ пѣсни изъ Венеціанской области [5]). Одна изъ нихъ принадлежитъ къ числу разбираемыхъ пѣсенъ и записана отъ крестьянокъ изъ Кастаньеро (Castagnero). О народѣ, населяющемъ этотъ край, издатель, бывшій профессоромъ австрійской исторіи, говоритъ слѣдующее: „Nur wer hier mit dem Volke und in dem Volke gelebt hat, wird seine Eigenart erkenne. Es rollt in seinen Adern viel deutsches Blut. In den Dörfern an den Tiroler Bergen findet man blondköpfige, blauäugige Jungen wie an der Donau und am Rhein. Die Namen Almerich, Brunhild, Gotthard, Wittekind werden noch in die Taufbücher eingetragen. Bis in's XVI Jahrhundert waren hier deutsche Pfarrer, deutsche Richter aus Meissen, Schlesien und Wien zu treffen. In Sleit (Schio), in Arzing (Arzignano), in den Vallis, welche nach Belluno und Feltre hereinleiten, waren Edelleute deutschen Namens und deutschen Stammes ansättig“. При изученіи странствующихъ мотивовъ народной поэзіи весьма важно знать, гдѣ происходило смѣшеніе расъ, сильно способствовавшее устной передачѣ разныхъ преданій отъ одного народа къ другому. Въ послѣдствіи мы увидимъ, что сѣверъ Италіи, кажется, и послужилъ этапнымъ путемъ для нашей пѣсни. Въ примѣчаніи къ венеціанской пѣснѣ А. Вольфъ указалъ на двѣ сходныя новогреческія въ сборникѣ Кинда [6]).

---

[1]) Jahrbuch f. Romanische u. Englische Litt. III. 1861.

[2]) Anastasius Grün, Lieder aus der Fremde, 76. Hannover 1857.

[3]) Schott, Walachische Märchen, стр. 175. 1845.

[4]) Bellermann, Portugiesische Volkslieder u. Romanzen, N 9, стр. 64—74. Leipzig 1864.

[5]) Volkslieder aus Venetien. Sitzungsberichte K. A. (257—381.) 1864. W.

[6]) Th. Kind: a) Μνημόσυνον. Neugriechische Volkslieder. 1849. b) Antologie neugriechischer Volkslieder. 1861.

Профессоръ Ор. Ѳ. Миллеръ отмѣтилъ нѣсколько славянскихъ пѣсенъ, сходныхъ съ былинами о Ставрѣ Годиновичѣ [1]. Одна черногорская, одна сербская и двѣ болгар. пѣсни въ первый разъ здѣсь привлечены къ сравненію, между тѣмъ какъ сказками нѣмецкими изъ сборника Я. Гримма [2], новогреческими и албанскими изъ сборника Гана [3], пѣснями алтайскихъ Татаръ изъ сборника Радлова [4] пользовался уже г. Стасовъ [5]. Указавъ еще на нѣсколько подходящихъ мотивовъ восточной поэзіи, г. Стасовъ очень смѣло построилъ свою теорію происхожденія былинъ русскихъ съ востока; проф. Ор. Ѳ. Миллеръ, напротивъ того, съ большою осторожностью остановился лишь на различіи отдѣльныхъ пересказовъ и съ полною основательностью не рѣшился установить генетической связи этого крайне сложнаго матеріала. Съ мнѣніями обоихъ ученыхъ мы будемъ еще имѣть дѣло нѣсколько ниже.

Самый богатый сравнительный матеріалъ для изученія нашего мотива представленъ былъ въ превосходномъ сборникѣ гг. Антоновича и Драгоманова [6]. Ученые объяснители этихъ пѣсенъ сдѣлали большой шагъ впередъ, указавъ на сходные мотивы малорусскіе, бѣлорусскіе, моравскіе, чешскіе и одинъ латышскій [7]; но для разъясненія внутренней зависимости собранныхъ варіантовъ ими не привнесено ничего новаго. Одно лишь замѣчаніе, по нашему мнѣнію, крайне мѣтко и интересно: образъ „поляницы женщины великой", встрѣчаемый въ великорусскихъ былинахъ, кажется имъ стоящимъ совершенно особнякомъ; онъ не подходитъ подъ тотъ культурный періодъ, когда сложились пѣсни о дѣвушкѣ воинѣ, хотя, несомнѣнно, образъ послѣдней оказалъ свое воздѣйствіе на характеръ композиціи былинъ о Ставрѣ Годиновичѣ.

Въ этой, какъ бы случайно высказанной мысли, мы усматриваемъ глубокое пониманіе сущности народной традиціи со стороны издателей и объяснителей южно-русскихъ пѣсенъ.

На сколько намъ извѣстно, это все, что сдѣлано въ европейской литературѣ по изученію странствующаго мотива о „дѣвушкѣ

---

1) Илья Муромецъ и богат. кіев. СПб. 1869. Стр. 635—646.

2) Grimm, Kinder u. Hausmärchen. 1850.

3) Hahn, Griechische und albanesische Märchen. 1864.

4) Radloff, Proben der Volkslitteratur der Türkischen Stämme Süd-Siberiens (I, II. 12—23).

5) Стасовъ, О происхожденіи русскихъ былинъ. В. Евр. (688—696) II. 1869.

6) Историческія пѣсни малорусскаго народа. Т. I. Стр. 314—327. Кіевъ 1874.

7) Ив. Спрогисъ, Памятники латышскаго народнаго творчества, стр. 273. Вильна 1868.

воинѣ", если не считать разбросанныхъ по отдѣльнымъ изданіямъ пѣсеннаго творчества указаній на параллельныя произведенія [1]).

Матеріалъ, извѣстный прежнимъ изслѣдователямъ, намъ удалось пополнить довольно значительнымъ количествомъ новыхъ варіантовъ, заимствованныхъ частью изъ старыхъ изданій, частью же изъ позже появившихся сборниковъ народной поэзіи. Накопленіе элементовъ для сравненія въ настоящее время такъ велико, что намъ кажется возможнымъ сдѣлать попытку внутренняго анализа литературной традиціи, создавшей почти у всѣхъ народовъ Европы и отчасти Азіи цѣлый рядъ словесныхъ произведеній, болѣе или менѣе связанныхъ съ культурнымъ строемъ каждаго народа въ отдѣльности. Преимущественное вниманіе мы обратимъ на произведенія европейскихъ народовъ и укажемъ лишь на извѣстные намъ отголоски въ литературахъ восточныхъ. Изучая пѣсенный мотивъ, мы съ особенною старательностью будемъ присматрваться къ той бытовой основѣ, на которой возникъ тотъ или другой поэтическій образъ; будемъ слѣдить за тѣми измѣненіями, какія происходили въ композиціи несомнѣнно перенесеннаго произведенія подъ вліяніемъ чуждой обстановки. Такимъ образомъ можно будетъ отдѣлить въ содержаніи каждой пѣсенной группы съ одной стороны черты, свойственныя извѣстной мѣстности и съ другой - элементы, болѣе устойчивые, передаваемые вмѣстѣ съ литературной традиціей отъ одного народа къ другому. Такія два теченія въ устной словесности всѣхъ народовъ несомнѣнно существуютъ — мѣстное и чужеземное. Въ своей работѣ мы будемъ стараться удержать равновѣсіе между этими двумя противоположными направленіями, не упуская изъ виду указаній бытовыхъ, историческихъ и литературныхъ.

---

[1]) Jérome Bujeaud, Chants et chansons populaires de provinces de l'Ouest. 1866: I. (290—292); II. (84 - 90). Puymaigre, Chants populaircs recueillis dans le pays Messin. 1865 (20—26).

II.

Женщина-воинъ.

Группа пѣсенъ сербско-болгарскихъ и ново-греческихъ.

Пѣсни и сказки, въ которыхъ дѣйствующимъ лицомъ является *воинственная женщина*, началомъ своимъ коренятся въ отдаленной старинѣ, въ томъ періодѣ культурной жизни, когда дѣйствительность, подавшая поводъ къ составленію такой пѣсни или разсказа, стала уже замѣняться другимъ строемъ жизни вслѣдствіе возобладанія иныхъ принциповъ, иныхъ общественныхъ отношеній.

Явленія жизни, сперва не привлекавшія къ себѣ общественнаго вниманія въ силу своей обычности, теперь становятся замѣтными; повторяясь все рѣже и одиночнѣе, они останавливаютъ на себѣ мысль людей, привыкшихъ уже къ другому порядку вещей; они глубже поражаютъ воображеніе и даютъ превосходный матеріалъ для пѣсни или разсказа.

Пѣсня, при началѣ своего возникновенія несложная по содержанію, простая по замыслу, могла явиться у разныхъ народовъ одновременно при одинаковыхъ бытовыхъ условіяхъ, соотвѣтствуя, или даже совпадая одна съ другой своей основой, своимъ содержаніемъ, разнясь только подробностями. Сказка чередуется съ пѣсней въ дальнѣйшемъ ея развитіи и часто одна питаетъ другую.

При поступательной, словесной или литературной, искусственной или безыскусственной обработкѣ основнаго мотива появляется различіе въ развитіи типа или сюжета, затемняемаго очень часто сплетеніемъ разныхъ фабулъ, заимствованныхъ нерѣдко путемъ литературнаго общенія народовъ, которое надо допустить даже для самыхъ отдаленыхъ періодовъ международныхъ сношеній.

Разсматривая собранный матеріалъ и разлагая его по содержанію на отдѣльные мотивы, мы принимаемъ за основу разсказа, за ядро каждой пѣсни о дѣвушкѣ-воинѣ самый фактъ, что *дѣвушка идетъ на войну*. Это бытовое явленіе послужитъ для насъ

исходнымъ пунктомъ при анализѣ составныхъ элементовъ собранныхъ пѣсенъ и сказокъ.

Медаковичъ [1]), описывая жизнь и обычаи Черногорцевъ, между прочимъ, пишетъ о такомъ случаѣ: „У Ровцима има една ђевойка, *коя е остала без браће, те се заректа да ће остати у ђевоячкой чистоти и бити мѣсто сина своем оцу, бити замѣна у витежкой неволъи и на юначком мегдану*. Она носи и данас мушко одѣло, паше оружѣ, а носи велю пушку о рамену. Ову сам, момак ђевойку, виђао 1855 год у Дубоком. Има мушко лице и доста озбильности. Она пуши дувап и иде свуда са людма, па и у бой. Ништа код нѣ ніе необично, што личи осталим горштаку. Као необично учинило ми си, кад іой едан заиска дувана: „дай ми, Милице, тоболац да напуним". Тад е могла имати око 35 година. Сва дружина држи ню исто као и осталога чоека. Нѣна е душевна намѣра, прави завѣт, коег она обдржава као светиню; а тай завѣт пази и остали люди и неће га нипошто повріедити". Фактъ этотъ, по нашему мнѣнію, весьма важенъ для установленія точки зрѣнія на нѣкоторыя пѣсни сербскія, болгарскія и ново-греческія. Нѣтъ сомнѣнія, что онъ не единственный въ своемъ родѣ. Такія или подобныя явленія должны были повторяться въ теченіе цѣлыхъ вѣковъ бурной, боевой жизни южнаго славянства. Смѣняясь одно другимъ на извѣстномъ промежуткѣ времени, такія событія подогрѣвали народное воображеніе и давали пищу творческой фантазіи пѣвцовъ, не успѣвавшихъ забыть уже разъ сложившихся по какому либо подобному случаю пѣсенъ, передававшихся изъ устъ въ уста въ строго опредѣленныхъ эпическихъ формахъ.

О другомъ, еще болѣе характерномъ случаѣ сообщаетъ Д Миладиновъ [2]). Героиня пѣсни, записапной имъ въ селѣ „Горе изъ Долно-Дебрскаго округа", называлась Сирмой. О ней онъ говоритъ слѣдующее: „Сирма сѣ роди во Дебарско село Тресанче. Девойка бидвеещемъ *подъ мѫшко облекло обходи какъ войвода планини-те* Бабинъ-трапъ, Стогово, Барбура, Карчинъ. *Момци те, кои тая водеше, ѭ узнаха као девойка, кога ѧ сѧ скинаха петлици-те отъ грѫди-те.* Тая на еденъ денъ истѫрга растояние отъ осумнадесетъ часа. Тая сѣ мѫжи на еденъ Меакъ Бѫлгаринъ отъ Крушево. Неѧ осумдесет годишна видохме во При-

---

[1]) Медаковић, Живот и обичаи Црногораца. 1860 у Новом саду. Стр. 23, прим.

[2]) Бѫлгарски народни пѣсни Загребъ, 1861. Стр. 328, прим. къ пѣснѣ N 212 „Сирма войводка".

лепъ, и отъ уста-та пейдзипа чухме за младост-та ѣ. Въ одая-та ѣ подъ перница джржеше кубри-те полни, и сабьи, обесени на дзизд-отъ, висеха натъ неа“.

На почвѣ такой дѣйствительной, реальной жизни должно было по необходимости возникнуть значительное количество пѣсенъ, вновь создаваемыхъ, или же приспособляемыхъ лишь къ отдѣльному новому случаю. Тамъ, гдѣ находится въ наличности готовый эпическій матеріалъ въ видѣ извѣстныхъ всему народу формулъ и пріемовъ рѣчи, какъ это можно наблюдать у Сербовъ и Болгаръ, тамъ каждое необычайное происшествіе дѣлается предметомъ особой пѣсни.

Братья Миладиновы (стр. 504, N 639) записали коротенькую пѣсню, распѣваемую жницами.

„Кжде сѣ чуло видело,
Санджакъ девойка да бидитъ,
Калци со копци да носитъ,
Бѣли елици петлици,
Санджакъ девойка да бидитъ
Со сто й пендесетъ санджаци!“

Народное воображеніе поражено тѣмъ, что дѣвушка стала во главѣ цѣлаго округа и облеклась въ мужское платье. Фактъ воспѣвается съ реальными подробностями и эпической простотой.

У Ристича [1]) находимъ тоже не сложную пѣсенку о томъ, что

„Чадор пеңе беже Јован-беже,
У Бијеску на читлуку своме,
И он купи под барјак јунаке,
Барјактар му лијепа дјевојка“.

Слуги Јована-бега оскорблены тѣмъ, что почетное званіе знаменосца досталось дѣвушкѣ, они просятъ удалить ее:

„Ја оћерај свога барјактара,
Ја ћемо те слуге оставити!

Имъ отвѣчаетъ бегъ:

„А бора ми, моје вјерне слуге,
Док је пара, биће измећара,
А дјевојке никад барјактара!...

За деньги можно имѣть слугъ вдоволь, но найти дѣвушку-знаменосца трудно.

Точно такую же пѣсню приводитъ и Вукъ [2]):

„Кад Али-бег нови бег бијаше,
Ђевојка му барјак носијаше;

---

[1]) Косте Х. Ристића, Српске народне пјесме. Покупљене по Босни. 1873. Беогр. Стр. 50, N 36.

[2]) Вукъ Караджичъ, Српске народне пјесме. I, Женскія пѣсни, стр. 420, N 583.

Дању носи зелена барјака,
Ноћу спава с бегом у душеку.

На просьбу своей дружины удалить дѣвушку-знаменосца, бег отвѣчаетъ:

„Дуга Босна, мене слугу доста,
Барјактара нема до Мостара".

Слѣдовательно, не всякій способенъ былъ нести и защищать въ бою знамя, съ которымъ всегда связывалась честь боевой четы: для этого нужны были люди выдающейся силы и отвага.

Затѣмъ у Ристича (стр. 120, N 6) помѣщена пѣсня „*Милица дјевојка хајдукује*", нѣсколько болѣе развитая въ томъ смыслѣ, что Милица, взятая въ плѣнъ Турками, послѣ геройской самозащиты выдаетъ свой полъ, раскрывая платье на груди предъ собравшимися посмотрѣть на плѣнницу турецкими женщинами. Пѣснь начинается такъ:

„Мили Боже чуда големога,
Ђе одбјеже у гору зелену,
У хајдуке Милица дјевојка.
Па облачи зелену доламу,
А на главу калпак и челенку.
Мало вр'јеме, за дуго не било,
Сакупила да *тридесет* хајдука,
Све јунака, болег од болега.
Хајдук била тридесет година
И посјекла до *тридесет* глава.

Въ этой пѣснѣ событіе облечено въ чисто эпическія формы народной поэзіи, унаслѣдованныя отъ временъ прошедшихъ. Самое происшествіе при этомъ можетъ быть весьма близкимъ къ намъ.

Турецкіе аги и спахіи, такъ поется дальше, вышли противъ гайдуковъ и окружили Милицу. Товарищи ея уже раньше погибли, она одна отчаянно защищалась, но противъ тридцати Турокъ ничего не могла сдѣлать; ее схватили и повели къ городу Травнику.

„Кад су били у близу Травника
Ал' се маглом замаглио Травник:
Јер изашло мало и велико,
И изашле буле и хануме".

И говорили:

„Ој хајдуче, да те Бог убије,
Зар имаде на св'јету јунака
Да с' не боји нашијех Турака?"

Милица на это отвѣчаетъ:

„Ја нијесам турска кукавица,
Већ сам јунак млада Српкињица!"

Героизмъ сербской женщины достигаетъ здѣсь высокой степени своего проявленія и сознанія своего превосходства надъ турецкими женами-рабынями.

Раньше была уже упомянута личность Сирмы войводки, лично извѣстной собирателю болгарскихъ пѣсенъ, Д. Миладинову. Пѣсня, сложившаяся о ней, интересна въ бытовомъ отношеніи. Она начинается обычнымъ болгарскимъ запѣвомъ:

„Дека сѐ чуло видело,
Мома войвода да бидитъ
На седамдесетъ сеймени
На тія гори зелени,
На тія води студени?"

Изъ текста далѣе неясно, почему предводительница сама предлагаетъ избраніе новаго начальника. Можно впрочемъ думать, что дружина была недовольна женской командой. Воеводой можетъ быть лишь самый удалый и самый сильный изъ всей ватаги; назначаются поэтому испытанія.

Сирма приказываетъ:

„Земайте пжрстенъ отъ ржкка,
Вжрзейте пжрстенъ на бука,
Фжрлейте редомъ на нишанъ;
Кой ке ударитъ пжрстенъ-атъ,
Той ке си бидетъ войвода".

Всѣ стрѣляли по очереди, но лишь одна Сирма попала въ перстень. Послѣ того слѣдуетъ вторая проба:

„Земайте каменъ фжрлейте,
Кой ке ме мене натфжрлитъ,
Той мене нека кердосатъ,
Той младъ войвода да бидетъ".

Всѣ бросали камни по очереди, и дальше всѣхъ бросила Сирма, послѣ чего ее снова выбрали предводительницей.

Встрѣченныя здѣсь нами бытовыя черты переносятъ насъ въ отдаленную старину, когда онѣ существовали въ жизни и другихъ народовъ. Суровая и неподвижная культура южнаго славянства сохранила еще до послѣдняго времени много остатковъ давно отжившихъ у другихъ народовъ обычаевъ.

Стрѣляніе въ кольцо, какъ испытаніе удали молодецкой, встрѣчается и въ русскомъ эпосѣ (Гильфердингъ N 7) [1]):

Не угодноль съ моимá дворянами потѣшиться,
Пострѣлять въ колечко золоченое?...

предлагаетъ Владиміръ женѣ Ставра.

Одним изъ условій для полученія руки Брунгильды было требованіе доказать свое превосходство надъ нею въ бросаніи камня:

---

[1]) Онежскія былины. СПб. 1873.

„*Den Stein den warf sie verre*, dar nôch si wîte spranc..“ [1])

Удобнѣе всего смотрѣть на подобныя бытовыя совпаденія какъ на результатъ единства законовъ, заправляющихъ общественнымъ развитіемъ. Врядъ ли можно говорить о заимствованіи такихъ подробностей между столь отдаленными эпосами, какъ германскій и южно-славянскій.

Дѣвушка-гайдукъ — типъ излюбленный сербо-болгарской поэзіи. Вѣковая борьба съ грознымъ врагомъ по необходимости поддерживала въ юго-славянской женщинѣ рѣшительность и отвагу, связанныя съ необычайной выносливостью.

Вукъ (I, стр. 483, N 656) отмѣтилъ пѣсню: „Одметница Мара“.

„Одметну се одметница Мара
Преко Бањe-луке у ајдуке,
Девет годин' арамбаша била;“

на десятый годъ ее схватили Турки и передали баньялукскому пашѣ. Тотъ приказалъ предать ее мучительной смерти, повѣсивъ на крюкъ (ченгел). Турецкія женщины, бросивъ не повитыхъ дѣтей и оставивъ приготовленное тѣсто, выбѣжали смотрѣть на казнь. Вися на крюкѣ, Мара говорила къ нимъ:

„Шта гледате, буле Банјолучке?
Ако ј' Мара по гори ходила,
Није Мара копиле родила,
Како сте ви буле Банјолучке,
Те хитате у Врбас у воду“.

Смыслъ послѣднихъ стиховъ для насъ не вполнѣ понятенъ: въ чемъ, именно, упрекаетъ Мара турецкихъ женщинъ? Но несомнѣнно, что сохраненіе дѣвственной чистоты со стороны дѣвушекъ, посвятявшихъ себя тягости военной жизни, было распространено и имѣло какое-то мистическое значеніе, пользовавшееся общимъ почетомъ. Объ этомъ мы имѣли уже свидѣтельство Медаковича.

Извѣстно, съ какимъ вниманіемъ отнеслась сербская и болгарская поэзія къ той возвышенно нравственной связи, какая существуетъ въ народѣ между братьями и сестрами. Ихъ взаимная любовь и преданность составляютъ свѣтлую и въ высшей степени симпатичную эторону народной психики. Этотъ психологическій критерій можетъ до извѣстной степени служить признакомъ принадлежности пѣсни той или другой народности. Конечно, пользоваться имъ приходится лишь съ крайней осторожностью. Основываясь на этой рѣзко бьющей въ глаза чертѣ народнаго характера Сербовъ, г. Вольнеръ не рѣшился, и, по нашему мнѣнію, вполнѣ справедли-

---

[1]) Fr. Zarncke, Das Niebelungenlied. 1875. Стр. 329.

во, приписать греческому источнику рядъ южно-славянскихъ пѣсенъ, входящихъ въ кругъ сказаній о Ленорѣ [1]).

Сестра сопровождаетъ брата и въ опасныхъ предпріятіяхъ гайдуковъ. Безсоновъ [2]) заимствовалъ изъ сборника Венелина пѣсню, записанную въ Видинскомъ округѣ. Въ ней братъ говоритъ сестрѣ:

„Сестро Бояно, Бояно!
Много ти си ма слушала,
И сега да ма послушашь:
Хайде сестро, я хайде,
Да идемъ, сестро, да идемъ,
На Врачанскж-тж клисуржж;
Тежка ште хазна да мине"...

Сестра не можетъ слѣдовать на этотъ разъ за братомъ: недавно она вышла замужъ и теперь была тяжела:

„Та съмь си тежка-дебела,
Мжжко штж дѣте да роджж".

Братъ замѣчаетъ на это, что предпріятіе будетъ продолжаться не долго: всего три дня и три мѣсяца. Сестра соглашается. Въ горахъ она говоритъ брату:

„Да сѣдишь, брайко, на задѣ:
Азе ште сама излѣзнж,
Сама ште хазнж узѣмж".

Тотъ такъ и сдѣлалъ. Бояна же, завидѣвъ караванъ, застрѣлила сперва казначея и съ саблей въ рукѣ устремилась на его отрядъ. Триста человѣкъ было убито. Казна досталась Боянѣ. Когда братъ ея и его дружина начали дѣлить богатство, у Бояны родился сынъ и тотчасъ проговорилъ:

„Богдане, уйчо Богдане:
Хазнж-тж право дѣлѣте
И мене дѣлбж сторѣте".

У такой могучей женщины, какъ Бояна, и дѣти должны быть надѣлены необычайными качествами.

---

[1]) Der Lenorenstoff in der slavischen Volkspoesie. A. f. s. Ph. VI. 239—269.

Взглядъ г. Вольнера раздѣляетъ и г. Психарисъ (La Ballade de Lénore en Grèce. Extrait de la Revue de l'histoire des religions. Paris, 1884. E. Leroux. 8⁰, 40), принимая за первичный малорусскій варіантъ, между тѣмъ какъ г. Политисъ (Τὸ δημοτικὸν ᾆσμα περὶ τοῦ νεκροῦ ἀδελφοῦ. Ἀπόσπασμα ἐκ τοῦ Δελτίου τῆς ἱστορικῆς καὶ ἐθνολογικῆς ἑταιρίας τῆς Ἑλλάδος. Ἐν Ἀθήναις. 1885) рѣшительно высказывается противъ славянскаго происхожденія пѣсни о мертвомъ братѣ, основываясь на значительномъ распространеніи ея среди греческаго народа. Прототипъ ея усматриваетъ онъ въ миѳѣ о Протесилаѣ и Адонисѣ и въ тоже время ставитъ ее въ связь съ византійскимъ эпосомъ объ Акритѣ. На этомъ вопросѣ надѣемся со временемъ остановиться подробнѣе.

[2]) Сборникъ болгарскихъ пѣсенъ, стр. 32, N 3.

Въ значительно измѣненномъ видѣ пѣсня о *Боянѣ-войводкѣ* помѣщена у Миладиновыхъ (стр. 256, N 166). Записана она ими въ окрестностяхъ Панагюрища, принадлежавшаго съ XVI ст. къ числу самостоятельныхъ болгарскихъ общинъ въ Родопскихъ горахъ [1]). Девять лѣтъ была Бояна *предводительницей;* на десятомъ году, за неимѣніемъ денегъ, она нападаетъ на пути на Кириму, богатую турецкую женщину, сопровождаемую большимъ отрядомъ. Какъ по содержанію самой пѣсни, такъ и по мѣсту ея записанія, можно думать, что Бояна была не простой начальницей ватаги гайдуковъ, но стояла во главѣ цѣлой свободной болгарской общины, была княгиней. Въ своемъ лицѣ она такимъ образомъ соединяла функціи правителя и военачальника. Эта пѣсня сближается съ первой, нами приведенной, начинавшейся такъ:

„Кжде сѣ чуло видело,
Санджакъ девойка да бидитъ".

Санджакъ обозначаетъ praefectus provinciae.

Типъ воинственной дѣвушки очерчивается подробно съ сохраненіемъ бытовыхъ, несомнѣнно народныхъ чертъ, въ пѣснѣ „Бѣла Рада" (Миладиновы, стр. 103, N 72). Рада похваляется однажды вечеромъ у колодца:

„Азъ сжмъ мома надъ момами-те,
А невяста надъ невясти,
И юнакъ сжмъ надъ юнаци.
Я си въ село и не мія,
Но ся мія въ поле съ роса,
Де-то Совко (Јовко) стадо пасе".

У Јовки было *девять* сестеръ. Онѣ передали ему, чѣмъ похвасталась Бѣла Рада. Богатырь-пастухъ Јовко приказываетъ своимъ овчарямъ схватить Раду. Но

„*Рада била па похитра,*
Па похитра, поразумна,
Облече ся съ турско рухо,
Въ турско рухо 'се червено,
И наметна тжнка пушка,
И запаса чивтъ пищоле,
Та ся мятна на вранъ коня,
Па отиде на планина
Де-то Јовко стадо пасе".

---

[1]) Иречекъ, Исторія Болгаръ. 1878. Одесса. Стр. 577 и слѣд.

Своимъ грознымъ видомъ она устрашила сильнаго Јовко и приказала ему заколоть ягненка-сосунца,

„Де бозало *деветъ* майки“

и принести вина,

„Де кипяло *деветъ* пжти“.

Поѣвши и напившись, Рада вскочила на своего воронаго коня и, смѣясь надъ обманутымъ Јовкомъ, умчалась съ планины.

Въ пѣснѣ этой, при совершенной естественности юначества болгарской дѣвушки, вполнѣ понятнымъ оказывается и мотивъ переодѣванія, играющій столь видную роль въ пѣсняхъ, къ которымъ мы впослѣдствіи перейдемъ. Но остановимся предварительно еще на кое-какихъ подробностяхъ.

Въ сборникѣ г. Качановскаго [1]) приведены двѣ пѣсни: одна, записанная въ Велесскомъ округѣ, другая въ г. Радомирѣ. Въ обѣихъ поется о *дѣвушкѣ-воеводѣ*. Обстановка въ нихъ, несомнѣнно, реальная.

Въ первой (стр. 508) говорится:

„Де-ка се чуло видело,
Мома булюкъ-баша да биде
Со сто и педесе деліи,
Со триста мина сеймени,
Со кадифе фыстанъ до земня,
Со тонка пушка на рамо,
Чифте-пиштоли на поясъ“.

Здѣсь дѣвушка-воевода остается въ своемъ женскомъ платьѣ: реализмъ народной поэзіи не упускаетъ изъ виду даже такихъ подробностей. Въ дальнѣйшемъ своемъ развитіи обѣ пѣсни у г. Качановскаго примыкаютъ къ разобранной нами выше пѣснѣ о Сирмѣ. Дружина приступаетъ къ выбору начальника. Сперва бросаютъ жребій: въ тѣсто замѣшиваютъ монету, потомъ разрѣзываютъ его на куски и въ чьемъ кускѣ окажется монета, тотъ и будетъ вожакомъ ватаги. Счастье благопріятствуетъ дѣвушкѣ: монета достается ей. Недовольные такимъ исходомъ, дружинники устраиваютъ стрѣльбу въ цѣль: въ цѣль попадаетъ лишь дѣвушка и остается „булюкъбашой“.

Вторая пѣсня г. Качановскаго съ особымъ вниманіемъ описываетъ стрѣльбу въ цѣль: нужно попасть пулей въ кольцо, помѣщенное на буковомъ деревѣ. Дѣвушка стрѣляетъ не стоя, но упершись колѣномъ въ землю. Прицѣлъ получаетъ чрезъ то больше выдержанности: рука поддерживающая стволъ, покоится на другомъ колѣнѣ. Отъ перваго разу дѣвушка попадаетъ въ перстень Она была воеводой девять лѣтъ, ее еще выбираютъ на девять лѣтъ.

---

[1]) Памятники болгарскаго народнаго творчества. I. СПб. 1882. Стр. 508 N 204 и стр. 509 N 205.

Воиновъ своихъ она называетъ своими цыплятами (пиленца), жизнь ведетъ, какъ и всѣ другіе гуйдуки:

...„Да піемъ вино червено
И тая люта ракія“.

Подобные типы воинственной женщины, безъ сомнѣнія, возникли па суровой, родной почвѣ того народа, который поетъ про нихъ пѣсни. Мнѣ разсказывали Болгары, что и во время возстанія 1876 г., во главѣ дружины стояла энергическая женщина: со знаменемъ въ рукѣ она первая шла въ бой. Происходила она изъ города Панагюриште и называлась Райна. Живетъ она, по всей вѣроятности, еще и теперь. Интересно отмѣтить, что въ окрестностяхъ этого города записана была Миладиновцами пѣсня о Боянѣ-войводкѣ. Можно думать, что традиція о дѣвушкѣ-воинѣ не только передавалась съ давнихъ временъ въ пѣсняхъ македонскихъ Болгаръ, но и жила въ психикѣ народа.

У Верковича [1]) отмѣчена пѣсня изъ Добре, повидимому, отрывокъ. Изъ Добарскаго округа происходила, какъ указано выше, и Сирма, героиня пѣсни, записанной Миладиновыми (стр. 328). Въ мѣстности этой живутъ Болгары-мусульмане на границѣ съ Арнаутами. Мущины въ пути или на отдыхѣ поютъ:

„Али се е чудо и видело,
Девойка войвода да биде,
Со седамдесетъ сеймени,
Со осамдесетъ субаше,
Со деведесетъ деліе“.

Устраивается стрѣльба въ цѣль, лишь дѣвушка попадаетъ въ средину прицѣла.

Подвиги дѣвушки, стоящей во главѣ отряда гайдуковъ, прославляются еще въ слѣдующихъ пѣсняхъ: у Безсонова (стр. 139) перепечатана пѣсня изъ сборника Катранова. Въ ней дѣвушка-воевода разгуливаетъ по горамъ съ дружиной въ триста юнаковъ. Молодцы ропщутъ, не имѣя поживы уже три мѣсяца, и хотятъ разойтись по домамъ. Бояна удерживаетъ ихъ, разсказывая, что ей приснилось, будто должна пройти въ горахъ царская казна въ сопровожденіи трехсотъ пушкарей и пятисотъ янычаръ. Такъ и случилось. Бояна приближается къ султану, требуя съ него выкупа въ пользу всѣхъ своихъ молодцовъ. Когда тотъ отказываетъ ей, она даетъ знакъ къ нападенію; но юнаки, не понявъ призыва, разбѣжались въ горы. Пришлось одной Боянѣ справляться со всѣмъ конвоемъ султана: всѣхъ положила она на мѣстѣ, а казну раздѣлила между гайдуками.

---

[1]) Народне песме Македонски Бугара. I. 1860. Београдъ. Стр. 363, N 334.

Пѣсня о Еленѣ, дѣвушкѣ-гайдукѣ (Безсоновъ, стр. 143), поется на подобіе гимна съ припѣвомъ, повторяющимся неправильно: то послѣ одного, то послѣ двухъ, трехъ, или даже четырехъ стиховъ. Елена овладѣваетъ казной султана Мурата и дѣлитъ ее между своими гайдуками, которымъ три года не платила, такъ что тѣ были почти безъ платья. Затѣмъ она ограбила Боснійскій караванъ. Купцы не узнали въ ней дѣвушки и въ недоумѣніи говорили:

„Млада-ле войводо
И българскы юнако!"

Она девять лѣтъ ходила съ гайдуками и была ихъ начальницей. Въ концѣ пѣсни въ обращеніи къ ея лицу торжественно заявляется:

„Тебе нѐ сѫ надвили, Други надхвърлили,
Нито сѫ ти камъкъ Нито надскачѣли.

Во всѣхъ молодецкихъ играхъ—въ борьбѣ, въ метаніи камня и въ прыжкѣ — она оказывалась удалѣе всѣхъ прочихъ гайдуковъ. Всѣ дивились ея ловкости и силѣ. Вся пѣсня полна свѣжести и энергіи и дышетъ реализмомъ, недопускающимъ ни малѣйшаго сомнѣнія въ томъ, что она сложилась для восхваленія подвиговъ лица, къ которому и дѣлается обращеніе.

Насъ не должно, конечно, удивлять, что типъ дѣвушки-воина часто спускается до разбойничьяго характера гайдука, подстерегающаго своего врага или добычу въ ущельяхъ горъ. Въ такомъ пониженіи типа мы усматриваемъ вліяніе политическихъ условій, отнявшихъ у народа болгарскаго возможность открыто бороться со своимъ непріятелемъ. Но для насъ существенное значеніе имѣетъ въ данномъ случаѣ не возвышенность типа, мѣняющаяся съ культурнымъ состояніемъ того народа, въ которомъ существуетъ, а самая психологическая почва, создающая подобныя явленія. Женщина-воительница не можетъ быть женщиной-рабыней; въ народѣ, ея производящемъ, нѣтъ мѣста общему взгляду на женщину, какъ на существо низшее. Женщина, доказавшая свою силу, ловкость и энергію, считается достойной повелѣвать дружиной гайдуковъ.

Въ доказательство такого вывода приведемъ нѣсколько мнѣній о положеніи черногорской женщины, жизнь которой, какъ извѣстно, тяжелѣе, чѣмъ у представительницъ другихъ славянскихъ народовъ.

Въ Барѣ д-ръ Шварцъ [1]) имѣлъ случай наблюдать большую группу женщинъ, возвращавшихся изъ церкви на Юрьевъ день. „Хотя это были христіанки, —говоритъ онъ,—и были не покрыты,

---

[1]) Bernhard Schwarz, Montenegro. Schilderung einer Reise durch das Innere nebst Entwurf einer Geographie des Landes. Изложеніе г. О-скаго въ Ж. М. Н. Пр. 1883, II.

видъ ихъ былъ чисто восточный. Въ широкихъ шальварахъ изъ пестрой шелковой матеріи, богато покрывшія себя украшеніями изъ золота и жемчуга, замотанныя въ легкій, воздушный газъ, выступали эти довольно высокія, но весьма нѣжныя созданія, съ лицами несомнѣннаго, чистаго греческаго типа. Узкая, овальная форма всей головы, ослѣпительно бѣлая кожа, на которой словно изнутри вспыхивалъ свѣжій румянецъ щекъ; темные, миндалевидные глаза со смѣло поднятыми, черпыми бровями и съ тонкою кожей нижней рѣсницы, сквозь которую едва замѣтно просвѣчивалъ синеватый оттѣнокъ, а все лице обрамляютъ черные съ синевой, тяжелые волосы,—это все живо напоминало красавицъ гарема, которыхъ такъ часто мы видимъ на картинахъ живописцевъ, представляющихъ восточные сюжеты, и которыми мнѣ самому иногда приводилось любоваться въ Констинтинополѣ или на Принцевыхъ островахъ. *Какое огромное различіе между этимъ типомъ человѣчества, этою расою женщинъ, физіономіи которыхъ точно восковыя и напоминаютъ живо женскія головки въ нашихъ салонахъ для завивки, и нѣсколько присаженными, мускулистыми, загорѣлыми фигурами черногорскихъ женщинъ съ гораздо болѣе широкими, костлявыми лицами!* Эти нѣжныя фигуры вмѣстѣ съ красотою восточныхъ женщинъ представляютъ собою ничсгонедѣланіе, лѣнь, которой онѣ отдаются, лежа за своими рѣшетчатыми окнами на мягкихъ диванахъ, *тогда какъ тѣ—представительницы тяжелой работы и упорной борьбы за существованіе*" (Schwarz, стр. 139; Ж. М. Н. Пр. 1883, II, 410—411).

Въ добавокъ г. Шварцъ говоритъ, что черногорскія женщины носятъ *черный чунь*. „Признаемся, это для насъ новость: (гов. г. А. О-скій) кромѣ бѣлыхъ, мы никогда не видали во всей Катунской нахіи, а въ Дробнакахъ, костюмъ которыхъ онъ такъ хвалитъ, это есть: именно, если пе черный, то темпо-синій, иногда темно-малиновый. А между тѣмъ авторъ ужь спѣшитъ сдѣлать выводъ по поводу этого не бывалаго чернаго кафтана: *въ Черногоріи-де, какъ и у нѣкоторыхъ другихъ народовъ, присвоенъ только черный цвѣтъ, цвѣтъ работы и подчиненія женщины.* Понятно, что авторъ увлекся тутъ своею любимою мыслью—о страшномъ порабощеніи черногорской жепщины. Да, это правда: она задавлена работой. Но это обусловливается тѣмъ обстоятельстсомъ, что мужья всегда или на войнѣ, или на стражѣ, такъ какъ въ Черногоріи почти никогда нѣтъ мирнаго положенія. Но вѣдь и въ остальной Европѣ женщина, если не имѣетъ большихъ средствъ, развѣ не поглощена также вся кухней, приборкой въ домѣ, обшиваніемъ дѣтей и вообще уходомъ за ними?

„Д-ру Шварцу неизвѣстно, *что черногорская женщина подчиняется своему мужу на столько, на сколько и онъ вѣренъ ей и своему долгу передъ домомъ и семьей;* въ противномъ же случаѣ она отомститъ ему, какъ отомстилъ бы и онъ ей, т. е. пулей или ножомъ, или же потребуетъ развода и добьется своего. И если только она пойдетъ на то, то она ничего не испугается. *Такого духа въ рабахъ не бываетъ Рабы при томъ плохіе воины, а черногорская женщина, гдѣ случится, не побѣжитъ и изъ боя*" (Ж. М. Н. Пр. 425—26).

Съ чрезвычайною настойчивостью г. Шварцъ повторяетъ все, что̀ прежде было сказано о женщинѣ. Представивъ еще рѣзче ея положеніе, отражающееся на ея наружности и здоровьѣ, онъ такъ передаетъ выраженіе ея физіономіи: „Нѣчто убитое и робкое видно въ ея глазахъ, по крайней мѣрѣ публично, тогда какъ при благопріятныхъ условіяхъ, и эти дочери Евы умѣютъ показать веселыя мины и живость взгляда. *Въ одномъ только онѣ приближаются къ мущинамъ — въ мускульной силѣ, крѣпости и выносливости, что женщина такъ блестяще выказываетъ въ ношеніи тяжестій*" (l. c. 439).

Ленорманъ [1]), выставивъ на видъ тягостное положеніе черногорской женщины, не можетъ однако не показать и другой стороны. „Черногорская женщина", говоритъ онъ, „ведетъ жизнь тяжелой работы; но ея достоинство отъ того не страдаетъ. Уважаемая и любимая своимъ мужемъ, она служитъ украшеніемъ очага, у котораго каждый день отдыхаетъ утомленный воинъ. Это римская матрона лучшихъ временъ республики, чистая и вѣрная своему мужу, гордая числомъ и крѣпостью своихъ дѣтей, которая отдала свою жизнь домашнимъ заботамъ. Но черногорская женщина не ограничивается занятіями и такою жизнью, которую мы только что представили. *Она, подобно мущинамъ, имѣетъ свои радости, свою славу и свои тріумфы: она участвуетъ въ походахъ мужа и въ бояхъ; она мститъ за мужа* и т. д."

И въ заключеніе онъ такъ разсматриваетъ ея характеристику: „возвышенность, чистота и моральное достоинство черногорской женщины, не смотря на условіе безпрестанной работы, окружаютъ ее такимъ уваженіемъ, котораго нельзя было бы ожидать при упомянутыхъ условіяхъ ея существованія. Съ этой точки зрѣнія нравы Черногорцевъ совершенно рыцарскіе. *Женщина для нихъ существо неприкосновенное.* Месть, распри племени или семейства не распространяются на нее. Она пользуется одною изъ самыхъ благопріятныхъ привилегій. Человѣкъ, котораго женщина

---

[1]) Turcs et Monténegrins, стр. XVIII, XXI—XXII.

взяла подъ свою охрану, — совершилъ ли онъ какое убійство, становится также неприкосновеннымъ, какъ и она; съ нею онъ можетъ сидѣть у очага своихъ враговъ, и никто не посмѣетъ тронуть волоса на его головѣ, такъ какъ это значило бы навсегда обезславить себя въ глазахъ цѣлаго народа. Послѣ женщины существо самое священное для Черногорцевъ — путешественникъ" (l. c. 440).

Роль женщины-воительницы падаетъ иногда еще ниже дѣятельности гайдука: она превращается въ подвигъ молодецкой кражи. Такъ у Вука (I, стр. 484, N 657) находимъ пѣсню „Зулумћар дјевојка", гдѣ говорится:

„Рече се зулумћар дјевојка,
Да начини наджак од челика.
Да разбије камен-врата граду,
Да покраде коње Југовића,
Да их прода преко мора сињег,
Девет коња за девет хилада,
Девет седла за девет стотина,
Девет узда за девет дуката".

Чѣмъ похвасталась, то и выполнила. Другая дѣвушка по пѣснѣ, записанной въ Дубровникѣ (Вукъ I, стр. 484, N 658), бьется о большой закладъ съ пашой:

„Да ће устат' у по ноћи сама,
Отворити Цариграду врата,
У цареве дворе ушетати,
И дигнути цару сарук с главе,
И царици јастук испод главе", и т. д.

Хотя содержаніе ея и напоминаетъ нѣчто сказочное, тѣмъ не менѣе намъ интересно видѣть, какъ представленіе объ удали и молодечествѣ дѣвичьемъ находило свое выраженіе въ разныхъ углахъ Балканскаго полуострова, въ народности болгарской и сербской.

Для полноты остановимся еще на пѣснѣ, причисляемой Вукомъ (I, стр. 159, N 234) къ числу миѳологическихъ. Ея фантастичность скорѣе говоритъ въ пользу ея ненародности. Въ ней дѣвушка хвастается тѣмъ, что не умѣетъ прясть, не хочетъ стеречь отцовскаго стада, но собирается построить на горѣ чудную церковь. Царю это показалось дерзкимъ, и онъ посылаетъ двухъ своихъ племянниковъ привести дѣвушку. Однако тѣ въ страхѣ вернулись назадъ, говоря:

„*Светли царе, огријано сунце!*
Светли царе, круно позлаћена!
Ето сабље, ево наше главе,
Не смесмо јој ни до двора доћи,
А камо ли да је доведемо".

Испугались же они того, что:

„Она седи пред своjи дворови,
Пред дворови на златни столови,
Самур-калпак на очи намиче,
Голу сабљу преко крила држи“.

Царь самъ идетъ за дѣвушкой съ тремя отрядами войска; но она

„Jедну воjску буздованом биjе,
Другу воjску бритком саблом сече,
Трећу воjску на воду натера“.

Видя это, царь бросился спасаться бѣгствомъ, но она поймала его и, выколовъ ему глаза, пустила въ лѣсъ:

„Па он иде од jеле до jеле,
Како птица од гране до гране“.

Подчеркнутые нами стихи интересны для сравнительнаго изученія эпическихъ формъ и выраженій: подобныя, какъ извѣстно, встрѣчаются и въ русскомъ эпосѣ. Что же касается характера дѣвушки, то въ немъ мы не видимъ ничего миѳологическаго; но также не замѣтно, чтобы жизнь, бытъ и дѣйствительность наложили на него свою печать, подобно живымъ обликамъ дѣвушекъ-воеводъ, дѣвушекъ-гайдуковъ въ пѣсняхъ, выше нами разсмотрѣнныхъ. Тамъ въ каждомъ стихѣ, въ каждомъ положеніи, въ каждомъ мотивѣ чувствуется реальная жизнь съ ея дѣйствительной обстановкой; здѣсь же, напротивъ того, насъ поражаетъ какая то неясность, неестественность и внѣшность, чуждая народному быту.

Нѣтъ сомнѣнія, кажется, что количество пѣсенъ, нами приведенныхъ, достаточно убѣждаетъ въ способности болгарской и сербской женщины совершать удивительные подвиги мужества и военной доблести. Факты такіе, какъ мы видѣли, засвидѣтельствованы очевидцами. Являясь въ рядахъ удальцовъ, женщина иногда сохраняла свою одежду — что и отмѣчено пѣсней, — но чаще переодѣвалась по мужски. Это было необходимо, а потому и естественно, хотя пѣсня и въ такомъ случаѣ всегда останавливалась со вниманіемъ на подобномъ явленіи.

Теперь мы разсмотримъ нѣсколько пѣсенъ, гдѣ переодѣваніе дѣвушки, хотя и вызывается до извѣстной степени необходимостью, но главнымъ образомъ дѣлается изъ хитрости. Разобравъ ихъ, мы убѣдимся, какъ глубоко коренятся въ бытѣ народа такіе пріемы.

Мы уже упоминали о нѣжной дружбѣ между братьями и сестрами, нашедшей трогательное выраженіе въ народной поэзіи южнаго славянства. На такомъ нравственномъ мотивѣ основана прекрасная пѣсня: „Доротиjа и воjвода Jанко“ (Вукъ I, стр. 593, N 748), заимствованная собирателемъ отъ кого-то изъ Синя. Начинается она слѣдующимъ сравненіемъ:

„Што је годир у Прологу снига,
Све се оно у Цетину слива;
А како је једна риба жива
Од онога Пролошкога снига!
Како ли је дите Николица
Болујући девет годин' дана!
Од кости му месо отпадало,
А кроз кости трава проницала;
Одбигла га мајка и љубовца,
А не тила сестра Доротија

Братъ проситъ сестру принести ему воды изъ-за горы: можетъ быть, такая вода ему поможетъ. Сестра отвѣчаетъ, что у воды стоитъ воевода Янко: онъ девять лѣтъ подъ рядъ просилъ ея руки и получалъ отказъ отъ ея брата; теперь поджидаетъ ея выхода за водой. Тогда братъ совѣтуетъ ей:

„Ти обуци све моје алине,
Сави косу, метни калпак на њу,
И припаши ћорду Демешкињу,
Пак ми ајде за гору на воду".

Подъ видомъ брата, Доротія садится на лошадь и ѣдетъ за водой. Тамъ встрѣчаетъ воеводу Янко и привѣтствуетъ его пожеланіемъ „Божьей помочи". Янко не догадался, что имѣетъ дѣло съ Доротіей; онъ полагалъ, что это ея выздоровѣвшій братъ, и самъ зачерпнулъ ведромъ воды для нея, говоря:

„А за љубав Доре сестре твоје".

Эта прекрасная, поэтическая пѣсня имѣетъ, по нашему мнѣнію, глубокое бытовое значеніе. Моментъ народной жизни, захваченный ею, можно наблюдать далеко за предѣлами южнаго славянства. Переодѣваніе дѣвушки въ мужское платье, вызванное исключительнымъ случаемъ, не представляется намъ невозможнымъ. Очень вѣроятно, что было что-то такое, дѣйствительно совершившееся, вслѣдствіе чего возникла пѣсня, со строго выдержаннымъ характеромъ народной композиціи. Нѣтъ сомнѣнія, что подобныя явленія встрѣчались въ народѣ, вытекая изъ условій, понятій и привычекъ его общественной жизни.

Подобный же мотивъ развивается и въ двухъ варіантахъ пѣсни „Јелена и бан". Мы займемся вторымъ (Вукъ I, стр. 589, N 747), такъ какъ первый представляется спутаннымъ и неполнымъ.

Елена встрѣчаетъ брата своего Ивана-бана и замѣчаетъ, что онъ невеселъ. Лаушъ-банъ бился съ нимъ объ закладъ, увѣряя, будто тотъ не посмѣетъ послать сестру свою черезъ зеленую гору за студеной водой: тутъ причина его грусти. Елена переодѣвается юна-

комъ, ѣдетъ за водой и встрѣчаетъ тамъ Лаушъ-бана. Однако онъ не узнаетъ ее, даетъ ей воды и затѣмъ провожаетъ ее въ домъ ея брата. Тамъ обманъ открывается, закладъ проигранъ. Лаушъ-банъ говоритъ: мнѣ не жаль проиграннаго заклада,

„Веђ ми је жао срамоте,
Што ме ти данас превари“.

Елена въ пѣснѣ названа „мудрой-премудрой“. Быть проведеннымъ даже мудрой женщиной считалось, повидимому, обидой.

Такой же взглядъ высказанъ и въ первой (N 746, стр. 586), опущенной нами пѣснѣ про Елену. Кажется, есть основаніе связать подобное отношеніе къ женщинѣ у южныхъ Славянъ съ источникомъ чувства глубокаго оскорбленія, какое нанесено было извѣстной похвальбой Ставра князю Владиміру. Но къ этому мы вернемся еще послѣ.

Пріемъ переодѣванія дѣвушки или женщины въ мужское платье, наблюдаемый въ разбираемыхъ нами пѣсняхъ, не принадлежитъ къ существеннымъ чертамъ общей схемы: мы видѣли пѣсни, въ которыхъ женщина появлялась во главѣ дружины въ своемъ обыкновенномъ костюмѣ; съ другой же стороны такой пріемъ можно наблюдать въ положеніяхъ, не имѣющихъ ничего общаго съ нашей фабулой: къ нему женщины прибѣгаютъ въ весьма разнообразныхъ случаяхъ, что и отразилось въ произведеніяхъ многихъ народовъ. Однако намъ кажется непозволительнымъ въ научномъ смыслѣ этого слова сближать крайне отдаленныя проявленія сходства по одному какому либо признаку, какъ это, напр. дѣлаетъ въ нашемъ мотивѣ г. Стасовъ, указывая вслѣдъ за Рейнгольдомъ Кёлеромъ [1]) на совершенно обратное переодѣваніе Ахиллеса женщиной и на его испытаніе: указать, конечно, можно; но дѣлать отсюда генетическіе выводы, опирающіеся лишь на хронологію, положительно невозможно [2]).

Переодѣваніемъ пользуются съ совершенно особою цѣлью три дочери жены Омеръ-бега въ пѣснѣ: „Три кђери Омер-беговице“ (Вукъ I, N 749, стр. 595).

Асанъ-ага устроилъ новый садъ съ цѣлью привлекать туда дѣвушекъ. Прекрасная Ата, красивая Фата и славная Мерьема отправились туда за розами; но Асанъ едва не схватилъ ихъ. Желая

---

[1]) Jahrbuch f. Romanische u. Englisch Litteratur, III, 1861, стр. 57.

[2]) Какъ на примѣръ переодѣванія мущины женщиной можно указать еще на Мнисилоха у Аристофана: „Θεσμοφοριάζουσαι“, стих. 214 и сл., а испытаніе оружіемъ безъ переодѣванія находимъ въ лѣтописномъ разсказѣ про Святослава. Мотивы однако здѣсь совершенно иные.

подшутить надъ Асаномъ, дѣвушки, переодѣвшись витезями, пріѣхали къ нему на дворъ, были привѣтливо встрѣчены имъ и его двумя братьями, и, проведя съ ними ночь, неузнанными вернулись домой.

Пѣсня „Како Гркиња девојка химбом испусти и изведе из тамнице Комјена Јагњиловића тер му живот испроси“ (Богишичъ, [1]) N 54) также принадлежитъ къ иной категоріи мотивовъ, хотя въ ней и встрѣчается пріемъ переодѣванія. Содержаніе ея таково: дѣвушка проникаетъ въ темницу, переодѣваетъ узника въ женское платье и тѣмъ даетъ ему возможность свободно выйти изъ заключенія, сама же остается вмѣсто него. По всей вѣроятности, здѣсь было двойное переодѣваніе, хотя пѣсня умалчиваетъ объ этомъ. Переодѣтую дѣвушку ведутъ къ царю; она проситъ позволенія переговорить съ нимъ нѣсколько словъ наединѣ:

„Од када је постала тај лијепа Босна земла,
Царе, св'јетла круно!
Је ли млада дјевојка за јунака објешена,
Царе, с'вјетла круно?
И ако ми ти тога свијетли царе не вјерујеш,
Хоћу теби указат' мајке моје обилежје,
И она му бјеше указала б'јеле дојке!“

Царь разсмѣялся и отпустилъ находчивую дѣвушку. Сюжетъ пѣсни не народный; по своему замыслу онъ скорѣе принадлежитъ жизни городской, чѣмъ суровой обстановкѣ ущелій и горъ; не даромъ героиня называется гречанкой.

Значительно ближе стоитъ къ нашему мотиву, хотя, повидимому, не совпадаетъ съ нимъ, пѣсня, записанная Верковичемъ (N 273, стр. 294) въ Легенскомъ округѣ, лежащемъ на спускѣ Родопскихъ горъ въ сторону Демиръ-Исара. Въ пѣснѣ говорится, какъ мать заплетаетъ дочери косу и, заплетая, проклинаетъ ее. Проклятіе матери такъ подѣйствовало на дочь, что та, покинувъ домъ, пошла въ Царьградъ. Тамъ познакомилась съ цырюльникомъ и проситъ его:

„Ой ти бербере, ой брате мой!
Обричи ты ми руса коса,
Остави ты ми до длуга чумба“.

Переодѣвшись, она три года пасла стадо на горахъ; затѣмъ, вернувшись назадъ, взошла па дворъ матери и закричала:

„Чуйте, чуйте, малко и големо,
Мома пойдо, мома дойдо“.

Пѣсня эта хороводная; несомнѣнно, выросла на почвѣ быта; если

---

[1]) Богишић, Народне пјесме 1878. Биоград.

и имѣетъ связь съ нашимъ мотивомъ, то лишь формальную, внѣшнюю, какъ построенная изъ того же самаго эпическаго матеріала.

Вліяніе болгарскаго народа на составъ новогреческой этнографической группы сказалось и въ пѣсняхъ. Въ войнѣ Грековъ съ Турками, по словамъ Юрія Венелина [1]), первымъ весьма много содѣйствовали болгарскіе и сербскіе авантюристы: нѣкоторыхъ изъ нихъ онъ видѣлъ и узналъ отъ нихъ, что въ Мореѣ они составляли цѣлые батальоны. Въ послѣдній разъ Аѳинскій Акрополисъ брали именно Болгары; *Миссолонгскій герой, Марко Бочаръ* (Боцарисъ по греческому выговору), *былъ тоже Болгаринъ родомъ изъ мѣстечка Водины въ Македоніи; въ молодости съ отцомъ онъ переселился въ горы Сули* [2]). Хотя гайдучество развилось до широкихъ размѣровъ по преимуществу въ концѣ прошлаго столѣтія, но бытовыя явленія, послужившія источникомъ для разбираемыхъ пѣсенъ, уходятъ далеко въ глубь старины. Со временемъ удастся собрать множество фактовъ, которые, несомнѣнно, подтвердятъ нашу мысль, теперь же приходится довольствоваться пока еще немногимъ, что скорѣе случайно попалось намъ подъ руку при изученіи бытовой исторіи Славянства.

„Копривштица“, говоритъ Иречекъ [3]), (по турецки Авраталанъ) „первѣйшее изъ войницкихъ селъ, расположенныхъ на Средней горѣ у источниковъ Топольницы, въ 10-ти часовомъ разстояніи отъ Филиппополя, среди высокихъ горъ. Во время стараго царства здѣсь разстилались только роскошные луга, а на мѣстѣ нынѣшняго городка стоялъ густый лѣсъ. Послѣ паденія царства пастухи описывали окрестнымъ болярамъ долину Копривштицы, какъ

---

[1]) О характерѣ народныхъ пѣсенъ у Славянъ Задунайскихъ. М. 1835 (стр. 40—41).

[2]) Съ прозваніемъ Суліотскаго Героя Саѳа (Sathas, Documents inédits relatifs à l'histoire de la Grèce au Moyen âge. Paris 1880, I, XVIII) сближаетъ имя князя Butzaras, знаменитаго защитника Скорты и полагаетъ, что оно происходитъ отъ албанскаго корня botza, boza или buza. Представители этой фамиліи (Butzará) стояли во главѣ чрезвычайно воинственнаго и безпокойнаго народа, занявшаго гористую часть Аркадіи, по обоимъ берегамъ Алфея, получившую названіе Скорта (Skorta): (Chronique de la Morée, edit. de Buchon. 1845, p. 130. 409; Fallmerayer, Geschichte der Halbinsel Morea. 1830, I, 316). Въ основѣ названія области—Scorta,—Scorda, Scutari-лежитъ корень kodrë („холмъ“ въ алб. яз.) не албанскаго происхожденія (Meyer, Essays u. Studien zur Sprachgeschichte u. Volkskunde. 1885, 61), а имя Бочаръ (Боцарисъ) очень часто у Македонскихъ Болгаръ, считающихъ его своимъ.

[3]) Исторія Болгаръ. 1878. Одесса. Стр. 580.

прекрасное мѣсто и вѣрное убѣжище, вслѣдствіе чего поселилось тамъ много семействъ изъ Златицы, Филиппополя и другихъ городовъ. Между поселенцами была одна богатая болярка изъ села Рылы. Она отправилась къ султану въ Адріанополь (слѣд. до 1453 г.) и выпросила себѣ у него фирманъ, которымъ ей была предоставлена власть надъ Копривштицей съ большими привилегіями: напр., постановлялось, чтобы никакой турокъ не проѣзжалъ верхомъ по этому мѣсту. Въ этомъ фирманѣ Копривштица названа по турецки *Авраталанъ*, т. е. *женское поле*. Болярка слыла у согражданъ подъ именемъ Султанки и потомство ея называлось Султанковцы. Форма правленія колоніи была аристократическая. Сказаніе говоритъ, что жители Копривштицы тогда въ своихъ красныхъ одеждахъ, высокихъ колпакахъ, на роскошныхъ лошадяхъ и съ хорошимъ оружіемъ пріобрѣли большой авторитетъ".

При наличности такого факта въ жизни народной не было бы ничего удивительнаго, если бы даже въ XV ст. сложилась пѣсенка, приведенная выше:

„Кжде сѣ чуло видело,
Санджакъ девойка да бидитъ,
Калци со копци да носитъ,
Бѣли елеци петлици,
Санджакъ девойка да бидитъ
Со сто й пендесетъ санджаци!"

Переходя въ XVI вѣкъ, мы встрѣчаемся съ интереснымъ бытовымъ явленіемъ: это привилегированныя общины Болгаръ-христіанъ. Ихъ было нѣсколько классовъ — *войници*, *мартолоси*, *сокольници* (дербенджіи). Мартолоси (по гречески арматолы) несли пограничную службу; вооруженіе ихъ состояло изъ сабли и копья. Они часто вступали въ дружественныя сношенія съ греческими клефтами. Достигшіе міровой славы эпирскіе Суліоты первоначально были такими арматолами (Иречекъ, Ист. Б. 577, 585; Hopf въ Энцик. Эрша и Грубера LXXXVI, 90).

Въ такихъ сношеніяхъ болгарскихъ гайдуковъ съ греческими клефтами мы видимъ источники вліянія болгарской поэзіи на новогреческую. Обратнаго теченія здѣсь нельзя предположить, по крайней мѣрѣ въ предѣлахъ разбираемыхъ пѣсенъ: онѣ слишкомъ проникнуты духомъ болгарской бытовой жизни и мало смягчены лиризмомъ греческой поэзіи.

Арнольдъ Пассовъ [1]) собралъ нѣсколько варіантовъ пѣсенъ,

---

[1]) Arn. Passow, Τραγούδια ῥωμαΐϊκα. Popularia carmina Graeciae recentioris. 1860. Leip.

которыя онъ назвалъ „carmina clephtica incerti aevi“. Въ этомъ случаѣ онъ совершенно правъ, не относя пѣсенъ къ опредѣленному времени: мотивы ихъ стары и лишь видоизмѣнялись соотвѣтственно частнымъ случаямъ.

Разсмотримъ пѣсню (N CLXXIII, стр. 129) „Η Κλεφτόπουλα“, происходящую изъ Мореи (у Ζαμπ. 631. 42) [1]). Начинается она такъ:

„Διψοῦν οἱ κάμπα γιὰ νερὸ καὶ τὰ βουνὰ γιὰ χιόνια,
Διψάει κ' ἡ δόλια ἡ Αρετὴ ψηλὰ ςτὰ κορφοβούνια,
Δώδεκα μέραις νηστικιὰ καὶ δέκα δεψασμένη“.

„Поля жаждутъ воды и горы снѣга; томится жаждой несчастная Арета на высокихъ вершинахъ горъ; двѣнадцать дней уже она ничего не пила и десять не ѣла“. Послѣ такого прекраснаго вступленія пѣсня вдругъ дѣлаетъ уклоненіе въ сторону идилліи: мать склоняетъ дочь къ замужеству; однако та желаетъ остаться среди палликаровъ и носить оружіе. Легко замѣтить, что пѣсня далеко ушла уже отъ мѣста своего возникновенія и начинаетъ путаться въ своемъ развитіи.

Перейдемъ къ другой пѣснѣ (N CLXXV, стр. 131; у Ζαμπ. 616, 7, 26), озаглавленной также „Ἡ κλεφτόπουλα“. Содержаніе ея слѣдующее:

„На горѣ св. Иліи, у Платана, у высокаго холоднаго источника собирались клефты, три капетана [2]). Они жарили тамъ ягнятъ и пекли на вертелѣ барановъ. У нихъ было вдоволь сладкаго вина для поддержанія хорошаго духа; прекрасная дѣвушка подносила его имъ, и они пили“.

„Κόρη σὰν ἥλιος ὤμορφη, ξανθὴ καὶ μαυρομμάτα.
Τέσσαρους χρόνους περπατεῖ μ' ἁρματωλοὺς καὶ κλέφταις,
Κανεὶς δὲν τὴν ἐγνώριζεν ἀπὸ τὴν συντροφιά της.

„Дѣвушка прекрасная, какъ солнце, бѣлокурая съ черными очами. Сорокъ лѣтъ ходитъ она съ арматолами и клефтами и никто изъ ея товарищей не узналъ ея. Однажды во время игры, состоявшей въ троекратномъ прыганьи и бросаніи камней, отъ напряженія у нея растегнулись пуговицы и обнажились груди, подобныя лимонамъ. Капетаны и всѣ клефты съ недоумѣніемъ смотрѣли и спрашивали:

---

[1]) Σ. Ζαμπελίου, Ἄισματα δημοτικὰ τῆς Ἑλλάδος. Κέρκυρα. 1852.

[2]) Подробное изслѣдованіе о Клефтахъ и Арматолахъ: Fauriel, Chants populaires de la Grèce Moderne. I, глава IV до конца. 1824. Нѣмецкій переводъ: Müller, Neugriech. Volkslieder, Leipzig. 1825.

„Κόρη μ' τί μάνα σ' ἔκαμε, τί μάνα σ' ἔχει κάμει“;
И меня родила мать, отвѣчала дѣвушка; но я дѣлала турокъ сиротами и туркинь вдовами. Теперь же, когда открылась моя грудь, я пойду въ монастырь.

И въ этой пѣснѣ не замѣтно много свѣжести и безыскусственности: слышны лишь отзвуки поэтическихъ мотивовъ болгарскихъ пѣсенъ подъ взглядомъ инаго быта, иныхъ общественныхъ отношеній.

Нѣкоторыя пѣсни отнесены Пассовымъ къ числу историческихъ; по большей части тѣ, въ которыхъ описывается борьба Суліотовъ съ Турками. Намъ кажется, что въ большинствѣ съ исторіей онѣ имѣютъ мало общаго, быть можетъ, лишь имя героя, дѣйствительно существовавшаго въ болѣе или менѣе позднее время. Къ имени такого историческаго лица могла привязаться стародавняя эпическая пѣсня, что на самомъ дѣлѣ и оказывается, судя по нѣкоторымъ мотивамъ. Но, несомнѣнно, были пѣсни, возникавшія исключительно въ условіяхъ борьбы Суліотовъ съ Турками: въ ихъ кровавыхъ столкновеніяхъ народный пѣвецъ находилъ богатый источникъ для своего вдохновенія. Пѣсня „Ἡ Μόσχω (Pass., N CCVI, стр. 152; у Χριστοφ. Περ. Ἱστ. τ. Σουλ. I. 51), составленная, по мнѣнію Пассова, въ 1792 г., ясно носитъ на себѣ слѣды народнаго творчества, отразившаго съ точностью мѣстные нравы и понятія. Начинается она такъ:

„Τρία μπαϊράκια φαίνονται 'πο κατ' ἀπὸ τὸ Σοῦλι“,
три знамени появляются внизу у Сули: одно Мухтара паши, другое Селихтара, третье, прекраснѣйшее Мицобоны.

„Ὁ Δῆμος Δράκος φώναξε 'πο πάν' ἀπὸ τὸ Σοῦλι“
сверху съ Сули закричалъ Димъ Драконъ (Змай серб. пѣсенъ): куда идешь; Мухтаръ Скодрскій и ты, собака Селихтаръ; здѣсь не Хормово и не Ламбовица, чтобы уводить въ рабство дѣтей и женъ безъ мужей,

„Ἐδῶ 'ν' τὸ Σοῦλι τὸ κακὸ, ἐδῶ 'ν' τὸ Κακοσοῦλι,
Ποῦ πολεμοῦν μικρὰ παιδιὰ, γυναῖκες δίχως ἄντρες,
Ποῦ πολεμάει Τσαβέλαινα σαν τ' ἄξιο παλληκάρι.
Ἡ χόρα Μόσχω φώναξε 'πο πάνω 'πο τὴν Κιάφα.
Ποῦστε παιδιὰ Σουλιώτικα καὶ σεῖς οἱ Τσαβελάται;
Μαζύ μου ὅλοι τρέξετε καὶ ἄντρες καὶ γυναῖκες,
Τοὺς Τούρκους κατακόψετε, σπόρο νὰ μὴν ἀφῆστε,
здѣсь злое Сули, гдѣ сражаются малыя дѣти и жены безъ мужей,

гдѣ сражается, подобно славному паллакару, Цавелена. Сверху съ Кіафы закричала начальница Мосхо: гдѣ вы, дѣти Сули и вы, Цавелята? всѣ идите со мной, мущины и женщины; рубите Турокъ, не оставляйте ихъ даже на сѣмя".

Здѣсь интересно припомнить подобное же выраженіе въ былинѣ про Василія Буслаевича; мужики новгородскіе говорятъ его матушкѣ:

„Ты уйми-тко свое чадо единакое,
Не оставитъ и людей на сѣмена".
(Гильф. стр. 154. 293).

Далѣе Мосхо продолжаетъ: „пусть послѣ нихъ остаются вдовы и сироты, жены и дѣти; пусть скажутъ, что на Сули ихъ убили суліотскія женщины.

„Η Μόσχω τότε ὥρμησε μὲ τὸ σπαθὶ ςτὸ χέρι,
Τώρα νὰ βγῆτε πόλεμο, γυναικικὰ τουφέκια".

Подобно зайцамъ побѣжали Турки, не оглядываясь даже назадъ; побросали ружья, лишь бы спасти жизнь.

Въ этой пѣснѣ открывается передъ нами живая страница изъ жизни обитателей Сули [1]). Самый скептическій ученый долженъ согласиться, что въ ней слышится голосъ самого народа: простота композиціи и реальность описаній говорятъ въ пользу безъискусственнаго творчества.

Какъ Сули, такъ и Янинская жупа-комитура была заселена Славянами. Вотъ что говоритъ объ ней г. Ѳ. Успенскій [2]):

„По отношенію къ XIV в. скудость матеріаловъ восполняется прекраснымъ документомъ, который долженъ занять первостепенное мѣсто въ исторіи славянской общины въ Византіи. Это хрисовулъ царя Андроника Старшаго отъ февраля 1319 г., данный *Янинской жупѣ-комитурѣ*".

Янинскій округъ послѣ господства Анжуйской династіи, утвердившейся тамъ съ 1267 г., присоединился снова къ Византійской имперіи, чѣмъ и былъ вызванъ хрисовулъ императора (см. Макушевъ, Историческія разысканія о Славянахъ въ Албаніи. Варшава 1871, стр. 21 и сл.).

Императоръ назначалъ въ городѣ воеводу для наблюденія за внѣшнимъ порядкомъ. Жители сами избираютъ своихъ судей, которые и рѣшаютъ всѣ свѣтскія дѣла подъ предсѣдательствомъ вое-

---

[1]) Fauriel, Chants populaeres de la Grèce Moderne. 1824. Суліоты и ихъ борьба съ Али-пашой изъ Янины. См. т. I. 225—283.

[2]) Ѳ. Успенскій, Къ исторіи крестьянскаго землевладѣнія въ Византіи. Ж. М. Н. Пр. 1883, II (345—453).

воды. „Самый городъ Янина пользуется свободой и изъятіями „*по прежнему обычаю*“ и жители его имѣютъ право безпошлинно торговать по всему царству.

„*А какъ у нихъ господствуетъ обычай*“, что если по разслѣдованію и вѣрнымъ свидѣтельствамъ окажется между ними измѣнникъ и предатель, то имущество его отбираютъ, а жилище разрушаютъ, самаго же по истинѣ явнаго измѣнника выводятъ изъ города и прогоняютъ, дабы онъ не имѣлъ въ немъ наслѣдія, то царство мое опредѣляетъ, чтобы и на будущее время оставался въ силѣ этотъ обычай, какъ они о томъ просили“.

Точно такой же обычай находится и въ Русской Правдѣ, подъ именемъ *потока* и *разграбленія*.

Имущеста жителей Янины, даже находящіяся въ другихъ областяхъ, освобождаются отъ налоговъ; имъ предоставляется привилегія пользоваться изъятіями *согласно дѣйствующему въ примѣненіи къ нимъ обычаю*. Они не принуждаются продавать свои товары *противъ обычая*.

„Впавшій въ убійство наказывается *по господствующему у нихъ обычаю*“. По мнѣнію г. Успенскаго обычай этотъ слѣдуетъ искать въ первыхъ статьяхъ Рус. Правды.

Перечисляемыя въ хрисовулѣ села, владѣть которыми предоставляется право жителямъ Янины, носятъ чисто славянскія имена:

Βοτίβιστα, Ζελοχοβίστα, Ψεάδα, Σανδαβίτζα, Ἀρδιλοβίστα, Γλοξιάνι, Γαρδίκι, Λεαυσίστα, Τριστεανίκος, Τρεαβοβιδίστα, Νοβοσέλη, Ἀρδομηστία; Σίπκα, Φαδοτόβι, Δρεάνοβον, Φρεάστανα, Λιπνίτζα, Κοπάντζι, Στρώμη, Δρεαβοφά, виноградникъ εἰς τοὺς Ψάθους, Κοπάνη, Κρεχοβός, περὶ τὴν Βαγενέτιαν Λιβάδιον, Σχουπίτζα [1]).

„Хрисовулъ въ пользу Янинской комитуры“, говоритъ далѣе г. Успенскій“, которая заключала въ себѣ 25 по имени извѣстныхъ селъ и деревень (т. е. общинъ) и нѣсколько неизвѣстныхъ

---

[1]) Hahn, Albanische Studien, I, 319 - 322; Fallmerayer, Das Albanische Element in Griechenland, II, 20—29: Жители Янины были чисто славянскаго происхожденія; до конца XIV ст. они геройски боролись противъ вторженія Албанцевъ, на помощь къ себѣ призывали Сербовъ и увеличивали число своихъ гражданъ переселеніемъ говорившихъ по славянски жителей Загорья. Послѣ XIV ст. славянское населеніе Эпира подъ давленіемъ Церкви мало-по-малу начало усваивать себѣ говоръ греческій и въ настоящее время лишь фамильныя имена знатныхъ родовъ, какъ Mnogâs, Riekâs, Glawâs, Grivâs указываютъ еще на ихъ славянское происхожденіе. Борьба Славянъ съ Албанцами послужила исключительно на пользу Эллинизма.

по имени, если бы погибли всѣ другіе слѣды общинной жизни и свободнаго крестьянскаго землевладѣнія въ Византіи, самъ по себѣ былъ бы въ состояніи дать иную постановку вопросу о крестьянскомъ землевладѣніи и вызвать недовѣріе къ господствующей теоріи объ уничтоженіи свободной крестьянской поземельной собственности. Но онъ останавливаетъ на себѣ вниманіе по преимуществу не въ этомъ отношеніи. Хрисовулъ Андроника представляетъ собою въ единственномъ числѣ сохранившійся типъ отношеній, въ которыхъ находилась къ имперіи славянская община; по этому типу должны слагаться и наши воззрѣнія на древнѣйшіе не сохранившіеся договоры обширныхъ славянскихъ комитуръ съ византійскимъ правительствомъ. Чѣмъ ближе перенесемся къ VII и VIII вв., тѣмъ больше мѣста должны давать автономіи въ славянской общинѣ, тѣмъ больше удѣлять ей политической свободы и тѣмъ меньше предполагать вмѣшательства центральной власти во внутренніе распорядки, въ хозяйство и управленіе общины: ибо таковъ общеисторическій ходъ развитія, выясненный на изученіи германскихъ древностей. Неоднократныя ссылки въ хрисовулѣ на обычное славянское право, признаніе законной силы за старыми уложеніями и за учрежденіями, восходящими къ VII или по крайней мѣрѣ къ X вѣку и коренящимися въ бытовой и политической жизни славянскаго племени, всѣ эти качества придаютъ хрисовулу высокую цѣну въ наукѣ о славянскихъ древностяхъ и дѣлаютъ его неоцѣненнымъ источникомъ въ спеціальныхъ вопросахъ объ отношеніи Славянъ къ Ромэйской имперіи".

„Автономія Янинской комитуры обставлена весьма прочно и имѣетъ твердыя основанія — собственный судъ, общинное войско, невмѣшательство воеводы во внутреннюю администрацію, гарантію въ неотчуждаемости общинныхъ земель и имуществъ, освобожденіе отъ обременительныхъ налоговъ и отъ переписи, право торговли по всей имперіи безъ даней и пошлинъ, словомъ — есть все, не достаетъ развѣ внѣшней политики".

„Если остановимся на предположеніи, что по такому типу строились вообще отношенія славянскихъ комитуръ къ имперіи, то для насъ станетъ понятною живучесть славянской общины въ Византіи, внутреннія силы ея, неистощимыя въ борьбѣ съ различными враждебными элементами, и та устойчивость, съ которой она держалась противъ самой центральной власти въ теченіи многихъ вѣковъ Но если это такъ, то и первоначальныя отношенія Славянъ къ имперіи, начиная съ VI в., были таковы, что могли гарантировать славянскую общину противъ разложенія и паденія среди чуждаго населенія и въ несродной Славянамъ обстановкѣ, словомъ — первона-

чальныя отношенія должны строиться на изученіи ромэйскаго права и ромэйскихъ учрежденій".

„Подобно тому, какъ изученіе поземельныхъ отношеній привело насъ къ выводамъ о славянской общинѣ, изученіе византійскихъ судебныхъ, административныхъ и военныхъ учрежденій должно, какъ въ этомъ мы глубоко увѣрены, привести къ постановкѣ вопросовъ о соотвѣтствующихъ славянскихъ учрежденіяхъ".

„Нѣтъ основаній сомнѣваться въ томъ, что община и свободное крестьянское землевладѣніе перешли въ XV ст. Въ 1413 г. великій визирь Синанъ-паша обратился къ жителямъ Янины къ воззваніемъ, въ которомъ обѣщаетъ, въ случаѣ добровольной сдачи, обезпечить за ними ихъ религіозныя, политическія и имущественныя права (Χρονογραφία τῆς Ἠπείρου II. 315)". Стр 344—352.

По мнѣнію г. Успенскаго Славянская община спасла Византію отъ Арабовъ, Болгаръ, Норманновъ, отъ крестоносцевъ и отъ Турокъ—Сельджуковъ, но оказалась безсильною для борьбы въ XIV и XV вв., по всей вѣроятности, вслѣдствіе своего разложенія.

О геройской борьбѣ такой славянской общины противъ Турокъ повѣствуетъ пѣсня „Ἡ Τσαβέλαινα" (Pass., N CCVIII, 154; Faur. I 284; Ζαμπ. 688. 116; Ἀγγελ. 67), которую Пассовъ относитъ ко времени 1792 года. Маленькая птичка усѣлась на возвышенности моста и говоритъ къ Али-пашѣ: здѣсь не Янина, чтобы устраивать водометы; здѣсь не Превеза, чтобы строить крѣпости; но здѣсь славное Сули,

„Ποῦ πολεμοῦν μικρὰ παιδιά, γυναῖκες καὶ κορίτσια,
Ποῦ πολεμάει Τσαβέλαινα μὲ τὸ παιδὶ στὸ κόρφο,
Στὄνα της χέρι τὸσπαθὶ καὶ στ'ἄλλο τὸ τουφέκι
Καὶ τὰ φυσέκια στὴν ποδιά, τὰ βόλια μὲς σταῖς ζάβαις",

гдѣ сражаются малыя дѣти, женщины и дѣвушки; гдѣ сражается Цавелена, держа ребенка за пазухой, имѣя въ одной рукѣ саблю, въ другой ружье, а патроны и пули въ передникѣ.

Пѣсня „Ὁ Κουτσονίκας" (Pass, N CCIV, стр 151; Faur. I, 294) ничего новаго не прибавляетъ къ общему мотиву борьбы Суліотовъ съ Мухтаромъ пашой: повторяется тоже, что и въ другихъ пѣсняхъ повѣствовалось о храбрости дѣтей и женщинъ. Ее относитъ Пассовъ также къ 1792 году.

Къ тому же періоду принадлежитъ и пѣсня „Ὁ Δάμπρος Τσαβέλας" (Pass. N CCVII, 153; Faur. I, 292; Ζαμπ. 687, 115). Въ ней сгруппированы герои суліотской обороны, вожди Клефтовъ: Цавеласъ, страшный туркамъ своей саблей; Боцарисъ—своимъ мушкетомъ; Зервасъ и славная Мосхо. Всѣ подобныя пѣсни близки

одна другой и лишь съ незначительными отклоненіями повѣствуютъ о подвигахъ своихъ излюбленныхъ героевъ: простота и реальность описаній несомнѣнно доказываютъ, что пѣсни эти сложились на мѣстѣ по горячимъ слѣдамъ событій.

Подобнаго впечатлѣнія не производитъ однако пѣсня „Ἡ Χαΐδω“ (Pass. CCV, 152), помѣщенная Пассовымъ въ число историческихъ пѣсенъ, относящихся къ bella Suliotica (1792—1804 г.).

„Ποιὸς εἶδε ψάρι σὲ βουνὸ κι' ἀλάφι σὲ λιμάνι;
Ποιὸς εἶδε κορ' ἀνύπαντρη μέσα στὰ παλληκάρια;
Δώδεκα χρόνους ἔκαμεν ἁρματωλὸς καὶ κλέφτης,
Κανεὶς δὲν τ'ν ἐγνώρισε ἀπὸ τὴν συντροφιά της“.

Кто видѣлъ рыбу на горѣ и оленя въ морѣ? Кто видѣлъ незамужнюю дѣвушку среди палликаровъ? Двѣнадцать лѣтъ она была арматоломъ и клефтомъ; никто изъ ея товарищей не узналъ ея. Въ одинъ прекрасный праздничный день они вышли играть мечами и бросать камни: Хэдо бросала сразу то, что палликары съ десяти. Отъ усилій у нея разорвалось платье и обнажилась грудь: одни говорили, что это золото, другіе—серебро; лишь одинъ малый клефтикъ узналъ ее:

„Σώπα σώπα κλεφτόπουλο καὶ μὴ μὲ μαρτυρήσῃς,
Νὰ σοῦ χαρίσω τὴν ζωὴ κι' ὅλα τὰ ἅρματά μου“.

Очевидно, конецъ пѣсни скомканъ и сокращенъ: послѣдняя строфа „я пощажу твою жизнь и подарю тебѣ все свое оружіе“ принадлежитъ уже совершенно иному мотиву.

Содержаніе первой половины пѣсни сравнимъ съ тѣмъ, что говоритъ Д. Миладиновъ про Сирму. „*Момци-те, кои тая* (Сирма) *водеше ѭ узнаха као девойка, кога ѭ сѫ скинаха петлици-те отъ грѫди-те*“. Сирмѣ было уже около восьмидесяти лѣтъ, когда она разсказывала это про себя Миладинову; слѣдовательно, самое событіе относится къ концу прошлаго столѣтія, т. е. къ тому времени, которому приписываетъ Пассовъ пѣсню о Хэдо (1792 г.). Темный намекъ конца пѣсни болѣе развитъ въ варіантѣ, озаглавленномъ у Пассова „Ἡ Διάμαντω“ (N CLXXVI, 131; Kind: Μνημος. N 3, 5; Εὐλ. [1]) 30; Tommas, III, 161). Діаманто, узнанная клефтикомъ, предлагаетъ ему сдѣлаться ея названнымъ сыномъ, сулитъ ему дамасскую саблю и золотое ружье, лишь бы только тотъ молчалъ.

„Μὸν θέλω σὲ γυναῖκά μου καὶ νὰ μὲ πάρῃς ἄντρα“,

отвѣчаетъ клефтикъ. Тогда дѣвушка схватываетъ его за волосы и

[1]) Γ. Εὐλαμπίου, Ὁ Ἀμάραντος, ἤτοι τὰ ῥόδα τῆς ἀναγεννηθείσης Ἑλλάδος. Πετρούπολις, 1843.

бросаетъ на землю; онъ проситъ пощады, обѣщаясь быть ея названнымъ сыномъ и вѣрно ей служить [1]).

Еще далѣе идетъ развитіе разбираемаго мотива въ пѣснѣ „Η Κλεφτόπουλα“ (Раз. N CLXXIV, 130; Σχιν. cfr. T. 161; Ζαμπ. 684, 110; Kind, Anth. N XXII, 52). Дѣвушка схватываетъ за волосы клефтика, бросаетъ его на землю и наноситъ ему саблей тяжелый ударъ въ плечо. Дѣвушка-клефтъ узнаетъ въ юношѣ своего брата и несетъ его къ врачу.

„Γιατρὲ ποῦ γιάτρεψες πολλοὺς νεκροὺς χ'ἀποθαμένους,.
Γιάτρεψ' τὸν ἀδερφούλη μου, τὰ μάτια καὶ τὸ φῶς μου,
Ποῦ'γὼ γι' αὐτῆνον ἔκαμα δώδεκα χρόνους Κλέφτης“.

О докторъ, говоритъ она, ты излѣчилъ много мертвыхъ; вылѣчи и брата моего, свѣтъ очей моихъ, ради котораго я была двѣнадцать лѣтъ Клефтомъ. Раненый умираетъ и дѣвушка убиваетъ себя.

Легко замѣтить, что послѣдняя пѣсня, представляющаяся намъ болѣе полнымъ развитіемъ типа новогреческихъ варіантовъ, составлена изъ двухъ мотивовъ: дѣвушка дѣлается клефтомъ, подобно тому, какъ въ болгарскихъ пѣсняхъ она была гайдукомъ; въ воинскихъ играхъ она превосходитъ своихъ товарищей. Это и есть собственно основа пѣсенъ о дѣвушкѣ-воинѣ, о дѣвушкѣ-гайдукѣ или о дѣвушкѣ-клефтѣ; на ней и построены разобранныя нами выше болгарскія пѣсни; изъ болгарскихъ пѣсенъ этотъ мотивъ перенесенъ въ новогреческія, привязавшіяся къ событіямъ геройской борьбы Суліотовъ съ Турками.

Второй мотивъ — дѣвушка дѣлается клефтомъ вмѣсто брата, враждебная встрѣча съ нимъ — вплетенъ въ составъ пѣсни о дѣвушкѣ-клефтѣ со стороны: въ немъ намъ слышится отзвукъ иныхъ пѣсенныхъ схемъ, дошедшихъ до слуха составителей новогреческихъ пѣсенъ въ сильно измѣненномъ видѣ. Очень можетъ быть, что замѣна брата сестрою греческихъ пѣсенъ окажется ничѣмъ инымъ, какъ лишь приспособленіемъ извѣстнаго пѣсеннаго мотива, по которому дочь замѣняетъ на войнѣ отца. Такимъ образомъ и этотъ мотивъ попалъ въ греческія пѣсни изъ болгарскихъ, гдѣ онъ у себя дома, что можно выводить изъ естественности и непринужденности пѣсенъ, его развивающихъ, между тѣмъ какъ въ греческихъ онъ притянутъ насильственно къ самостоятельному мотиву, благодаря случайности, обнаружившей полъ дѣвушки-клефта.

[1]) M. de Marcellus, Chants du peuple en Grèce. Paris 1851. I, стр. 320, приводитъ такую же пѣсню и думаетъ доказать несомнѣнность ея греческаго происхожденія тѣмъ, что ему удалось лично видѣть въ Константинополѣ переодѣтую гречанку.

Самостоятельное существованіе пѣсеннаго мотива о дѣвушкѣ-клефтѣ и выдавшей ея полъ случайности подтверждается пѣснью у Томмазео „la guerriera“ [1]). Она сообщена здѣсь въ итальянскомъ переводѣ; къ сожалѣнію, намъ неизвѣстно, гдѣ она записана собирателемъ [2]). Текстъ ея въ переводѣ слѣдующій:

„Chi vide di notte sole, stelle di mezzodì?
Chi vide giovane bella insieme co' clefti?
Tre giorni porta le armi, come gli altri podi:
Nessun la conosceva, nessun la conosce
E un dì di domenica, un solenne dì,
Uscirono a giocar di spada, a gittar la pietra.
E la donzella dal troppo stringersi e dal molto sforzo,
Ruppesi il suo cordone, e parve la sua mammella.
Altri lo dicon oro, altri una piastra d'argento“.

Въ этомъ видѣ пѣсня кажется намъ не отрывкомъ, какъ полагаютъ Антоновичъ и Драгомановъ, а самостоятельнымъ и цѣльнымъ пѣсеннымъ мотивомъ, входящимъ часто въ связь съ другими сюжетами, какъ то мы наблюдали въ новогреческихъ пѣсняхъ и какъ еще увидимъ въ болгарскихъ. Самый образъ дѣвушки-клефта на греческой почвѣ вовсе не такъ естественъ, какъ думаютъ помянутые ученые: дѣвушка-клефтъ въ теченіи трехъ дней, какъ говорится въ только что приведенной пѣснѣ, далеко не соотвѣтствуетъ дѣйствительности. Мы видимъ здѣсь лишь литературный отголосокъ какой то далекой, а, быть можетъ, и чужой жизни.

Объ этнографическомъ родствѣ Суліотовъ съ Болгарами мы уже упоминали. Энергія и предпріимчивость ихъ женщинъ вполнѣ соотвѣтствуютъ такимъ же качествамъ Болгарокъ [3]). Въ пѣсняхъ Суліотовъ попадаются черты чисто славянскихъ обычаевъ, въ родѣ напр. стрѣльбы во время свадьбы [4]) Такъ пѣсня „Ἡ Δέσπω“ (Pass. CCXIV, стр. 157; Faur. I, 301; Ζαμπ. 686, 114; Kind, Anth. VI, 14) причисляемая Пассовымъ къ числу историческихъ,

---

[1]) N. Tommaseo, Canti popolari toscani, corsi, illirici, greci. Venezia IV т. 1841—1842. III, стр. 78.

[2]) Съ нѣкоторыми измѣненіями пѣсня поется въ Эпирѣ и въ Загорьи: Π. Ἀραβαντίνου, Συλλογὴ δημώδων ᾀσμάτων τῆς Ἠπείρου. 1880. Стр. 105—106, N 123.

[3]) Kanitz, Donau-Bulgarien u. der Balkan, I. 1875, стр. 49—50.

[4]) Стрѣльбу во время свадьбы считаютъ славянскимъ обычаемъ: Sanders, Das Volksleben der Neugriechen (1844), 319; Talvj, Volkslieder der Serben I, 1835, 81. 100; II, IX и XIV.

сложившихся будто бы около 1804 года, начинается слѣдующимъ запѣвомъ:

„Ἀχὸς βαρὺς ἀκούεται, πολλὰ τουφέκια πέφτουν.
Μήνα σὲ γάμο ῥίχνονται, μ'να σὲ χαροκόπι"; —
„Οὐδὲ σὲ γάμο ῥίχνονται κι' οὐδὲ σὲ χαροκόπι.
Ἡ Λέσπω κάνει πόλεμο μὲ νύφαις καὶ μ' ἀγγόνια".

Слышится страшный шумъ, раздается множество ружейныхъ выстрѣловъ. Устраивается ли это свадьба или торжественный праздникъ? Это не свадьба и не праздникъ; это Деспо сражается, и съ нею ея племянницы и внуки.

Если вѣрно мнѣніе Сандерса и Тальви, то происхожденіе Суліотовъ отъ Болгаръ находитъ свое подтвержденіе и со стороны обычаевъ. Какъ бы то ни было, но держась строго почвы пѣсеннаго матеріала, намъ кажется несомнѣннымъ происхожденіе разобранныхъ греческихъ пѣсенъ отъ болгарскихъ [1]): типъ дѣвушки-воина найдетъ еще свое дальнѣйшее развитіе въ пѣсняхъ этого рода.

Мы, именно, имѣемъ въ виду весьма интсресную болгарскую пѣсню, которая, по нашему мнѣнію, занимаетъ срединное положеніе между двумя фазами развитія того же самаго эпическаго типа. Мы видѣли, какъ типъ воинственной женщины, выдвинутый суровыми условіями жизни южнаго славянства, постепенно дѣлался предметомъ поэтическаго творчества. Народное воображеніе строго держалось условій дѣйствительнаго быта, и образы, созданные имъ, полны жизненной правды и естественной постановки. Пѣсни, разработавшія этотъ типъ, скорѣе могутъ быть причислены къ области исторіи, чѣмъ поэзіи: до такой степени онѣ вѣрно передаютъ обстановку событій. Цѣлый кругъ пѣсенъ касался лишь факта, что дѣвушка или женщина сражалась подобно мущинамъ. Къ этому кругу примыкаетъ другой рядъ пѣсенъ съ болѣе сложнымъ мотивомъ, не выходящимъ однако изъ сферы реальной жизни. Лишь впослѣдствіи, когда факты, породившіе пѣсню, забылись, когда воспѣваемая дѣйствительность на столько отступила назадъ, что сдѣлалась исключительно достояніемъ пѣсни, фантазія поэта развиваетъ мотивъ съ цѣлями чисто литературными.

---

[1]) Anton Jeannaraki (Kretas Volkslieder, Leip. 1876, стр. 225, N 288) сообщаетъ критскую пѣснь: Ἡ λυγερὴ κλέφτης. Ядро ея тоже самое, что и въ вышеприведенной пѣснѣ у Томмазео, лишь начало и конецъ приспособлены къ чуждой обстановкѣ. Клефтикъ, узнавшій дѣвушку, говоритъ: „Мы разбойники, наши повелители корсары; мы поражали Турокъ и самый Критъ дрожитъ предъ нами, — и вотъ прекрасная дѣвушка явилась смѣяться надъ нами!" Самъ Яннараки (l. c. 166) признаетъ, что пѣснь о Клефтѣ занесена на Критъ.

Въ своей первичной чистотѣ схема втораго круга пѣсенъ дана въ болгарскомъ изводѣ „Мирчё и Бояна“, заимствованномъ Безсоновымъ (N XXVII, стр. 135) изъ сборника Катранова и Вальтмана. Содержаніе ея слѣдующее:

„Дѣ сѫ ѥ чюло, видѣло,
Мома войвода да бѫде,
Като ми мома Боѭна?“

Подобнымъ же вопросомъ удивленія начинались, какъ мы видѣли, и болѣе образныя въ этомъ случаѣ пѣсни гречееснія:

„Ποιὸς εἶδε ψάρι σὲ βουνὸ κι' ἐλάφι σὲ λιμάνι;
Ποιὸς εἶδε κὸρ ἀνύπαντρη μέσα στὰ παλληκάρια;

чѣмъ онѣ значительно ближе стоятъ къ пѣснямъ сербскимъ, гдѣ сравненія и уподобленія развиты до высокой степени.

Девять лѣтъ Бояна водила юнацкую дружину; на десятый вышла замужъ за молодаго воеводу, Мирча и принесла ему большое приданое. Мирче устроилъ для Бояны тонкую серебряную прялку и хорошее золотое веретено, съ тѣмъ чтобы она

„Тънки дарове да преде,
Юнаци да си дарува“.

Бояна осталась дома, а Мирче ушелъ въ горы. Тамъ его схватили Турки, связали ему руки назадъ, надѣли на шею цѣпь, а на ноги желѣза и повели въ Тырновъ. По дорогѣ они встрѣтили купцовъ; Мирче и проситъ ихъ сообщить поскорѣе о постигшемъ его несчастіи Боянѣ. Тѣ такъ и сдѣлали, говоря:

„Боѭно, млада войводо! Да му главѫ-тѫ отрѣжѭтъ.
Мирчѭ си Турци хванѫхѫ *Ѭ стани, та си Турци-тѣ*
И го въ Търновъ карахѫ, *Сръшни и Мирчѭ отърви*“

Трудно не замѣтить, съ какою естественностью и простотою развивается дѣйствіе: несомнѣнно, пѣсня отражаетъ въ себѣ, какъ въ зеркалѣ, живую дѣйствительность; бытовая окраска содержанія превосходна; почва, на которой строится разсказъ, чисто народная, не прикрашенная еще вымысломъ или фантазіей пѣвца.

Услышавъ о несчастіи мужа, Бояна

„Облѣче мѫжкѫ примѣнѫ, Забучи чивте пиштове,
Припаса саблѭ френгиѭ. И зѣма пушкѫ бойлиѭ“.

Догнавъ Турокъ, она издали кланяется имъ, вблизи привѣтствуетъ ихъ. Турки приглашаютъ ее съ собою пить и ѣсть. Не ѣсть и не пить съ вами пришла я сюда, отвѣчаетъ Бояна, но боемъ биться. Пока Турки спохватились, она ихъ перебила и освободила Мирча.

Вотъ въ какой несложной формѣ представляется намъ все содержаніе пѣсни: оно состоитъ изъ двухъ моментовъ, — въ первомъ является извѣстный уже намъ типъ дѣвушки-гайдука, дѣвушки-воеводы; во второмъ — новый элементъ разсказа, освобожденіе мужа

женою. Первой половиной своего содержанія пѣсня о „Мирче и Боянѣ“ тѣсно примыкаетъ къ разобранному нами отдѣлу пѣсенъ бытовыхъ и отчасти историческихъ; второю же она связывается съ новымъ кругомъ пѣсенъ, къ которому мы теперь и перейдемъ. Замѣтимъ предварительно, что только-что разобранная пѣсня можетъ быть принята за простѣйшую и, по всей вѣроятности, первоначальную схему всѣхъ тѣхъ изводовъ, съ которыми мы будемъ имѣть дѣло. Схема эта принимаетъ такую форму:

a) воинственная женщина—жена или сестра;

b) мужъ или братъ попадаютъ въ неволю;

c) прямой освободительницей заключеннаго оказывается жена или сестра.

По такой формулѣ выработалось довольно значительное количество пѣсенъ; нѣкоторыя изъ нихъ удерживаютъ еще этотъ общій типъ, другія же видоизмѣняютъ его вплетеніемъ въ разсказъ новыхъ мотивовъ, воспользовавшись какой либо аналогіей или намекомъ для сведенія совершенно различныхъ, независимо и самостоятельно существовавшихъ прежде пѣсенныхъ или сказочныхъ сюжетовъ.

III.

Сестра освобождаетъ брата, жена — мужа.

Смѣемъ надѣяться, что существованіе въ болгарско-сербскомъ народѣ типа энергичной, предпріимчивой и способной къ войнѣ дѣвушки или женщины послѣ разобранныхъ выше пѣсенъ не можетъ подлежать сомнѣнію. Присутствіе въ обществѣ такихъ личностей и ихъ выходящіе изъ ряда обыкновенныхъ событій подвиги породили собою пѣсни, передававшіяся изъ устъ въ уста, быть можетъ, въ теченіе цѣлыхъ столѣтій. Пѣсни эти были весьма не сложны, по большей части очень кратки, вполнѣ реальнаго содержанія и крайне простой композиціи: въ нихъ сообщалось лишь о голомъ фактѣ, что дѣвушка дѣлается или гайдукомъ, или воеводой, или защитницей Сули, оставаясь при этомъ или въ своемъ обыкновенномъ платьѣ, или чаще переодѣваясь мущиной; что она ловко стрѣляетъ, далеко бросаетъ камнемъ, совершаетъ удивительные прыжки; что она превосходитъ удальствомъ мущинъ, грабитъ караваны и геройски переноситъ всѣ лишенія суровой гайдуческой жизни въ темныхъ ущеліяхъ Балканъ [1]). Всѣ эти пѣсни составляютъ продуктъ безыскусственнаго творчества народной массы; въ нихъ отразилась настоящая жизнь со всею своею суровостью, наложившею печать на самую поэзію; мысль и поэтическое вдохновеніе, породившія эти пѣсни, не заимствовали своихъ сравненій, формъ и оборотовъ рѣчи, разныхъ положеній дѣйствующихъ лицъ и мотивовъ откуда либо извнѣ, изъ готоваго запаса литературнаго матеріала: все необходимое для творчества было такъ просто, несложно, что въ изобиліи находилось у себя, на дикихъ горахъ, въ темныхъ ущеліяхъ, коренясь въ родномъ языкѣ, въ родныхъ понятіяхъ и условіяхъ жизни.

---

[1]) Политическое и бытовое значеніе гайдучества опредѣляется съ разныхъ точекъ зрѣнія въ слѣдующихъ работахъ: *А. Н. Пыпина*, Герцеговинскіе гайдуки сто лѣтъ назадъ. Вѣст. Евр. 1877, Іюнь. *Его же*, Болгарія и Болгары передъ войною. I. Болгарское гайдучество. Вѣст. Евр. 1878, Мартъ. *Georg Rosen*, Die Balkan-Haiduken. Ein Beitrag zur innere Geschichte des Slawenthums. Leipzig 1878. На участіе женщинъ въ предпріятіяхъ болгарскихъ гайдуковъ указано Дозономъ: *Aug. Dozon*, Български народни пѣсни. Paris 1875.

На той же почвѣ среди сербской народности выработался особый отдѣлъ пѣсенъ, развившихъ нѣсколько иной мотивъ. Мы уже замѣтили, какъ крѣпки были узы, связывавшія тѣсной дружбой братьевъ съ сестрами у Сербовъ. Мы видѣли, что сестра часто сопровождала брата въ опасныхъ предпріятіяхъ гайдучества. Надо полагать, что въ случаѣ несчастія съ братомъ сестра оказывалась самой энергичной и самой преданной его защитницей, точно также какъ братъ заботился объ ея участи во время дѣвичества и принималъ или отвергалъ просьбы искателей ея руки. Изъ такихъ нравственныхъ отношеній между братьями и сестрами возникъ мотивъ, положенный въ основу цѣлаго ряда пѣсенъ, именно: освобожденіе брата сестрою. Разсмотримъ принадлежащіе сюда варіанты.

Начнемъ съ поэтической пѣсни „Braća Jakšići“ [1]), приведя ея превосходный запѣвъ:

„Zresla su mi dva borja rumena,
I med njima jelvica zelena.
Nisu ono dva borja rumena,
Ni med njima jelvica zelena,
Neg su ono *dva brata Jakšića*
I med *njima sele Mandalina*“.

Братья отказывали всѣмъ, кто просилъ у нихъ руки ихъ сестры. Посватался за нее Паша изъ Нового, но и тотъ получилъ отказъ. Разгнѣванный, онъ приказываетъ слугамъ своимъ схватить братьевъ Якшичей, когда тѣ отправятся въ троинскій городъ купить для сестры желтаго бегома [2]) и червонаго шелку. Схвативъ ихъ,

„On jih meće u tamnicu skuru
Do kolina u vodu smrdeću,
U vodi su zmije i okrapi, (скорпіоны)
Zmije kolju, a okrapi pale“.

Три дня братья не пили и не ѣли. На четвертый пришелъ къ нимъ Паша изъ Нового и объявилъ, что на слѣдующій день собирается жениться и веселья ради велитъ ихъ повѣсить. Тогда узники

„Pervi riže krilo od košulje,
Drugi toči krv iz desne ruke
Pak napišu jednu knjigu bilu“,

и послали сестрѣ, прося продать все, что есть у нихъ, и выкупить ихъ изъ неволи. Получивъ письмо, сестра

Obuče se kano muška glava,
Sedla konja brajna starijega,

---

[1]) Hrvatske Narodne pjesme što se pjevaju u Istri i na Kvarnerskich otocih, перепеч. изъ „Naše Sloge“. Trst 1880. N XXI, стр. 57.

[2]) Значеніе слова неизвѣстно, Rječnik Daničića.

Paše ćordu brajna starijega,
Ona grede u Pašinu kortu“.

Явившись къ Пашѣ, она объявила себя посломъ Алинъ-бега и потребовала отъ его имени выдачи заключенныхъ братьевъ. Паша испугался и далъ ключи отъ темницы. Открывъ ворота, она закричала тонкимъ женскимъ голосомъ:

„Biži, roblje, kuda koji moreš,
A dva brajna uzame na konja!“

Услышавъ это, паша ударилъ рукой по колѣну такъ сильно, что перстень лопнулъ на рукѣ и на четверть подалося тѣло подъ колѣномъ: ему было досадно быть обманутымъ женщиной:

„Nigdar spaša ni velika vraga,
Gdi me ženska privarila mlada!“

Пѣсня эта записана въ Промонтурѣ и явно носитъ на себѣ слѣды итальянскаго вліянія, какъ въ языкѣ, такъ и въ описаніи тюремной обстановки: лишь страшные казематы Венеціи могли внушить подобную картину. Основа же и духъ пѣсни кажутся намъ чисто славянскими, народно-бытовыми; дальнѣйшее движеніе такого мотива на западъ намъ, по крайней мѣрѣ, неизвѣстно, между тѣмъ какъ на востокѣ, въ предѣлахъ славянскихъ народовъ, онъ получилъ широкое распространеніе.

Обратимся теперь къ пѣснѣ „Рашковић Божо и сестра му“, напечатанной у Богишича (N 98, стр. 268). Содержаніе ея слѣдующее:

„Гдје је синоћ заходило сунце,
Ту су робје на откупе давали;
Ал' не даду Рашковића Божа,
Честитом га поклонили цару“.

Царь передалъ юнака своему визирю. Визирь склоняетъ Рашковича потурчиться, обѣщая за это половину своихъ Адріанопольскихъ владѣній и половину своихъ богатствъ. Встрѣтивъ отказъ, онъ бросаетъ плѣнника въ темницу и держитъ его тамъ девять лѣтъ. На десятый предлагаетъ ему откупиться, требуя три блага:

„Једно добро — бритка ћорда твоја,
Што ном удреш, преболет' не може;
Друго добро – вранац коњиц добар,
Што потјера, побигнут' му не море;
Треће добро — сестра билогрла,
Кад с ном радо пијеш вино рујно,
Види јом се кроз грлоце винце!“

Услышавъ о такомъ требованіи, съ воплемъ кинулся Рашковичъ въ глубь темницы. Изнемогши отъ страданій, онъ, наконецъ, пишетъ сестрѣ письмо не черными чернилами, а кровью изъ своего моло-

децкаго лица, сообщая ей о предложеніи визиря. Письмо свое кончаетъ такъ:

„Ал' знат' ми се не опростит' сужнице,
Ни тамлице куће баш проклете,
Не дам тебе за живота мога,
Да си тужна робиница турска".

Сестра читаетъ письмо и плачетъ. Старая мать спрашиваетъ, отъ кого такое жалостливое письмо и проклинаетъ писавшаго:

„Бог убио и ко је је писао!"

Не кляни мать, замѣчаетъ дѣвушка, это пишетъ мой несчастный братъ, измученный тяжелыми страданіями въ турецкой неволѣ. Затѣмъ она проситъ мать:

„Дај то мени од'јело брата мога,
Дај ми сабљу брата мога,
Оседла' ми вранца големога,
Дај ми бојно копје коштаново,
Да ја пођем у Једрену б'јелу,
Једа, мајко, Бог и срећа даде,
Да опростим брата рођенога,
Из тамнице ис куће проклете".

Переодѣвшись юнакомъ, она,

„Кано звизда прико видра неба",

понеслась къ бѣлой Едрени, ко двору визиря. Слуги визиря хотѣли принять у нея коня, но она

„Везиреве слуге удараше
Са коњица тешким буздоханом.
Кудгод добар јунак удараше,
Свуд се црна крвца прол'јеваше".

Дѣвушка кричитъ къ визирю, чтобы тотъ самъ сошелъ принять у нея коня: того требуетъ будто царскій указъ, съ которымъ она явилась. Когда визирь сошелъ на дворъ, она схватила его за бѣлыя руки, скрутила ихъ ему назадъ и привязала ко хвосту своего добраго коня,

„Пак га бије троструком канджијом.
Колико га бије милостиво,
Онуд црна крвца прол'јеваше.
Цвили везир кано змија љута".

Отъ имени царя она требуетъ выдачи плѣнника Рошковича Божо, да сверхъ того добраго коня, полное вооруженіе и еще тридцать лучшихъ воиновъ, которые бы провожали ихъ въ Стамбулъ. Жена визиря выпускаетъ изъ темницы заключеннаго и готовитъ все требуемое. Когда Рашковичъ вышелъ изъ тюрьмы:

„Нокти му су као у сокола,

Црна брада до појаса,
Косе јунак простире пода се".

Три цырюльника привели въ порядокъ внѣшность узника. Ему приказано было сѣсть на лошадь и когда они были уже въ горахъ, сестра тихо заговорила къ брату:

„Ах борја ти, Рашковић Божо!
Имаш кога од твојега рода?"

Со стономъ братъ отвѣчаетъ, что есть у него старуха мать и родная сестра.

„Би л' умио познати рођену сестрицу?"

спросила сестра и не удержалась при этомъ вопросѣ отъ слезъ. Тутъ Рашковичъ узналъ свою освободительницу, полученнымъ изъ ея рукъ оружіемъ отсѣкъ головы тридцати турецкимъ воинамъ и хотѣлъ убить самого визиря; но сестра удержала его, говоря:

„Не с'јеци главу, мило моје добро!
Одс'јеци њему обје руке у рамених,
Пусти њега грдна на трагове,
Нек се хвали по Једрени везир,
Каква птица соколу у руке упала,
Све залуду, кад је перушат' не умједе".

Тотъ же самый мотивъ развивается съ нѣкоторыми особенностями въ другой пѣснѣ (Богишичъ N 99, стр. 275), изъ которой мы выберемъ болѣе интересныя отклоненія отъ общаго типа. Ченդичъ Алай-бегъ плѣнилъ Райковича Божо и не желаетъ дать его на выкупъ, пока вдоволь не наглядится на его сестру и жену. Сестра собирается ѣхать освободить брата и говоритъ своей невѣсткѣ при готовить братнее знамя, а также

„Вучју капу и крила орлова,
И на руке златну хамајлију" (талисманъ).

Когда дѣвушка въ воинскомъ одѣяніи сѣла на коня и надѣла на ру ку золотой амулетъ,

„Из уста јом модар пламен поче,
Из очију бити жеравица".

Въ такомъ грозномъ видѣ она очутилась на дворѣ у Чендича, который въ то время спалъ. Жена въ испугѣ будитъ его, говоря:

„Устан' гори, зао сан заспао";

къ намъ пріѣхалъ чудный юнакъ и требуетъ, чтобы ты принялъ отъ него коня. Но конь подбилъ подъ себя Чендича, когда тотъ приблизился къ нему; сестра Райковича потребовала ключей отъ темницы и, выпустивъ плѣнныхъ, увела съ собой брата и Чендича. Въ горахъ она спросила брата, не признаетъ ли онъ какихъ либо вещей своими? Тотъ узналъ и коня, и саблю, и знамя, и волчью шапку съ орлиными крыльцами. Приблизившись къ дому, она

снова пытаетъ, чьи это дома? Дома то мои, отвѣчаетъ братъ, но, должно быть, пустые: я не знаю,

„Је ли мени у животу селе,
Која ми је војску војевала,
А и са мном брацом добавила“.

Тутъ только сестра открылась брату. Узнавъ въ своемъ побѣдителѣ женщину, Чендичъ Алай-бегъ громко началъ жаловаться, говоря:

„Вараше ме Турци и Каури,
Нико мене преварит' не може,
Што данаске селе Рајковића“.

Во всѣхъ этихъ пѣсняхъ легко замѣтить три главные момента дѣйствія: братъ попадаетъ въ тяжкую неволю; сестра узнаетъ объ этомъ, переодѣвается воиномъ и освобождаетъ его; обманутый непріятель жалѣетъ больше всего о томъ, что его обманула женщина.

Послѣднія двѣ пѣсни выписаны Богишичемъ изъ Дубровницкой рукописи (находится въ Дубровникѣ въ монастырѣ „Мале Браће“ N 24), писанной въ третьей четверти XVIII в. (1758 г.); но нѣкоторыя пѣсни (какъ N 98) записаны гораздо раньше и притомъ разными собирателями изъ устъ народа [1]). Разобранная нами пѣсня „Рашковић Божо и сестра му“ записана Джуромъ Матеи Дубровчаниномъ, умершимъ въ Римѣ въ 1728 году, такимъ образомъ существованіе ея уже въ той формѣ, въ какой она дошла до насъ, можно отнести къ первой четверти XVIII ст.

По той же самой схемѣ построенъ довольно значительный кругъ пѣсенъ, въ которыхъ роль сестры заключеннаго витязя исполняется женой. Отклоненія въ подобныхъ пѣсняхъ отъ общаго типа вообще весьма незначительны и вызываются или мѣстными условіями, гдѣ опѣ поются, или же психологическими причинами, заставившими пѣвца удѣлить большее или меньшее вниманіе тому или другому моменту въ развитіи дѣйствія. Замѣтимъ кстати, что въ болгарскихъ пѣсняхъ героиней разсказа, освободительницей узника, исключительно выставляется его жена; въ сербскихъ же по большей части сестра. Такая, повидимому, незначительная черта лежитъ несомнѣнно въ народной психикѣ, получившей у двухъ сосѣднихъ и родственныхъ племенъ пѣсколько различное развитіе: у одного первенствующее значеніе въ семьѣ пріобрѣла сестра, у другаго—жена.

Обратимся къ разбору такого рода пѣсенъ. У Вука (III, N 49, стр. 348) въ первый разъ напечатанъ варіантъ „Љуба хајдук-Ву-

[1]) Ср. Богишичъ, Пјесме стр. 126—137.

косава". Содержаніе его таково: Молодой турокъ Боичичъ Алиле изъ кровавой Удбиньи отправился въ горы на охоту

„И он узе слуге и левере
И поведе хрте и огаре".

Три дня охота была безуспѣшна: на четвертый около полудня схватилъ онъ гайдука Вукосава изъ Приморья богатаго и бросилъ его въ темницу. Три года томился узникъ въ заключеніи; наконецъ, пишетъ письмо матери и женѣ:

„Стара мајко, не надај се у ме,
Вјерна љубо, преудаји ми се".

Когда письмо пришло въ Приморье, заплакали и сестра, и мать; громко засмѣялась жена. Тотчасъ бросилась она къ цырюльнику, прося его:

„Богом брате, Михате бембере!
Обриј мене русу косу с главе,
Остави ми делијнске перчине" (чубъ);

одѣлась затѣмъ дивнымъ воиномъ:

„Обукла је ковчали чакшире" (штаны)
. . . „Па обуче токе позлаћене (кираса),
Опаса се мукадем-појасом",
. . . „Па оседла коња дебелога,
Седла га седлом сребрнијем,
Па га покри чохом до колена",
. . . „Пригрну га суром међедином,
Заузда га ђемом од челика"; . . .

и сѣвши на коня, она

„*А довати тешку топузину,*
Па ми топуз у висине баца,
А вата га у бијеле руке;
Нагна коња низ чаршију млада,
Удара га десном бакрачлијом (стремя),
Колико ми скаче полагано,
Испод ногу камен излијеће".

Точно такое же изображеніе богатырской игры и удали встрѣчаемъ и въ русской былинѣ „Илья Муромецъ и дочь его":

„Какъ-то ѣздитъ полянищо въ чистомъ поли;
И она ѣздитъ поляница по чисту́ полю
На добромъ кони на богатырскоёмъ,
Она шуточки-ты шутитъ не великіи,
А й кидаетъ она палицу булатную
А й подъ облаку да подъ ходячую,
На добро́мъ кони она да вѣдь подъѣзживатъ,
А й одною ру́кой палицу подхватыватъ,

Какъ перомъ-то лебединыимъ поигрыватъ,
А й такъ эту палицу булатную подкидыватъ".

Гильф. стр. 463.

Въ такомъ грозномъ видѣ жена гайдука Вукосава остановилась на дворѣ Боичича Аліи. Она объявляетъ себя царскимъ посланцомъ, бьетъ палицей Боичича и требуетъ приготовить для себя роскошный ужинъ. На слѣдующее утро, выпустивъ изъ темницы Вукосава, она

„Удари га топузином тешкомъ,
Удари га и два и три пута,
Да се како не омисле Турци".

Боичичъ-Алиле предложилъ неизвѣстному витязю коня, оружіе и деньги, лишь бы только его самого не вели въ Стамбулъ. Отъѣхавъ далеко отъ дома Боичича, жена спрашиваетъ мужа, узнаетъ ли онъ свое оружіе? Оружіе свое онъ призналъ, но жены нѣтъ, пока та сама ему не открылась. Напослѣдокъ она говоритъ:

„Но опрости оне топузине,
Е сам млоге ноге осветила".

Еще далѣе на западъ, въ Истріи, въ Добрини поется пѣсня съ такимъ же содержаніемъ: „Aršiceva ljuba" (изъ Naše Sloge N XI). Аршичъ попался въ плѣнъ; визиръ заключилъ его въ темницу, гдѣ онъ страдалъ девять лѣтъ. Однажды стонетъ юнакъ и жалобно поетъ:

„Da s' nečudi svojoj staroj majci,
Neg se čudi vernoj ljubci svojoj,
Ka ga neće na odkupu dati".

Ласточка услышала его стонъ и жалобу и передала о томъ его женѣ. Та, переодѣвшись воиномъ, явилась ко двору царя, вызвала его на поединокъ, отрубила ему голову и освободила всѣхъ заключенныхъ. Проѣзжая съ мужемъ по полю, она его спрашиваетъ:

„Bil ti poznal vrana konja svoga?"

Тотъ не узнаетъ.

„Bil ti poznal svoju kapu s' perjem?...
... „Bil ti poznal svoju ljubu vernu?"

Тотъ ничего не призналъ. Взмахнувъ саблей, она слегка ударила мужа по плечу, говоря:

„Mi smo dragi jedinoga roda!
S ljubcom jašeš, ti ju ne poznaješ!"

Въ болгарской пѣснѣ „Тиланъ" (Безс. VII, 51), записанной Венелинымъ отъ выходцевъ болгарскихъ, повидимому, въ Одессѣ, разсказъ значительно осложненъ введеніемъ въ дѣйствіе роли матери заключеннаго. Соотвѣтственно политическимъ отношеніямъ позднѣйшаго времени видоизмѣненъ также и запѣвъ: въ немъ слѣдую-

щимъ образомъ опредѣляется причина обрушившейся на Тилана невзгоды:

„Тилана ми сѫ бѣдѫ бѣдили
И сѫ го окривили,
На Цариграда го закарали
Въ цареграшки-тѣ тъмници“.

Тамъ онъ оставался цѣлыхъ девять лѣтъ, такъ что

„Коса му ѥ въ землѭ зарасла,
Въ косѫ му зъми мѫтѣхѫ“.

Мать Тилана, долго не зная ничего про сына, зажгла восковую свѣчу, поставила ее передъ иконой и усердно просила Бога превратить ее въ какую либо птичку, чтобы летѣть къ сыну и посмотрѣть, гдѣ онъ и живъ ли онъ? Господь превратилъ ее въ „сиву-бѣлу голубушку“. Прилетѣвъ въ Царьградъ, голубка опустилась на темницу, въ которой томился Тиланъ, застонала и заплакала. Слезы ея упали на мраморъ, проточили камень и, проникнувъ въ темницу, капнули на длинную косу заключеннаго.

„Дали сѫ силни снѣгове,
Или буйни дъждове?“

спрашиваетъ Тиланъ своего стража. Тотъ вышелъ посмотрѣть, не сильные ли снѣга падаютъ или проливные дожди, и увидѣлъ голубку. Сынъ узналъ въ ней свою мать и послалъ чрезъ нее такой совѣтъ женѣ своей Петканѣ:

„Ѩлънджийско фирмане да испише,
И на моѥ-то хранѥно конче да сѧ качи,
И бостанджийски дрѣхи да облѣче [1]),
Моѭ-тѫ тънкѫ сабѭ добрѣ да припаше,
Моѭ тънкѫ пушкѫ бойлиѭ,
Мой-тѣ чифте пиштове гюмюшлиини“ (серебряные).

Въ полномъ военномъ вооруженіи съ подложнымъ султанскимъ фирманомъ Петкана появилась въ темницѣ, гдѣ заключенъ былъ ея мужъ и потребовала отъ стражниковъ его выдачи съ тѣмъ будто бы, что ей приказано отрубить ему голову. Получивъ узника, она повела его къ цырюльникамъ и просила трехъ изъ нихъ остричь слишкомъ длинные волосы Тилана, какъ бы готовя его къ смерти; затѣмъ посадила его къ себѣ на лошадь и умчала домой.

Тѣмъ же характеромъ растянутости и нѣкоторой неестественности, какъ и двѣ только что разобранныя пѣсни, отличается и другой болгарскій варіантъ „Ржковити Богданъ“ (Безс. N 2, стр. 19),

---

[1]) Отдѣлъ крджаліевъ или жандармовъ, называвшихся по имени начальника своего Бостанджіи. Какъ нарицательное, это послѣднее обозначаетъ сторожа огорода или сада.

напечатанный впервые у Богоева. По изложенію безошибочно можно предположить, что мотивъ пѣсни далеко ушелъ уже отъ своего первообраза: на немъ замѣтны значительные осадки индивидуальнаго творчества, придавшаго частностямъ иной оттѣнокъ. Такъ Богдана не выпускаютъ изъ тюрьмы потому, что у него красавица жена: ею желаетъ завладѣть Черноморскій воевода, Никола, у котораго въ плѣну Богданъ. Въ такой, уже затемненной мотивировкѣ, благодаря посредствующимъ звѣньямъ разобранныхъ пѣсенъ, мы легко узнаемъ бытовую черту, послужившую основой варіанта „Братья Якшичи“: причиной ихъ неволи было ихъ нежеланіе выдать сестру замужъ за просившаго ея руки Пашу. Въ другомъ варіантѣ „Рашковичъ Божо“ требуютъ сестру у заключеннаго въ числѣ другихъ цѣнностей какъ выкупъ за его свободу; въ новомъ изводѣ той же пѣсни (Богиш. 99) поработитель юнака не хочетъ и выкупа, пока не наглядится вдоволь на его сестру и жену; въ нѣкоторыхъ варіантахъ, въ которыхъ жена оказывается освободительницей попавшагося въ плѣнъ мужа, объ условіяхъ выкупа вовсе не упоминается; наконецъ, въ настоящей пѣснѣ о „Руковитомъ Богданѣ“ причиной удержанія его въ неволѣ оказывается красавица его жена, по нашему мнѣнію, замѣнившая первоначально бывшую въ такихъ условіяхъ сестру узника.

Стоны Богдана были услышаны „сивымъ-бѣлымъ голубемъ“: онъ подалъ заключенному свое правое крыло и тотъ написалъ на немъ письмо своей женѣ, Ангелинѣ. Голубь прилетѣлъ къ ней, когда она работала на дворѣ:

„Млада булка Ангелина равни двори мете,
И хубавж, личнж пѣснж пѣю.
И паднжла перка отъ крило“.

Прочитавъ на голубиномъ перышкѣ письмо мужа, Ангелина проситъ своего деверя обрѣзать ей косы и затѣмъ переодѣвается воиномъ. Въ этомъ мѣстѣ болгарскій изводъ вполнѣ соотвѣтствуетъ сербскому „Љуба хајдух-Вукосава“: какъ въ томъ, такъ и въ другомъ переодѣвшаясь женщина спрашиваетъ деверя (въ сербскомъ побратима), похожа ли она на витязя? Послѣ утвердительнаго отвѣта она пускается въ путь.

Въ дальнѣйшемъ ходѣ дѣйствія также замѣтны слѣды подновленія: если въ предшествовавшей пѣснѣ былъ пущенъ въ оборотъ подложный султанскій фирманъ, требовавшій выдачи заключеннаго, то въ послѣдней прибѣгли къ вымышленной амнистіи, объявленной будто бы по случаю рожденія у султана дивнаго сына: ребенокъ тотчасъ послѣ рожденія началъ ходить и говорить.

Когда Богданъ вышелъ изъ темницы, Ангелина отдѣлила его

конемъ отъ прочихъ узниковъ и для виду, точно также какъ и въ сербскихъ варіантахъ,

„Съ бързо го конче тъпчѣше,
Съ алтъненъ топузъ го биѣше,
Високо топузъ-тъ издича,
Полегичка го ударъ"

Затѣмъ, уступивъ ему свое мѣсто въ сѣдлѣ, сама помѣстилась позади и такимъ, обычнымъ на Балканскомъ полуостровѣ способомъ, они уѣхали домой.

Семь, нами разобранныхъ варіантовъ, очевидно, построены по схемѣ выше указанной болгарской пѣсни „Мирчё и Бояна", послужившей для нихъ первообразомъ. Въ этой послѣдней бытовая основа первоначальной фабулы сохранена еще достаточно ясно, между тѣмъ какъ въ послѣдующихъ переработкахъ ѐя она постепенно затемняется мѣстными наслоеніями и литературными прикрасами Широкое распространеніе мотива, начиная отъ Истріи, по Далмаціи, Босніи и Герцеговинѣ, Македоніи и Болгаріи, до Одессы, не могло не сказаться въ характерѣ изложенія подробностей; при нѣсколько иномъ освѣщеніи частностей можно также замѣтить отложенія понятій и условій жизни той народности, среди которой вращается варіантъ; но въ общей передачѣ разказа первоначальный типъ строго выдержанъ, и нѣтъ сомнѣнія, что всѣ указанныя пѣсни одного и тогоже происхожденія и при томъ славянскаго.

Прежде чѣмъ послѣдовать за дальнѣйшимъ движеніемъ занимающей насъ литературной схемы, сдѣлаемъ отступленіе въ сторону и укажемъ на нѣкоторыя частныя явленія, по внѣшности какъ бы имѣющія связь съ нашей традиціей. Мы позволяемъ себѣ уклониться отъ главной своей цѣли съ мыслью еще разъ заявить о несостоятельности того пріема изслѣдованія произведеній народнаго слова, по которому считается позволительнымъ ставить въ генетическую связь отдаленныя явленія на основаніи одного какого либо сходнаго признака.

Разсмотримъ чрезвычайно поэтическую хорватскую пѣсню изъ Промонтура (Naša Sloga N I), „Kraljević Marko služi cara". Начинается она такъ:

„Sinoć se je ženia Marko,
A jutros mu bila knjiga dodje:
Red mu dodje, da na vojsku podje!
Njemu majka žuto brašno spravlja.
Ljubi mu je košulju šikala
Zlatnom žicom, srebrnom iglicom,
Svaki punat suzicom livala,
Sva košulja u suzam plivala".

Жена подавала Марку рубашку, а сестра пытала его: когда, дорогой братъ, будешь назадъ? Тогда вернусь, отвѣчаетъ братъ,

„Kad uzrije javor jabukama,
Kad pobili perje na sokolu“.

Женщины были догадливы: онѣ сокола кормили молокомъ, а яворъ поливали виномъ; черезъ девять лѣтъ на яворѣ выросли яблоки, а на соколѣ побѣлѣли перья; однако Марко не подаетъ о себѣ и вѣсти. Жена послала ему письмо, увѣдомляя, что время ему ужь вернуться, такъ какъ и соколъ побѣлѣлъ и яворъ принесъ яблоки. Проходитъ еще годъ. Тогда сестра Марка говоритъ его женѣ:

„Krojimo si robu na junačku,
Sedlajmo si dva najbolja konja:
Meni Vilu a tebi Goluba“,

пойдемъ на царскій дворъ и приведемъ Марка. Царскіе стражи, замѣтивъ двухъ приближающихся юнаковъ, говорятъ между собою:

„Ala, bože, čuda nevidjena!
Lipe su ti dvi delije mlade.
Na pogledu kano i divojke
A na skoku kano i delije“.

Отъ слугъ переодѣтыя женщины узнали, что Марко сидитъ на верху въ свѣтлой комнатѣ съ вѣрной своей возлюбленной. Онѣ вызвали его на балконъ и сообщили ему, будто бы сестра его отдана за море въ замужество, а жена его завтра выходитъ за другаго. Услышавъ такую новость, Марко оставилъ свою возлюбленную и немедленно отправился къ царю просить платы за десять лѣтъ службы. Царь задерживаетъ его обѣщаніемъ:

„Lipše sam te ljube dobavia!“
„Oj, moj care, mili gospodare!“ отвѣчаетъ Марко,
„*Prva ljubav u srcu zavita*
A druga je olovom polita“.

Царь награждаетъ за службу Марка и отпускаетъ его. Въ пути онъ не съ разу призналъ жену и сестру: имъ пришлось самимъ объявить себя.

Хотя въ приведенной пѣснѣ и можно замѣтить нѣкоторое сходство въ выраженіяхъ съ прежде разобранными варіантами, однако планъ композиціи здѣсь совершенно иной. Общее всѣмъ этимъ произведеніямъ переодѣваніе женщины воиномъ служитъ лишь доказательствомъ распространенности подобнаго обычая среди южно-славянскихъ народностей. О литературной зависимости между этими произведеніями, кажется, не можетъ быть и рѣчи, подобно тому какъ и между ними и пѣсней, къ которой мы непосредственно переходимъ „Марко, Арапинъ и Марко'ица“ (Милад. N 101, стр. 147). Сущность содержанія этой пѣсни такова: устраивается состязаніе

въ питьѣ вина между Маркомъ и чернымъ Арапиномъ. Въ случаѣ проигрыша Арапинъ теряетъ голову, а Марко свою жену. Три дня и три ночи пили молодцы, не уступая другъ другу; наконецъ, Марко выпилъ чашу въ семьдесятъ окъ вина, въ которое будто бы положено было сонное зелье Арапиномъ, и богатырски заснулъ. Арапинъ и жена Марка сѣли на лошадей, и какъ вихорь понеслись добрые кони. Передъ Солунемъ Маркоица надѣваетъ на себя богатое шелковое убранство съ тѣмъ будто, чтобы ея не узналъ тамъ побратимъ Марковъ, и ведетъ Арапина подъ видомъ пойманнаго злодѣя. Въ Солуни она заявляетъ гражданамъ, чтобы никто не смѣлъ убить Арапина, такъ какъ это султанскій плѣнникъ, а между тѣмъ ночью сама отрубаетъ ему голову и отъ запуганныхъ Солунянъ получаетъ большой откупъ. На обратномъ пути домой ей встрѣчается Марко, преслѣдующій Арапина; уступая ея доводамъ, онъ соглашается вернуться назадъ. Марко не узнаетъ жены. Въ этомъ мѣстѣ въ пѣсню вплетенъ эпизодъ, встрѣченный нами въ выше разобранныхъ варіантахъ: „Руковитый Богданъ" и „Љуба хаjдук-Вукосава". Маркоица, сильно избивъ мужа, спрашиваетъ, узналъ ли бы онъ свою жену, если бы увидѣлъ ее? Когда ты смотришь, отвѣчаетъ тотъ, въ землю, ты похожъ, страшный витязь, на мою Маркоицу; но, когда поднимешь очи къ свѣтлому небу, нѣтъ юнака грознѣе тебя. За тѣмъ слѣдуетъ признаніе, и Марко прощаетъ женѣ нанесенные ему побои.

Легко замѣтить, что пѣсня не отличается достоинствами; повидимому, она претерпѣла много передѣлокъ и сплочена изъ отрывковъ нѣсколькихъ мотивовъ. Въ видѣ случайнаго налета въ ней можно отыскать отзвуки и нашего круга пѣсенъ, но самый строй ея ничего общаго съ ними не имѣетъ; однимъ же своимъ звѣномъ связывается она съ пѣсней „Войникъ Огненъ и неговата жена" [1]), записанной М. Дриновымъ по Деборскому произношенію Варіантъ этотъ довольно интересенъ и, какъ намъ здается, усвоилъ себѣ сказочный мотивъ, параллели къ которому мы постараемся представить послѣ. Запѣвъ пѣсни чисто болгарскій:

„Дворье метет млада Огненица,
Дворье метет градом слзи ронит,
Сос слзи хи дворье запрашоват".

Отецъ ея замѣтилъ это и спрашиваетъ о причинѣ слезъ:

„Али ти се вино доточило,
Али ти се 'азно доброило,
Али ти се тебе сдодеяло,
Чекаечи госте приятели?"

---

[1]) Периодическо Списание, XI, 158—162. 1876. Браила.

Тотъ же самый пріемъ, видоизмѣненный лишь сообразно положенію спрашиваемаго, находимъ много разъ въ русскихъ эпическихъ пѣсняхъ, какъ напр. Владиміръ спрашиваетъ Ставра:

„*Аль нѣту у тебя да золотой казны?*
Аль нѣту у тебя да добрыхъ ко́моней?
Аль нѣту сёлъ со приселками?
Аль нѣту городовъ да съ пригородками?
Аль не славна твоя да родна матушка?
Аль не хо́роша твоя да молода жена?“

Гильф. N 151.

Печаль молодой Огненицы происходитъ отъ того, что всѣ воины вернулись назадъ, лишь нѣтъ ея Огнена:

—„Ами идет коня Огненова,
И ми носит седло наопако,
И ми носит баряк зависно.
— Али негде Огнен ми умрело,
—Али ми се негде прежeнило?“

Отъ возвратившихся воиновъ она узнала, что Огненъ живъ, но женился на другой. Тогда она переодѣвается съ отцомъ въ платье нищихъ. Въ такомъ видѣ они пошли въ ту страну, гдѣ остался Огненъ; сѣли у холоднаго колодца, изъ котораго брали воду для Огнена. Скоро туда пришелъ его слуга съ серебрянымъ кувшиномъ. Со слезами нищіе просили у него напиться и когда тотъ изъ состраданія подалъ кувшинъ молодой Огненицѣ, она опустила въ него свой перстень Такимъ путемъ Огненъ вспомнилъ о покинутой женѣ и снова вернулся къ ней.

Разобранная пѣсня представляется намъ видоизмѣненіемъ чрезвычайно распространеннаго по всей Европѣ мотива о взаимномъ признаніи супруговъ по кольцу, брошенному въ кубокъ одному изъ нихъ; переодѣваніе, встрѣчающееся въ ней, не имѣетъ ничего общаго съ тѣмъ, что мы наблюдали выше и развилось совершенно самостоятельно, вытекая по необходимости изъ общаго построенія разсказа.

Точно также далеко стоитъ отъ нашей схемы обширная пѣсня „Кунина Златија“ (Вукъ III, 28, стр. 199), представляющая много интереса для сравненія съ русскимъ эпосомъ въ другомъ отношеніи. До сихъ поръ, кажется, никто изъ русскихъ изслѣдователей не обратилъ вниманія на сходство положенія *Запавы Путятичны* и *Златіи Хасанагиницы* сербскаго извода: и въ томъ и въ другомъ случаѣ молодая женщина сама идетъ къ своему возлюбленному, — это основная идея пѣсни, разработанная затѣмъ у Сербовъ и у Русскихъ въ разныхъ направленіяхъ: каждый народъ отразилъ въ своемъ произведеніи обстановку собственнаго быта, об-

лекъ туже самую основу въ поэтическія формы, почерпая содержаніе для созданія своихъ типовъ изъ мѣстныхъ общественныхъ отношеній. Стремленіе г. Халанскаго [1]) объяснить былины о Соловьѣ Будиміровичѣ и его отношенія къ Запавѣ Путятичнѣ на почвѣ быта, кажется, вполнѣ основательно. Въ то время какъ русскіе пѣвцы идеализировали личность жениха и, быть можетъ, заимствовали краски для своей картины изъ странствующихъ сказочныхъ мотивовъ, сербская пѣсня, крѣпко держась реальной жизни, принуждавшей часто молодую женщину идти въ домъ нелюбаго мужа, съ бóльшимъ вниманіемъ остановилась на характеристикѣ этой послѣдней. И въ сербской пѣснѣ при несомнѣнно бытовыхъ чертахъ легко разсмотрѣть цѣлый эпизодъ сказочный, вплетенный въ простую схему — дѣвушка бѣжитъ къ своему возлюбленному—изъ особаго рода сказаній, циркулировавшихъ нѣкогда, должно быть, среди многихъ народовъ Европы.

О бытовыхъ условіяхъ, при которыхъ возникали подобныя пѣсни, между прочимъ можно узнать по цѣннымъ матеріаламъ, собраннымъ братьями Петровичами [2]).

Стр. 90—92. „Для этнографа“, говоритъ г. Кулаковскій, „интересны могутъ быть свѣдѣнія о брачныхъ обычаяхъ въ Сербіи времени князя Милоша. Прежде въ Сербіи обыкновенно женихъ платилъ отцу своей невѣсты извѣстную сумму, и дѣвушка часто выдавалась замужъ лишь по волѣ и договору родителей безъ ея согласія. Эта плата за невѣсту была старое вѣно. Рядомъ съ этимъ въ Сербіи былъ сильно распространенъ *обычай умыканія невѣсты, отмица*. Если, съ одной стороны, родители невѣсты старались выручить побольше за отнимаемую изъ ихъ дома рабочую силу и потому иногда заявляли слишкомъ высокія требованія вѣна, то съ другой вполнѣ естественно получала все большее развитіе *отмица*, нарушавшая ея правильный ходъ жизни. Раздавались частыя жалобы. Правительственная власть должна была принять мѣры противъ того и другаго. Уже Кара-Георгій въ своемъ наставленіи Чолакъ-Антѣ (Гласникъ XLVIII, 218) опредѣляетъ максимумъ вѣна: „Ты долженъ распорядиться въ нахіи и особенно тщательно наблюдать, чтобы тотъ, кто выдаетъ замужъ дѣвушку, не бралъ болѣе 42 грошей за нее. А если бы кто взялъ выше опре-

---

[1]) Русск. Филол. Вѣстн. стр. 379. 2. 1885. Отдѣльный оттискъ: Великорусскія былины Кіевскаго цикла. Варшава 1885, стр 165.

[2]) Вукашин и Никола Петровићи. Грађа за историју Краљевине Србије. Книга прва, од 1815 до 1821 године. Београд 1882 (Рецензія П. Кулаковскаго въ Ж. М. Н. Пр. 1883, I (184—194).

дѣленнаго, потеряетъ это, и деньги пойдутъ въ народную кассу, а виновный будетъ наказанъ“.

Князь Милошъ точно также рано обратилъ вниманіе на вѣно и отмицу и распорядился по своему, и притомъ весьма сурово. Онъ уже 10 мая 1818 г. объявилъ на скупштинѣ, а затѣмъ 7 іюля 1820 г. *подтвердилъ письменно родителямъ и старшимъ братьямъ* запрещеніе выдавать замужъ дочерей и сестеръ и женить сыновей и младшихъ братьевъ противъ ихъ воли. Безъ объявленія кмету (сельскому старшинѣ) и священнику ни отецъ, ни братъ не смѣли „*обѣщать*“ кому либо дѣвушку: кметъ и священникъ должны были предварительно выслушать жениха и невѣсту, и лишь тогда, въ знакъ добровольнаго согласія, невѣста могла принять отъ жениха подарокъ въ присутствіи кмета и священника. Но если бы и послѣ исполненія этихъ формальностей оказалось, что тутъ было насиліе со стороны старшихъ, священнику запрещалось подъ страхомъ „лишенія чести и жизни“ вѣнчать такія пары. Что касается выкупа за дѣвушку, то князь Милошъ установилъ, чтобы онъ никоимъ образомъ не превосходилъ 25 грошей (около 8 р. по тогдашнему счету). *Отмица*, то-есть увозъ дѣвушки, *а также и самое бѣгство невѣсты къ жениху, запрещалось подъ страхомъ висѣлицы*. Между документами, помѣщенными въ книгѣ гг. Петровичей, находимъ одинъ, въ которомъ разсказывается о казни нѣкоего Јована Недѣльковича за „*отмицу*“.

Это вышеупомянутый указъ князя Милоша отъ 7 іюля 1820 г., писанный Вукомъ Караджичемъ, подъ заглавіемъ: „Пофторительна заповѣсть“. Повторяя свое прежнее распоряженіе о взиманіи вѣна въ 25 грошей и запрещеніи отмицы, Милошъ говоритъ: „Но къ великому моему негодованію вижу, что это мое приказаніе, вслѣдствіе небрежности кнезовъ, священниковъ и кметовъ, въ нѣкоторыхъ мѣстахъ мало соблюдалось, и потому произошло то, что лишь неразумные безумно стали думать, что имъ вновь можно будетъ пуститься во всякія вредныя для народа бездѣлія. Такою безумною мыслью былъ напоенъ и нѣкто Јованъ Недѣльковъ сынъ, изъ Трнавы, нахіи Крагуевацкой, который годъ тому назадъ присватался къ дочери Риствоя Миливоевича изъ Страгара, нахіи Рудницкой; эта дѣвушка не была согласна выйдти за него замужъ. Напослѣдокъ она должна была прибѣгнуть къ суду, чтобы освободиться отъ насильственнаго замужества, а Јовану было приказано отказаться отъ своего намѣренія жениться на этой дѣвушкѣ. Но въ текущемъ году 30 іюня нечаянно ночью этотъ вышеназванный Јованъ Недѣльковичъ изъ Трнавы съ четырьмя своими друзьями напалъ на домъ Риствоя изъ Страгара и насильно отнялъ и увелъ дѣвушку, которая была уже обѣщана другому. Разсматривая этотъ

случай и для предотвращенія несчастій, которыя могутъ отсюда проистечь, мы рѣшили нисколько неотступать отъ этого нашего постановленія: казнить висѣлицею всякаго „отимача" (умычтика), а его помощниковъ наказывать ударами и тяжкимъ тюремнымъ заключеніемъ. Такъ и было поступлено: виновный былъ повѣшенъ и трупъ его выставленъ на показъ народу.

Затѣмъ запрещается въ указѣ принимать къ себѣ дѣвушку, *которая сама прибѣжитъ къ жениху*, подъ страхомъ тяжкихъ наказаній, а священнику вѣнчать такія пары [1]).

„Запрещается это по той причинѣ, что часто случается" — говорится далѣе въ указѣ, — „что два семейства, прежде дружныя между собою, становятся непримиримыми врагами. Иногда происхо-

---

[1]) Въ византійскихъ и западно-европейскихъ средневѣковыхъ романахъ дѣвушки такъ открыто высказываютъ свою любовь, что Жидель: *Ch. Gidel*, Études sur la litterature grec que moderne. Imitations en gree de nos romans de chevalerie depuis le XII siecle. Paris 1866: усматриваетъ въ этой бытовой чертѣ литературное вліяніе французское, перешедшее на востокъ въ періодъ крестовыхъ походовъ. Такъ византіецъ Eumathe Macrembolite написалъ романъ „Aventures d'Hysminé et Hysmenias" въ половинѣ XII вѣка при Комненахъ. Герой романа Hysmenias отправляется на празднества Юпитера, совершавшіяся на сосѣднемъ островѣ. Тамъ „On le vénère et l'on s'empresse de lui offrir l'hospitalité. On s'en dispute l'honneur. Il a suivi Sosthène, et, à peine entré sous le toit de son hôte, il y trouve Hysminé, une jeune fille qui, en lui offrant la coupe du festin, lui presse le pied, l' enflamme de ses regards amoureux et trouble son coeur, insensible jusque-lá. Sous prétexte d'un devoir d'hospitalité et de religion à remplir, celle-ci (Hysminé) se rend auprès d'Hysminias couché dans son lit et fait si bien que le jeune homme trompe enfin les parents qui l'ont accueilli chez eux et manque à tous ses devoirs de héraut sacré" (стр. 14—15). Тоже самое во французскихъ романахъ: такъ въ романѣ „d'Aioul" находимъ, что „une jeune fille va se présentes à la couche d'un chevalier et se mettre à sa discrétion" (Hist. litt. de la France, t. XXII). Въ книгѣ, озаглавленной „I Reali di Francia" и оказывающейся переводомъ французскихъ романовъ, существующихъ еще или уже потерянныхъ, всѣ дѣвушки ведутъ себя подобнымъ же образомъ. Fegra Albano di Barbaria, Dusolina и Galeana влюбляются въ Fioravente и, не стѣсняясь, высказываютъ ему это (Liv. II, ch. IV). Дочь одного капитана влюбляется въ Gisberto и приходитъ къ нему въ темницу (Liv. III, ch. VII). Druziana, дочь короля Erminon'а влюбляется въ Buovo d'Antona (Beuve d'Hanstone) и заявляетъ ему объ этомъ (Liv. IV, ch. X, XI и слѣд.). Не думаемъ, чтобы славянскія дѣвушки научились такой же откровенности отъ героинь французскихъ романовъ.

дятъ отъ того и убійства, какъ это случилось недавно въ Пожаревацкой нахіи въ селѣ Трнавцѣ, гдѣ одна дѣвушка убѣжала къ парню. Эти два семейства были сосѣди и жили въ дружбѣ, а изъ-за этого случая перессорились, и для того, чтобы помириться, позвали своего срезскаго кнеза Павла. Кнезъ, изслѣдовавъ дѣло, увидѣлъ, что дѣвушка самовольно ушла, и приказалъ семьямъ помириться. *Но братъ дѣвушки счелъ это позоромъ и бросился съ ножемъ на сестру.* Тогда кнезъ повалилъ брата дѣвушки, чтобы его бить. На его крикъ прибѣжалъ младшій братъ и выстрѣлилъ кнезу изъ пистолета въ спину. Кнезъ упалъ мертвый на землю, а убійцу схватили сельчане и слуги кнеза и убили; а тотъ братъ, котораго кнезъ билъ, убѣжалъ неизвѣстно куда" (стр. 263—265 матер.).

На такой-то чисто народной почвѣ возникло произведеніе, къ разбору котораго мы непосредственно и перейдемъ.

Хотя пѣсня „Кунина Златиjа" и мало имѣетъ точекъ соприкосновенія съ разбираемымъ нами кругомъ варіантовъ, но мы остановимся на ней въ виду ея сродства съ нѣкоторыми чертами русскаго эпоса съ одной стороны и теоретическаго значенія съ другой. Содержаніе пѣсни слѣдующее:

Хасанагиница пишетъ письмо своей матери, жалуясь на свою судьбу: вотъ ужъ девять лѣтъ, что я замужемъ, говоритъ она, а

„Jош jа не знам, што jе мушка глава,
Нит' jе моjе лице облљублено".

Мужъ ея, Хасанъ-ага, предпринимаетъ набѣги, приводитъ для себя молодыхъ рабынь, и бѣдная жена его хочетъ покончить съ собою. Не бери грѣха на душу, отвѣчаетъ ей мать, но переодѣнься въ мужское платье и бѣги къ Ивану Сенянину (изъ Сени); онъ два раза просилъ у меня тебя.

Вотъ собственно основа пѣсни, заимствованная изъ условій дѣйствительной жизни: дѣвушка или женщина при содѣйствіи матери уходитъ къ своему суженому. Къ такому бытовому мотиву пѣвецъ по случайной ассоціаціи идей, вслѣдствіе попавшейся ему черты переодѣванія, притягиваетъ другой, относящійся къ иной категоріи пѣсенныхъ схемъ, разсказъ, въ которомъ дѣвушка оказывается воиномъ, совершаетъ подвиги и затѣмъ попадаетъ въ неестественное положеніе молодаго супруга. Съ такою схемой мы будемъ имѣть дѣло еще ниже, теперь же мы указываемъ лишь на тотъ фактъ, что по закону народнаго творчества, въ которомъ моментъ случайности играетъ первенствующую роль при развитіи смѣняющихся звѣньевъ фабулы, очень часто притягиваются довольно насильственно къ отдѣльному эпизоду самые разнообразные мотивы, благодаря лишь какой либо незначительной аналогіи.

Кунина Златія, послѣ долгаго переѣзда по горамъ, прибыла ко двору Ивана Сенянина: въ это время онъ со своими тридцатью капитанами пировалъ въ своемъ бѣломъ домѣ, выйдя по окончаніи службы изъ церкви. Мать Ивана увидѣла прибывшаго витязя:

„Од нег' ждрака по авлији бије,
Те јаркоме адсјауіе сунцу".

Пирующіе юнаки сперва приглашаютъ прибывшаго пить съ собою, давъ ему мѣсто возлѣ своего предводителя. Затѣмъ лишь

„Кад се ладна напојише вина,
Те им винце улезе у лице,
Проговара Иво Сенанине:
„Ој Бога ти, незнан добар јунак!
Откуда си, од које л' крајине?
Како ли се зовеш по имену?"

Златія выдаетъ себя за барьяктара Хасан-аги. Ее обращаютъ въ христіанскую вѣру, даютъ ей имя Јованъ и вѣнчаютъ съ сестрой Ивана Сенянина.

Въ разныхъ изводахъ этого страннаго положенія подыскиваются разнообразные выходы. Въ данномъ случаѣ переодѣтая Златія на заявленіе своего зятя, что

„Анђа нам је врло невесела",

отвѣчаетъ:

„Ја се јесам Богу зарекао,
Да јој не ћу лица облубити,
Доке једном у чету не одем,
Да окушам моју срећу прву
Од како сам вјеру мијенао".

Очень можетъ быть, что въ этомъ предлогѣ слышится отзвукъ какого либо мѣстнаго обычая, связаннаго съ перемѣной вѣры. Во всякомъ случаѣ онъ гораздо непринужденнѣе и естественнѣе, чѣмъ пріемъ, къ которому прибѣгаетъ авторъ „Huon de Bordeaux" или „Novella della figlia del re di Dacia", о чемъ будемъ говорить ниже.

Съ отрядомъ вооруженныхъ юнаковъ Златія предпринимаетъ набѣгъ, плѣняетъ собственноручно Хасанъ-агу и приводитъ его къ Ивану-Сенянину. Убивъ плѣнника, она открывается Ивану, заявляя:

„Па сам дошла, да ти будем луба".

Послѣ этого ее снова окрестили, при чемъ дали ей имя „Питома Ружица" и затѣмъ обвѣнчали съ Иваномъ.

Мы уже замѣтили выше, что только что приведенная пѣсня не относится къ схемѣ разбираемыхъ нами произведеній. Намъ было лишь интересно указать, какъ часто и своеобразно происходитъ въ народной поэзіи путаница разныхъ мотивовъ, заимствованныхъ

изъ самостоятельныхъ пѣсенныхъ категорій. Нѣтъ сомнѣнія, что существовали и можетъ быть теперь еще существуютъ несложныя пѣсни о томъ, какъ дѣвушка сама выбираетъ себѣ мужа.

Съ другой стороны можно указать цѣлый рядъ произведеній, въ которыхъ, при разныхъ видоизмѣненіяхъ и отклоненіяхъ, происходитъ обрученіе переодѣтой дѣвушки или женщины съ другой. Въ данной пѣснѣ эти два совершенно чуждые мотива слиты вмѣстѣ; изъ нихъ послѣдній еще много разъ встрѣтится намъ въ варіантахъ, тѣсно примыкающихъ къ нашей схемѣ.

Такимъ образомъ пѣсня „Кунина Златиjа" въ двухъ пунктахъ соприкасается съ русскимъ эпосомъ: въ основѣ типа Запавы Путятичны по былинѣ о Соловьѣ Будиміровичѣ и въ постановкѣ личности Василисты Никуличны по нѣкоторымъ изводамъ былины о Ставрѣ Годиновичѣ. Подобное совпаденіе не имѣетъ никакой генетической связи: оно есть лишь случайный, объявившійся въ разныхъ мѣстахъ отзвукъ тѣхъ мотивовъ, къ разбору которыхъ мы современемъ перейдемъ; теперь же намъ предстоитъ еще познакомиться съ третьимъ разрядомъ пѣсенъ, въ которыхъ также выведенъ типъ воинственной дѣвушки: въ нихъ дочь замѣняетъ на войнѣ отца или сестра брата.

IV.

Дѣвушка вмѣсто отца или брата идетъ на войну.

Теперь мы подошли къ самому трудному мѣсту въ своей задачѣ. Мотивъ, съ которымъ мы имѣемъ здѣсь дѣло, получилъ крайне широкое распространеніе и съ трудомъ поддается возстановленію въ его простѣйшей, первоначальной формѣ. Кажется, нѣтъ возможности въ настоящее время опредѣленно сказать, гдѣ впервые возникла несложная схема, сдѣлавшаяся сюжетомъ и литературной и устной обработки почти у всѣхъ народовъ Европы. Попытаемся однако опредѣлить, по крайней мѣрѣ, взаимное отношеніе разныхъ варіантовъ, насколько это возможно при наличности матеріала, сдѣлавшагося нынѣ извѣстнымъ.

Мы уже упоминали о свидѣтельствѣ Медаковича. Описывая жизнь Черногорцевъ, онъ говоритъ: „*у Ровцима има една ђевойка, коя е остала без браће, те се зарекла да ће остати у ђевоячкой чистоти и бити мъсто сина своем оцу, бити замъна у витежкой невольи и на юначком мегдану*".

Этому разсказу очевидца соотвѣтствуютъ болгарскія пѣсни, принадлежащія къ простѣйшимъ варіантамъ нашей схемы. Очень можетъ быть, что онѣ и послужили переходной ступенью, связующимъ звѣномъ между пѣснями, выше нами разобранными, и тѣмъ многочисленнымъ отдѣломъ варіантовъ, которые распространились по всей Европѣ путемъ литературнаго общенія народовъ. Существованіе болгарскихъ пѣсенъ, отвѣчающихъ факту, приводимому Медаковичемъ изъ черногорской жизни, наводитъ на предположеніе, что подобныя произведенія, описывающія дѣйствительныя событія, могли существовать и у Сербовъ, хотя они и не дошли до насъ. Обращеніе въ устахъ народа подобныхъ пѣсенъ должно было послужить почвой для привлеченія со стороны болѣе сложныхъ мотивовъ.

Обратимся однако къ болгарскимъ пѣснямъ.

Въ Македоніи, въ Просеникѣ возлѣ Сереза записанъ Верковичемъ (I, 1860, N 11, стр. 16) въ числѣ женскихъ пѣсенъ слѣдующій интересный для разбираемаго мотива варіантъ.

„Радинке моме хубава!
Радинъ тейко по двори ходи,

По двори ходи сълзи рони“.

отецъ горюетъ, не имѣя сына, который замѣнилъ бы его на войнѣ. Дочь его, Радинка, замѣтила горе отца и спрашиваетъ о причинѣ. Тотъ отвѣчаетъ:

„Море не си чула, разбрала?
Отъ цареви ферманъ дошло,
Кой има сына, да пустие,
Кой неима сына, па да пустие
Двашъ дванадесетъ хилади
И до четири стотине“.

На это дочь замѣчаетъ:

„Тате ле бре стари тейко!
За товá грижа ми бери,
Азъ ке ида тате ле на іойска,
Сосъ стриковы-те момчета
Сосъ моите братучеды“.

Во всемъ этомъ слышатся черты быта, хотя и подновленныя сообразно духу новаго времени.

Отецъ покупаетъ для дочери коня, мужское платье, ружье и саблю. Остригши свою русую косу, она идетъ на войну и остается тамъ три года. Никто не узналъ, что она дѣвушка. Вернувшись въ свою деревню, она закричала громкимъ голосомъ:

„Бре чуйте малко, големо!
Радинка е била на іойска,
Мома отидó, мо си дойдó!“

Намъ кажется, что подобныя пѣсни могли существовать еще въ болѣе простой формѣ изстари у многихъ народовъ. Изъ нихъ, путемъ литературнаго развитія, возникли всѣ прочія, основанныя на томъ же самомъ ядрѣ, но съ болѣе развитыми подробностями. Первоначальная схема такихъ пѣсенъ имѣла слѣдующій видъ:

a) У старика-отца нѣтъ сыновей;
b) Вмѣсто него идетъ на войну его единственная дочь;
c) Переодѣваніе естественнымъ путемъ вытекаетъ изъ положенія вещей.

Въ такой несложной формѣ до насъ дошло мало пѣсенъ: онѣ по большей части оказываются осложненными посторонней примѣсью. Изъ извѣстныхъ намъ простыхъ пѣсенъ, кромѣ выше приведенной, можно указать на два болгарскихъ варіанта, записанныхъ Верковичемъ (N 123, стр. 129; N 250, стр. 270). Въ нихъ дѣвушка, замѣняющая отца, носитъ имя Тодоры; но въ первомъ ходъ дѣйствія уже сильно спутанъ: въ немъ дѣвушка сражается съ Рахманомъ-булюкбашой (высокопоставленный) и, погубивши его войско, убиваетъ и его самого, говоря:

„Ты си Турчинъ друга вѣра“;

во второмъ же варіантѣ разсказъ строго выдержанъ: старикъ-отецъ, будучи на базарѣ, услышалъ призывъ къ войнѣ царскаго глашатая. Придя домой, онъ сѣлъ „на бѣлъ камень, на синь мраморъ“ и заплакалъ. По желанію своей дочери, Тодоры, онъ купилъ ей коня и оружіе, и она пошла на войну, гдѣ пробыла

„Мало млого, три године, Синь-зеленъ баракъ носила“.
Она напретъ отивала,

На четвертый годъ, возвращаясь домой, дѣвушка издали закричала, вызывая отца и всѣхъ, большихъ и малыхъ, выйти посмотрѣть на нее:

„Де се є чуло видело, Синь-зеленъ баракъ да носи,
Мома на іойска да пойде, Мома ойдо, мома дойдо,
Младо барактарче да биде, Сосъ вуйкови ми сынови“.

Это послѣдняя пѣсня, извѣстная намъ, которую мы склонны прикрѣпить къ почвѣ быта: въ ней намъ не слышится ничего страннаго, ничего непонятнаго, ничего такого, чтобы противорѣчило явленіямъ дѣйствительной жизни. Схема пѣсни такъ проста и естественна, ходъ дѣйствія до такой степени послѣдователенъ и безыскусственъ, что, повидимому, нѣтъ никакой надобности выставлять гипотезу о литературномъ заимствованіи образа.

Множество варіантовъ, построенныхъ по тойже схемѣ, но осложненныхъ привнесеніемъ со стороны нѣкоторыхъ новыхъ чертъ, мы разберемъ въ слѣдующемъ отдѣлѣ своей работы: тамъ, несомнѣнно, намъ придется имѣть дѣло съ фактомъ литературнаго международнаго общенія. Признавая его существованіе, мы сдѣлаемъ попытку прослѣдить за постепеннымъ переходомъ отъ одного народа къ другому интересующей насъ литературной схемы, основывая свои заключенія на тѣхъ измѣненіяхъ подробностей, какія внесены въ нее каждымъ народомъ, передѣлывавшимъ образецъ соотвѣтственно своему быту и своимъ общественнымъ отношеніямъ.

Теперь же укажемъ на два крайне отдаленныя отзвука того же самаго мотива, отказываясь однако на этотъ разъ отъ установленія какой бы то ни было генетической связи между ними и разобранными выше пѣснями. Мы имѣемъ въ виду во первыхъ латышскую пѣсню у Спрогиса (Памятники латышскаго народнаго творчества, стр. 273. Вильна. 1868) и во вторыхъ китайскій варіантъ въ переводѣ Станислава Жюльена изъ „Les Avadânas“.

Содержаніе латышской пѣсни слѣдующе:

„У Лемпова пять сыновей,
Ни одинъ не хочетъ идти на войну.
А дочь Апшы сѣдлаетъ коня,
Хочетъ съ радостью идти на войну.

Она сѣдлаетъ коня,
Препоясываетъ себѣ золотой мечъ.
— Прощайте, батюшка, матушка,
Прощайте, младшіе братья! . . .
Я проѣхала первое пространство,
Какъ пчелка, распѣвая;
Повстрѣчала сраженіе.
Говорю—Богъ на помочь
Главному начальнику войска.
Заговорили воины:
„Это не нашъ братъ . . .
„Миръ, миръ въ этой странѣ,
„Нѣтъ болѣе враговъ! . . .
„Поѣзжай, милая, назадъ,
„Чествуй батюшку, матушку!
„Твое достояніе—отцовская земля,
„Отцовскіе каріе кони;
„Тамъ для тебя сложатъ возжи,
„Вычистятъ коня.
„А кто будетъ складывать возжи, гладить коня
„Для солдата-воина?!“

Ближе, чѣмъ латышская пѣсня, стоитъ къ нашей схемѣ китайскій варіантъ, хотя какъ первая, такъ и второй не обладаютъ, по нашему мнѣнію, той непосредственной простотой и естественностью, какія невольно чувствуются въ болгарскихъ пѣсняхъ.

Бартелеми Сентъ-Илеръ сообщилъ въ „Journal des Savants“ (Juin 1860, стр. 335) нѣсколько восточныхъ пѣсенъ изъ сборника Станислава Жюльена „Les Avadânas“ [1]). Второй томъ этого труда составленъ изъ произведеній, переведенныхъ исключительно съ китайскаго языка. Между ними разсказъ, озаглавленный „La fille soldat“, относится къ категоріи разбираемаго нами мотива. Въ китайскомъ разсказѣ дѣвушка по имени „Moulân“ видя, что отецъ ея боленъ и не въ состояніи идти на войну, заступаетъ его мѣсто и въ теченіе двѣнадцати лѣтъ несетъ воинскую службу, при чемъ никто не узнаетъ ея пола Желая остаться ближе къ оригиналу, мы позволимъ себѣ привести цѣликомъ французскій переводъ Станислава Жюльена.

---

[1]) Les Avadânas, contes et apologues indiens inconnus jusqu' à ce jour, suivis de fables, de poésies et de nouvelles chinoises, traduits par M. Stanislas Julien. 1859, 2 vol.

Romance de Mou-lân.

„*Tsi-tsi* puis encore tsi-tsi (c'est l'onomatopée du bruit de la novette et des soupirs de la jeune fille). Mou-lân tisse devant sa porte. On n'entend pas le bruit de la navette; on entend seulement les soupirs de la jeune fille.

—„Jeune fille, à quoi songes-tu? Jeune fille, à quoi réfléchis tu?“ la jeune fille ne songe à rien; la jeune fille ne réfléchit à rien.

„Hier j'ai vu le livre d'enrôlement; l'empereur lève une armée nombreuse. Le livre d'enrôlement a douze chapitres; dans chaque chapitre, j'ai vu le nom de mon père: O mon père, vous n'avez point de grand fils! O Mou-lân, tu n'as point de frère aîné. Je veux aller au marché pour acheter une selle et un cheval; je veux de ce pas aller servir pour mon père!“

„Au marché de l'Orient, elle achète un cheval rapide; au marché de l'Occident, elle achète une selle et une housse; au Marché du Midi, elle achète un long fouet.

„Le matin, elle dit adieu à son père et à sa mère; le soir elle passe la nuit sur le bord du fleuve Jaune. Elle n'entend plus le père et la mère qui appellent leur fille; elle entend seulement le sourd murmure des eaux. Le matin, elle part et dit adieu au fleuve Jaune. Le soir, elle arrive à la source de la rivière Noire. Elle n'entende plus le père et la mère qui appellent leur fille; elle entend seulement les sauvages cavaliers de Ven-chan.

—„J'ai parcouru dix mille milles en combattant; j'ai franchi avec la vitesse de l'oiseau les montagnes et les défilés. Le vent du nord apportait à mon oreille les sons de la clochette nocturne (должно быть намекъ на какую либо подробность изъ военной службы: можетъ быть, смѣняли стражу по колокольчику); la lune répandait sur mes vêtements de fer sa froide et morne clarté“.

„Le général meurt après cent combats. Le brave guerrier revient après dix ans d'absence. A son retour il va voir l'empereur. L'empereur est assis sur son trône; tantôt il accorde une des douze dignités; tantôt il distribue cent onces ou mille onces d' argent.

—„L'empereur me demande ce que je désire:—Mou-lân ne veut ni charge, ni argent. Prêtez-lui un des ces

chameaux qui font mille milles en un jour, pour qu'il ramène un enfant sous le toit paternel".

„Dès que le père et la mère ont appris le retour de leur fille, ils sortent de la ville et vont au-devant d'elle. Dès que les soeurs cadettes ont appris le retour de leur soeur aînée, elles quittent leur chambre parées des plus riches atours. Dès que le jeune frère apprend le retour de sa soeur, il court aiguiser un couteau pour tuer un mouton.

— „Ma mère m'ouvre le pavillon de l'Orient, et me fait reposer sur un siège tourné à l'Occident. Elle m'ôte mon costume guerrier et me revêtit de mes anciens habits. Mes soeurs arrêtées devant la porte ajustent leur brillante coiffure et enlacent des fleurs d'or dans leurs cheveux".

„Mou-lân sort de sa chambre et va voir ses compagnons d'armes; ses compagnons d'armes sont frappés de stupeur. Pendant douze ans elle a marché dans leurs rangs, et ils ne sont point aperçus que Mou-lân fût une fille.

On reconnaît le lièvre qui trébuche en courant; on reconnaît sa compagne à ses yeux effarés; mais, quand ils trottent côte à côte, qui pourrait distinguer leur sexe (M. Stanislas Julien, Les Avâdânas, t. II, p. 151 et suiv.).

Сентъ-Илеръ находитъ, что лишь послѣдняя часть разсказа поражаетъ чѣмъ-то страннымъ и не гармонируетъ съ цѣлымъ, оставаясь болѣе или менѣе ненужнымъ придаткомъ; все же произведеніе полно естественности и изящной простоты и композиція его отличается въ одно и тоже время характеромъ сельской и воинственной поэіи. Оно съ успѣхомъ можетъ соперничать съ лучшими произведеніями Запада, относящимися къ тому же отдѣлу литературы. Разсказъ въ немъ мѣтокъ и кратокъ, картины, описываемыя имъ, правдивы и живо очерчены. Интересъ этого произведенія, по словамъ Сентъ-Илера, былъ бы еще выше, если бы оправдалось предположеніе, что оно составлено самой Муланъ въ половинѣ VI-го вѣка нашей эры.

Къ сожалѣнію, мы не знаемъ, на чемъ основано подобное предположеніе? Мы не знаемъ также и того, въ какихъ сношеніяхъ была восточная литература съ западной въ первые вѣка нашего счисленія. При всемъ томъ врядъ-ли можно въ настоящее время думать, будто весь литературный матеріалъ, образцы котораго можно открыть на востокѣ, шелъ на западъ именно откуда. По всей вѣроятности, должно было существовать и противоположное теченіе, съ

запада на востокъ, какъ это и наблюдается по отношенію вліянія греческой драмы на индійскую [1]).

Не имѣя возможности войти въ ближайшее разсмотрѣніе этого вопроса, мы ограничимся лишь слѣдующимъ замѣчаніемъ: намъ кажется, что бытовыя условія востока не вполнѣ благопріятствовали возникновенію произведеній въ родѣ „Mou-lân“. По крайней мѣрѣ въ индійскихъ литературныхъ памятникахъ женщина не достигаетъ такой высоты положенія, чтобы равняться мущинѣ и заступать его мѣсто, не вызывая протеста.

Какъ въ приведенной выше латышской пѣснѣ одно появленіе вооруженной дѣвушки вызываетъ громкій протестъ воиновъ, указывающихъ, что война не женское дѣло, такъ и въ Магабгаратѣ старикъ Бишма отказывается сражаться съ своимъ соперникомъ, Сикгандиномъ, такъ какъ этотъ послѣдній былъ собственно женщина.

У Гольцмана (Indische Sagen I, p. 49) мы читаемъ такое мѣсто: „Der Panduide Sikhandin im Mahabharata ist eigentlich ein Weib, das mit einem Diener des Schatzegottes Kuvera Gestalt und Geschlecht getauscht hat; so oft er daher im Kampfe dem schrecklichen unnahbaren Greis Bhischma begegnet, senkt dieser lächelnd seine Waffe und wendet sich ab, *weil er mit keinem Weib kämpfen will*“.

Подобное пренебрежительное отношеніе къ женщинѣ вполнѣ въ духѣ далекой Азіи. Поэтому и произведеніе „Mou-lân“, столь близкое къ разбираемому нами мотиву и столь важное для нашей работы, возбуждаетъ въ насъ лишь недоумѣніе, разрѣшить котораго мы не въ состояніи.

Мотивъ, — что *дѣвушка вмѣсто отца или брата идетъ на войну*, — разобранъ нами не вполнѣ, такъ какъ онъ почти всегда является осложненнымъ другимъ мотивомъ, именно — *испытаніе пола дѣвушки*. Разбирая произведенія съ послѣднимъ, мы, по необходимости, будемъ говорить и о первомъ и во избѣжаніе повтореній въ слѣдующемъ отдѣлѣ своей работы мы, прямо перейдя къ анализу мотива *„объ испытаніи пола дѣвушки воина“*, дополнимъ еще то, что слѣдовало бы сказать въ настоящей главѣ.

---

[1]) Windisch, Der griechische Einfluss im indischen Drama въ Verhandlungen des dritten Congresses der Orientalisten zu Berlin. 1882.

V.

Источники испытанія пола и половой метаморфозы.

Выше разсмотрѣнныя пѣсни дають намъ право предполагать, что въ составѣ поэзіи славянскихъ племенъ существовали произведенія, законченныя въ себѣ и посвященныя исключительно воспѣванію того или другаго подвига дѣвушки или женщины. Въ одномъ случаѣ дѣвушка играетъ роль гайдука,— она мужественно сражается въ рядахъ своихъ юнаковъ; въ другомъ — она освобождаетъ изъ неволи брата, или же, будучи женой, мужа при посредствѣ хитрости, соединенной съ воинской доблестью; наконецъ, она добровольно идетъ на войну, замѣняя отца или брата, долго несетъ свою обязанность и возвращается счастливо домой.

Послѣдняго рода пѣсенныя или сказочныя произведенія обыкновенно осложнены новымъ элементомъ разсказа, какъ намъ кажется, привнесеннымъ къ чисто народной схемѣ, нами выше представленной, откуда-то извнѣ, изъ другой области литературныхъ произведеній. Подъ этимъ новымъ элементомъ, вплетеннымъ въ готовую уже формулу, благодаря случайно сложившимся условіямъ разсказа, мы разумѣемъ *мотивъ испытанія пола дѣвушки-воина.*

Благодаря своей занимательности, мотивъ этотъ пріобрѣлъ себѣ значительную популярность въ европейской литературѣ и, можно сказать, сдѣлался любимымъ пріемомъ, къ которому охотно прибѣгали разсказщики разныхъ повѣстей, сказокъ и пѣсенъ, хотя бы отдаленнымъ образомъ дававшихъ возможность связать общую нить повѣствованія съ этимъ новымъ элементомъ. Съ особенною страстью разсказъ объ испытаніи пола переодѣтой дѣвушки при-

мѣнялся къ пѣснямъ, выше нами разобраннымъ, въ которыхъ дѣйствующимъ лицомъ выводилась дѣвушка-воинъ. Разъ самостоятельное существованіе такихъ пѣсенъ твердо обосновано, не остается никакого сомнѣнія, что осложненіе фабулы произошло путемъ механическаго сцѣпленія двухъ разныхъ произведеній. Первоначальный источникъ первой половины осложненной фабулы — пѣсенъ о дѣвушкѣ-воинѣ—для насъ ясенъ: онъ открывается въ бытовой исторіи южнаго славянства; но каково происхожденіе второй половины ея, именно — мотива объ испытаніи пола дѣвушки-воина,—для насъ не совсѣмъ ясно.

Въ одной изъ своихъ работъ [1]) профессоръ А. Н. Веселовскій, какъ бы мимоходомъ, ставитъ вопросъ: „не сохранилась ли въ Критскомъ обрядѣ 'Εκδύσια память объ испытаніи половъ?" Намъ кажется, что вопросъ слѣдовало бы поставить нѣсколько иначе: нельзя-ли въ этомъ обычаѣ видѣть прототипъ или первоисточникъ, изъ котораго съ теченіемъ времени путемъ литературной разработки могъ возникнуть цѣлый мотивъ объ испытаніи пола дѣвушки-воина?

Разсказъ объ этомъ обычаѣ сохранился у Антонина Либерала [2]), вольноотпущенника Марка Аврелія Антонина (161—180 по Р. Х.), и заимствованъ имъ отъ Никандра „de libro Mutatorum altero". Содержаніе его слѣдующее: „Галатеа, дочь Эвритія Спартона, вышла замужъ въ Фестѣ за Лампра, сына Пандіона, человѣка не низкаго происхожденія, но бѣднаго. Во время беременности своей жены, выпрашивая у боговъ себѣ мужское потомство, онъ заявилъ ей, чтобы она не воспитывала имѣющаго родиться ребенка, если таковой окажется дѣвочкой. Вслѣдъ затѣмъ онъ отправился пасти овецъ. Галатеа родила дочь и, съ одной стороны сожалѣя о ребенкѣ, а съ другой имѣя въ виду одиночество своей семейной жизни, побуждаемая къ тому же сновидѣніями и гадателями, приказывавшими ей воспитывать новорожденную въ качествѣ сына, обманула Лампра, заявивъ ему, что родился мальчикъ. Назвавъ дѣвочку Левкиппомъ, она воспитывала ее, какъ будто бы это былъ мальчикъ. Когда дѣвочка начала развиваться и сдѣлалась необычайно красивой, Галатеа, боясь мужа, такъ какъ далѣе невозможно было скрывать тайны, обратилась въ святилище Латоны, усердно прося богиню, нельзя ли дочь ея превратить въ мущину, подобно тому,

[1]) Croissans-crescens и средневѣковыя легенды о половой метаморфозѣ. Сборникъ Отд. русск. яз. и слов. т. XXII, 1881.

[2]) Antonini Liberalis, Transformationum Congeries. Basileae per Thomam Guarinum. 1568, стр. 32, § XVII: Leucippus.

какъ это нѣкогда случилось съ Кенидой, дочерью Атрація, превращенной, по волѣ Нептуна, въ Кенея Лапита, или подобно Тирезію, изъ мущины сдѣлавшемуся женщиной за то, что на перекресткѣ трехъ дорогъ онъ убилъ змѣй, сошедшихся для любви?“

Опуская другіе примѣры такого страннаго перерожденія, пользовавшіеся довѣріемъ въ классической древности, перейдемъ къ концу разсказа Антонина Либерала.

„Латона“, говоритъ преданіе, „тронутая постоянными плачами и просьбами Галатеи, превратила дѣвушку въ юношу. Жители Феста еще помнятъ объ этомъ событіи и совершаютъ въ память его жертвоприношеніе Латонѣ Фитійской, называя самое празднество *Экдисіей* (Ecdysia), т. е. раздѣваніемъ, потому что дѣвушка сняла съ себя пеплъ (peplum — широкое женское одѣяніе). Существуетъ также обычай требующій, чтобы при бракосочетаніи молодые сперва возлежали при статуѣ Левкиппа“.

Конецъ разсказа стоитъ въ противорѣчіи съ его началомъ: дочь Галатеи, воспитанная подъ видомъ мальчика, очевидно, не должна была носить пепла (peplum), а потому ей не было надобности сбрасывать его при своемъ уже дѣйствительномъ превращеніи въ мущину. Несомнѣнно, мы имѣемъ въ разсказѣ Антонина Либерала лишь пріуроченіе извѣстнаго въ древности преданія о половой метаморфозѣ къ какому то брачному обычаю, именуемому *'Εκδύσια*, и, быть можетъ, являющемуся темнымъ отголоскомъ той роли, какую играло божество или жрецъ въ брачномъ обиходѣ [1]). Видѣть же въ этомъ обычаѣ первоисточникъ или даже какую либо связь его съ начальными формами того сказанія, изъ котораго впослѣдствіи возникъ пріемъ испытанія пола переодѣтой воиномъ дѣвушки, по нашему мнѣнію, нѣтъ никакого основанія. По всей вѣроятности, лишь случайно эпизодъ о „*перемѣнѣ пола*“ попалъ въ нѣкоторыя средневѣковыя поэмы, приближающіяся своимъ содержаніемъ къ такого рода произведеніямъ, которыя, дѣйствительно, до извѣстной степени могли бы служить образцами для разбираемаго нами литературнаго сюжета.

Если развитіе легенды о половой метаморфозѣ понятно для насъ въ классической древности, если широкое распространеніе ея

---

[1]) „In celebratione nuptiarum super Priapi scapum nova nupta sedere jubebatur“. August. de Civit. Dei VII, 24. „Colitur et Tutinus, in cujus sinu pudendo nubentes praesident, ut illarum pudicitiam prior deus delibare videatur“. Lact. I, 20, 38. Срав. Preller, Römisch. Myth. 2 Aufl. p. 396—7; 586 пр. 2. О связи этого явленія съ обычаями русскаго народа: А. Н. Веселовскій въ рецензіи — Матеріалы и изслѣдованія, собр. Чубинскимъ, 7 т., 1872—74.

въ сказаніяхъ востока (Benfey, Pantschatantra I, § 9) вполнѣ соотвѣтствуетъ господствовавшимъ тамъ воззрѣніямъ, то примѣненіе такого пріема для выхода изъ затруднительнаго положенія въ литературномъ произведеніи средневѣковой Европы намъ кажется случайнымъ, такъ какъ къ нему могъ прибѣгнуть лишь убѣжденный церковникъ, допускающій вмѣшательство высшаго существа въ судьбу людей и при томъ на манеръ языческій. Такому автору казалось слишкомъ прозаичнымъ распутать интригу путемъ естественнымъ, какимъ пользуется народная поэзія и вотъ онъ прибѣгаетъ къ посредству ангела, являющагося въ нѣкоторыхъ средневѣковыхъ поэмахъ.

Ближайшимъ источникомъ къ средневѣковымъ поэмамъ, въ которыхъ переодѣтая дѣвушка является въ роли молодаго супруга и затѣмъ подвергается половой метаморфозѣ, по всей вѣроятности, послужилъ разсказъ Овидія [1]), передающій въ художественной обработкѣ то же самое преданіе, о которомъ разсказываетъ и Антонинъ Либералъ. Мѣстомъ дѣйствія какъ въ одной, такъ и въ другой передачѣ оказывается Критъ, но обработка Овидія полнѣе и одной своей чертой, несомнѣнно, отразилась въ средневѣковыхъ произведеніяхъ, какъ „Novella della figlia del re di Dacia", „Historia della Reina d'Oriente" и эпизодъ, вставленный въ „Huon de Bordeaux". Какъ въ этихъ средневѣковыхъ романахъ, такъ въ разсказѣ Овидія переодѣтая мущиной дѣвушка обручена съ другой и въ критическій моментъ вмѣшательствомъ высшихъ существъ на самомъ дѣлѣ превращается въ мущину. Конечно, сюжетъ этотъ заимствованъ Овидіемъ [2]) отъ греческихъ романистовъ, но его обработка у римскаго писателя такъ близка къ подобнаго рода произведеніямъ средневѣковой Европы, что не остается никакого сомнѣнія въ существованіи прямой зависимости послѣднихъ отъ первой, служившей для нихъ образцомъ. Дѣйствіе въ разсказѣ Овидія развивается въ слѣдующемъ порядкѣ:

Телеѳуза, жена критянина Лигда, была уже въ послѣднихъ мѣсяцахъ беременности, когда мужъ ея объявилъ ей свое непреклонное желаніе имѣть сына, а не дочь. Его средства не позволяютъ ему воспитывать дѣвочку и если таковая родится, то онъ принужденъ будетъ умертвить ее. Слезы жены не подѣйствовали на мужа, но зато ея молитвы были услышаны богиней Изидой. Она явилась бѣдной матери во снѣ и совѣтовала воспитывать, дѣйстви-

---

[1]) Ovidii Nasonis, Metamorphoseon lib. IX, ст. 666—797.

[2]) Erwin Rohde, Der griechische Roman und seine Vorläufer. Leipzig 1876 (XII+552. 8°), стр. 124. Рецензія этого замѣчательнаго сочиненія: Litt. Centralblatt 1877, стр. 81—83.

тельно, родившуюся дѣвочку подъ видомъ мальчика. Тайну знала лишь одна кормилица. Родившагося ребенка назвала по имени дѣда Iphis и воспитывали, какъ мальчика:

„Cultus erat pueri; facies, quam sive puellae 712
Sive dares puero, fieret formosus uterque“.

На тринадцатомъ году мнимому мальчику выбрали невѣсту, Янөу и воспитывали ихъ обоихъ у тѣхъ же учителей:

„Par aetas, par forma fuit; primasque magistris 718
Accepere artes, elementa aetatis, ab îsdem.
Hinc amor ambarum tetigit rude pectus, et aequum
Vulnus utrique tulit; sed erat fiducia dispar.
Conjugii pactaeque exspectat tempora taedae,
Quemque virum putat esse, suum fore credit, Jănthe.
Iphis amat, quâ posse frui desperat, et auget
Hoc ipsum flammas, ardetque in virgine virgo“. 725

Прошли года, дѣти возмужали, и приблизилось уже время свадьбы:

. . . . . „Venit ecce! optabile tempus;
Luxque jugalis adest, et jam mea fiet Jănthe; 760
Nec mihi continget; mediis sitiemus in undis.
Pronuba quid Juno, quid ad haec, Hymeneae, venitis
Sacra, quibus qui ducat abest, ubi nubimus ambae?“

Всѣми мѣрами мать Иөиды, Телеөуза, старается отсрочить день свадьбы, боясь предстоящаго обнаруженія долго скрываемой тайны:

. . . . . „Sed jam consumpserat omnem
Materiam ficti; dilataque tempora taedae
Institerant, unusque dies restabat. At illa 770
Crinalem capiti vittam nataeque sibique
Detrahit: et passis aram complexa capillis,“

начала снова умолять богиню Изиду сжалиться надъ нею и надъ ея дочерью, которую она по совѣту богини же воспитывала подъ видомъ мальчика. И бѣдной матери показалось — оно было такъ на самомъ дѣлѣ —, будто богиня поколебала свой алтарь, такъ что храмъ и двери задрожали. Она сочла это добрымъ признакомъ и

„Non secura quidem, fausto tamen omine laeta 785
Mater ibit templo. Sequitur comes Iphis euntem,
Quam solita est, majore gradu; nec candor in ore
Permanet; et vires augentur, et acrior ipse est
Vultus, et incomptis brevior mensura capillis;
Plusque vigoris adest, habuit quam femina. *Jam quae* 790
Femina nuper eras, puer es“.

Благодарные за такое дивное превращеніе мать и теперь уже на-

стоящій сынъ приносятъ въ храмъ дары и для памяти совершаютъ слѣдующую надпись:

„*Dona puer solvit, quae femina voverat, Iphis*“.

Приведенный изъ Овидія разсказъ встрѣчается еще, какъ мы видѣли выше, лишь у Антонина Либерала, связывающаго его съ Критскимъ празднествомъ „*'Ἐκδυσια*“, что собственно значитъ „*раздѣваніе*“. Миѳологическое объясненіе послѣдняго, принятое Сухіеромъ [1]) по Дункеру [2]), кажется намъ не вполнѣ соотвѣтствующимъ дѣйствительности. Самыя толкованія этого послѣдняго ученаго, нося въ себѣ зародыши противорѣчія, если смотрѣть на нихъ съ миѳологической точки зрѣнія, лучше прикладываются къ тѣмъ же самымъ историческимъ фактамъ, если наблюдать ихъ въ связи съ нѣкоторыми другими явленіями бытовой и религіозной жизни восточныхъ народовъ [3]). Имѣя въ виду возвратиться еще къ этому вопросу нѣсколько ниже, мы ограничимся на этотъ разъ общимъ замѣчаніемъ, что праздникъ *экдисіи*, по всей вѣроятности, связанъ съ обрядами свадебными, воспоминаніе о чемъ сохранилось еще въ редакціи самого разсказа, какъ его сообщаетъ Антонинъ Либералъ.

Къ произведеніямъ, стоящимъ въ зависимости отъ разсказа Овидія, принадлежитъ между прочимъ средневѣковый французскій романъ „Huon de Bordeaux“, [4]) въ содержаніе котораго вставленъ слѣдующій эпизодъ (Manuscrit di Torino, f. 394 v.). Ида (Ydes), избѣгая любви своего отца Флурана (Flourent), уходитъ въ Римъ, переодѣтая мущиной, поступаетъ на службу къ Императору Октавіану (Othevien; Otes), который посвящаетъ ее рыцаремъ и даже поручаетъ ей орифламму. Спустя нѣкоторое время, императоръ выдаетъ за нее свою дочь, Оливу, которая, узнавъ тайну своего молодаго супруга, также рѣшается навсегда оставаться дѣвственницей. Провѣдавъ объ этомъ, императоръ рѣшается сдѣлать испытаніе: онъ приказываетъ *приготовить себѣ ванну*, самъ входитъ въ нее и требуетъ, чтобы Ида сдѣлала тоже самое. Однако

---

[1]) Ovid's Metamorphoseon übersetzt u. erläutert v. Reinhart Suchier Stuttgart. Hoffmann'sche Verlags-Buchhandlung. 1868 (62), стр. I, 118³. II, 142³.

[2]) Max Duncker, Geschichte des Alterthums. I, стр. 339⁵. Leipzig 1878.

[3]) Jules Soury, La Bible d'après les nouvelles découvertes archéologiques: Revue des Deux Mondes 1874.

[4]) Huon de Bordeaux. Chanson de geste, éd. Guessard et Grandmaison, p. LII. Paris 1860. CXXV+329. Подробное изслѣдованіе этого романа у Léon Gautier, Les Épopées françaises, 2 édit. p. 732 и сл. Paris 1880, III.

она не соглашается, императоръ настаиваетъ на своемъ и, видя ея упорство, отдаетъ распоряженіе сжечь ее. Вотъ въ этотъ то моментъ является ангелъ и превращаетъ Иду въ мущину.

Точно такого же содержанія и итальянская поэма о прекрасной Камиллѣ [1]). Источникъ ея, по мнѣнію г. Веселовскаго, по всей вѣроятности, французскій. Подобный сюжетъ встрѣчается въ одномъ французскомъ мираклѣ, который будетъ изданъ Гастономъ Парисомъ (G. Paris) и Рэйно (Raynaud). Сущность разсказа, по краткой передачѣ г. Веселовскаго (Croissans-crescens 4—6), слѣдующая: „Вассалы заставляютъ короля жениться на своей дочери. Дочь его, Изабель (Ysabel), убѣгаетъ въ Грецію и поступаетъ на службу къ императору, дѣлается затѣмъ маршаломъ его войска и отбиваетъ нападенія турецкаго царя, соединившагося съ королями: „de Hongrie, de Tartares, de Cerces et de Arabes". Далѣе императоръ выдаетъ за нее свою дочь и потомъ слѣдуетъ *испытаніе купаньемъ*. Купанье поставлено здѣсь въ ряду другихъ испытаній, назначенныхъ раскрыть полъ переодѣтой дѣвушки, какъ въ сказаніи *Славянской палеи* о Соломонѣ [2]) (мытье рукъ, подбираніе овощей) и въ народныхъ пѣсняхъ о *дѣвушкѣ-воинѣ*.

Такимъ образомъ въ приведенныхъ средневѣковыхъ поэмахъ испытаніе пола встрѣчается наряду съ перемѣной пола. Тѣсная связь этихъ произведеній съ народными пѣснями и сказками, развивающими тотъ же сюжетъ, даетъ намъ право думать, что примѣненіе въ литературныхъ средневѣковыхъ произведеніяхъ, захватывающихъ народную традицію объ испытаніи пола, пріема, именуемаго deus ex machina, состоящаго въ данномъ случаѣ въ сверхъестественномъ перерожденіи, подсказано классическими образцами, выше нами приведенными. Кажется, мы не далеко будемъ отъ ис-

---

[1]) Содержаніе ея изложено А. Н. Веселовскимъ въ изслѣдованіи, предпосланномъ тексту изданной имъ другой средневѣковой поэмы: „Novella della figlia del re di Dacia". Pisa 1866, p. LXV, а также въ „Croissans-crescens и средневѣковыя легенды о половой метаморфозѣ". Сбор. отд. рус. яз. и слов. т. XXII. 1881. Кромѣ того въ извѣстной „Historia della bella reina d'Oriente". Poema romanzesco di Antonio Pucci Fiorentino, Poeta del secolo di Dante, издан. въ „Delizie delli Eruditi Bibliofili italiani. Bologna 1867, переработанъ тотъ же разсказъ, при чемъ ангелъ превращаетъ дѣвушку въ мущину (стр. 43). Разбору послѣдней поэмы посвящена отдѣльная статья А. Н. Веселовскаго: „Le tradizioni popolari nei poemi di Antonio Pucci" (225—229) въ Ateneo Italiano 1866, 15 Aprile. Firenze.

[2]) Ср. Веселовскаго, Славянскія сказанія о Соломонѣ и Китоврасѣ, стр. 348.

тины, отвергнувъ всякую органическую связь между этими двумя пріемами: изъ одного не могъ развиться другой, могло лишь имѣть мѣсто произвольное смѣшеніе ихъ обоихъ или же замѣна одного другимъ въ рукахъ автора, знакомаго съ классическими традиціями.

Въ народныхъ произведеніяхъ пріемъ половой метаморфозы не пользовался особой распространенностью. Намъ извѣстно лишь нѣсколько примѣровъ перемѣны пола въ германскихъ сказаніяхъ [1]) и всего одинъ въ греческой сказкѣ „*Von dem Manne, der in eine Frau und wieder in einen Mann verwandelt wird*", являющейся отраженіемъ извѣстнаго классическаго преданія о Тирезіи [2]).

Содержаніе сказки слѣдующее. Одинъ бѣднякъ умѣлъ такъ чудно играть на цитрѣ, что каждому, слушавшему его игру, приходило непреодолимое желаніе пуститься въ плясъ. Однажды Нереида плясала подъ его музыку и наградила его за то пригоршней золота, прося на утро придти снова въ назначенное мѣсто. Но музыкантъ не исполнилъ этой просьбы и проклятіемъ другой Нереиды былъ превращенъ въ женщину.

Тогда разбилъ онъ свою цитру, взялъ ружье, пистолеты и ятаганъ и ушелъ въ чужія страны.

Тутъ онъ освобождаетъ принцессу, выставленную на пожраніе дракона, за что получаетъ лошадь-молнію. При помощи ея онъ перескакиваетъ черезъ ровъ и за этотъ подвигъ добываетъ себѣ въ жены дочь короля и женится на ней. Но королевна не довольна своимъ супругомъ, и вотъ отецъ ея даетъ своему зятю трудныя порученія, которыя успѣшно имъ исполняются. Такъ онъ завоевываетъ непобѣдимое царство, убиваетъ морское чудовище, отнимаетъ, наконецъ, яблоко у какого-то Арапа, за что этотъ послѣдній проклинаетъ своего побѣдителя: если ты мущина, то превратись въ женщину, и если ты женщина, то сдѣлайся мущиной. Такимъ образомъ бѣдный музыкантъ получилъ свой первоначальный видъ.

Это единственная извѣстная намъ сказка въ европейской литературѣ съ эпизодомъ половой метаморфозы. Естественнѣе всего предположить, что она непосредственно связывается съ классическими преданіями о Тирезіи, которыя въ свою очередь примыкаютъ къ индійскимъ вѣрованіямъ, основаннымъ, по мнѣнію Бенфея (Pantschatantra § 9, стр. 49), на религіозныхъ представленіяхъ о

[1]) Hertz, Der Werwolf, стр. 25, пр. 4 (1862).

[2]) v. Hahn, Griechische und Albanesische Märchen. 1864. I, стр. 307. Варіантъ ея у Aug. Dozon „Contes albanais". Paris 1881, N 14, стр. 109. Албанскій подлинникъ у Dozon, Manuel de la langue chkipe ou albanaise. Paris 1878, N XXI, стр. 71.

двуполыхъ божествахъ, какъ это особенно рельефно проявляется въ сказанiи объ Идѣ, дочери Ману. Она нѣсколько разъ мѣняла полъ, и, наконецъ, мѣсяцъ была женщиной и мѣсяцъ мущиной.

Въ средневѣковой письменности французской и итальянской эта восточная черта сказалась въ произведенiяхъ выше указанныхъ; но въ массѣ народа она не нашла сочувствiя, благодаря своей неестественности.

Въ истинно народныхъ произведенiяхъ дѣйствiе развивается простымъ и естественнымъ путемъ, воплощая въ себѣ настоящiя черты быта и господствующiя понятiя даннаго народа.

Основываясь на такихъ соображенiяхъ, мы склонны думать, что мотивъ испытанiя пола переодѣтой дѣвушки-воина развился совершенно самостоятельно, безъ всякой зависимости отъ классическаго представленiя о половой метаморфозѣ, въ тотъ моментъ однако, когда народное произведенiе о дѣвушкѣ, облекшейся въ воинскiе доспѣхи, сдѣлалось предметомъ литературной обработки.

Такимъ образомъ, народныя пѣсни съ осложненнымъ прiемомъ испытанiя пола кажутся намъ возникшими уже путемъ литературнаго развитiя и если онѣ получили затѣмъ широкое распространенiе въ народѣ, то этимъ обязаны своей чисто народной основѣ.

Схема такихъ пѣсенъ принимаетъ слѣдующiй видъ:

a) У старика-отца нѣтъ сыновей;
b) На войну идетъ его дочь;
c) Мотивъ переодѣванiя воиномъ вытекаетъ неизбѣжно изъ обстановки дѣйствiя;
d) Полъ дѣвушки-воина подвергается испытанiю.

Первые три элемента данной схемы мы уже видѣли въ пѣсняхъ болгарскихъ и сербскихъ и признали ихъ возникшими на почвѣ быта этихъ народовъ. Что касается послѣдняго изъ нихъ, то мы не питаемъ такой увѣренности къ его народному происхожденiю и полагаемъ, что скорѣе всего первоначальная идея его возникла въ какой либо литературной обработкѣ народнаго сюжета о дѣвушкѣ-воинѣ: для безыскусственной поэзiи мотивъ этотъ слишкомъ сложенъ и при томъ не вытекаетъ необходимымъ образомъ изъ положенiя вещей. Невольно чувствуется, что онъ какъ бы механически привязанъ къ цѣльной народной пѣснѣ, законченной въ самой себѣ и не предполагающей дальнѣйшаго развитiя дѣйствiя. Подобныя пѣсни, какъ мы видѣли уже и какъ еще увидимъ, встрѣчаются и понынѣ въ составѣ народной поэзiи.

Наряду съ первоначальной такой пѣсней нашла еще большее сочувствiе въ народной массѣ осложненная ея фабула, обработанная то въ видѣ баллады, то въ формѣ сказки, то въ характерѣ былины.

Гдѣ произошло первоначально подобное осложненiе основы

разсказа, рѣшить довольно трудно. Однако попытаемся отвѣтить по мѣрѣ нашихъ силъ на этотъ вопросъ, интересный для исторіи странствующихъ мотивовъ.

VI.

Славянскія пѣсни.

Изъ пѣсенъ съ осложненнымъ уже развитіемъ фабулы мы рѣшаемся поставить первой во главѣ всего, занимающаго насъ ряда литературно-народныхъ произведеній, сербскую пѣсню. Она, какъ кажется, соединяетъ въ себѣ элементы *восточно-славянскій* и *западно-романскій;* она болѣе совершеннымъ образомъ связала два основныхъ мотива нашего разсказа: *дѣвушка, замѣняя отца, идетъ на войну, — полъ ея подвергается испытанію;* наконецъ, она же, повидимому, послужила первотипомъ, отъ котораго пошли вѣтви на востокъ и на западъ.

а) Варіанты сербскіе.

Мы имѣемъ въ виду превосходную пѣсню, записанную Вукомъ (III, N 40, стр. 293). Она же сообщена и Томмазео (Canti Greci, Venezia 1842, p. 79) въ итальянскомъ переводѣ. Начало ея таково: [1])

„Вала Богу, вала јединоме!
Книгу пише царе од Стамбола,—
Те је шаље старцу Ђеивану:"

Царь требуетъ старика Јована въ войско на цѣлыхъ девять лѣтъ, или самого лично, или же кого либо вмѣсто него. Прочитавъ письмо, старикъ горько плачетъ, и слезы падаютъ на его сѣдую бороду: у него нѣтъ мужескаго потомства, — *„јер не има од серца порода"* — лишь есть у него единственная дочь, Златія (у Томм. Дора). Узнавъ о причинѣ горя отца, она вызывается идти вмѣсто него въ царское войско, получаетъ отцовское вооруженіе и коня и ѣдетъ къ мѣсту назначенія. Царь дѣлаетъ ее везиремъ. Проходятъ девять лѣтъ, никто не узнаетъ въ ней дѣвушки. Лишь молодой Омеръ догадывается и пишетъ своему отцу, что царскій везирь, должно быть, дѣвушка,

---

[1]) У Томмазео: Lodè a Dio, lode all'Uno,
Lettera scrive il sir di Stamboli,
Ela manda al vecchio Giovanni:" и т. д.

„Јер је танка стаса и узраста,
А бијела и румена лица".

Отецъ совѣтуетъ сыну прибѣгнуть къ испытаніямъ:

a) *метать булаву* (мала);
b) *бросать камни;*
c) *зазвать въ зеленый садъ* и *пригласить валяться по зеленой травѣ:* подъ дѣвушкой трава будетъ смята;
d) *купаться въ рѣкѣ.*

Въ пѣснѣ это мѣсто передается въ слѣдующемъ видѣ:

„Ако буде лијепа ђевојка,
Нити може (бросить) *мала ни камена;* 1) и 2) исп.
Ако ј' тако познат' не могбудеш,
Ти је зови у зелену башчу,
Те *с' ваљајте по зеленој трави;* 3) исп.
Ако буде лијепа ђевојка,
За ном ће се повијати трава;
Ако ј' тако познат' не могбудеш,
Ти је *зови у бању на воду*". 4) исп.

Всѣ эти попытки Омера, узнать полъ переодѣтой дѣвушки, оказываются безуспѣшными: она ловко бросаетъ булаву и камни; валяясь по травѣ, она незамѣтно приподнимаетъ ее за собой; когда, наконецъ, пошли купаться, внезапно является вѣстникъ, объявляя, что бѣлые дома везиря разграблены, старикъ отецъ погибъ, мать замучена, добро унесено, кони и соколы похищены. Златія, начавшая уже раздѣваться, быстро привела въ порядокъ свое одѣяніе, вскочила на коня и бросилась съ нимъ въ рѣку. Затѣмъ, обернувшись къ Омеру, воскликнула:

„Расте ли ти у пољу пшеница,
Као моја коса под колпаком?
Расту ли ти у башчи јабуке,
Као моје у њедрима дојке?"

Съ этими словами она скрылась вдали и возвратилась къ своему отцу, старику Јовану.

Разобранная пѣсня кажется намъ самымъ полнымъ развитіемъ даннаго типа. Въ ней умолчано лишь о хитрости, къ какой прибѣгаетъ дѣвушка по другимъ варіантамъ въ виду предстоящаго ей купанья: она сама заранѣе подговариваетъ и научаетъ вѣстника явиться въ самый критическій моментъ и такимъ образомъ вывести ее изъ затрудненія.

Но и этотъ незначительный пропускъ восполняется въ другомъ сербскомъ изводѣ, именно боснійскомъ, несомнѣнно потому, что этотъ послѣдній довольно рано попалъ въ рукопись.

Очень близкой къ сербской пѣснѣ, записанной Вукомъ, оказывается боснійская пѣсня, заимствованная Богишичемъ [1]) изъ Дубровницкой рукописи, писанной въ третьей четверти XVIII вѣка (1758 г.). По мнѣнію издателя, нѣкоторыя пѣсни рукописи записаны собирателями изъ устъ народа гораздо раньше. Такимъ образомъ существованіе нашей поэмы въ предѣлахъ сербскаго племени по меньшей мѣрѣ можно прослѣдить за сто двадцать пять лѣтъ тому назадъ.

Вотъ вкратцѣ содержаніе пѣсни:

„Често книге к Босну приходаху,
Од Стамбула града бијелога,
Ка Новому, старцу Диздар-аги:“

Въ одномъ изъ такихъ писемъ старика потребовали въ войско, между тѣмъ какъ онъ до того уже ослабъ, что не въ состояніи пойти даже въ церковь (к џамији) „Великом се Богу помолити“. Старикъ плачетъ. Дочь его, Пеимана, выручаетъ его. Переодѣвшись воиномъ, она въ сопровожденіи раба, Дилавера, отправляется въ войско и благополучно служитъ девять лѣтъ. На десятый годъ царевичъ Мујо подозрѣваетъ въ ней дѣвушку и вотъ отецъ его совѣтуетъ ему сдѣлать испытанія:

„Ну је води на росне ливаде,
Мећите се камена с рамена, 1-е) испытаніе.
Ако буде она женска глава,
Вјера моја добацит' га не ће“.

Оказалось, что дѣвушка дальше всѣхъ бросила камень. Отецъ вторично совѣтуетъ сыну:

„*Поведи је на чахшије доње*,
Ако буде млада женска глава, 2-е) исп.
Гледаће ти везе по махрамам“.

Однако дѣвушка и тутъ не поддалась въ обманъ: вмѣсто женскихъ нарядовъ она купила себѣ саблю. Тогда отецъ даетъ Мујо третій совѣтъ:

„*Ти је води у вруће амаме*,
Кад почнете свлачити доламе, 3-е) исп.
Ако буде млада женска глава,
Ласно ћете младу познавати“.

Но дѣвушка была „мудра и паметна“: она призываетъ къ себѣ своего раба, Дилавера, и приказываетъ ему пустить по войску двухъ молодыхъ герольдовъ (телара) именно въ тотъ моментъ,

---

[1]) Богишић, N 96, стр. 261: „Како Пеимана кћи Диздар-аге измијени оца идућ' на цареву војску, и како откри царевићу Мују, и за њиме отиде у Новоме граду“. Срав. тамъ-же стр. 126—133.

когда она будетъ въ банѣ. Она не успѣла еще раздѣться, какъ герольды закричали:

„Гди je овди Пеиман спахиjа?
Да je приje ка Новому граду,
Умриje му и отац и мати,
Каури му попалише дворе,
И по двору покупише благо,
Поведоше љуби за робињу".

Такимъ простымъ способомъ развязываетъ народная фантазія запутанную интригу, не прибѣгая къ чудовищной половой метаморфозѣ. Услышавъ страшную вѣсть о разграбленіи дома, Пеимана приводитъ въ порядокъ растегнутую было одежду, даритъ свое вооруженіе своей дружинѣ, садится на коня и бросается черезъ Дрину рѣку. Съ той стороны она кричитъ:

„Душо, злато, царевићу Муjо!
Кад сам теби срцу омилела,
Купи свате, ходи по дjевojку:
И ja н'jесам Пеиман спахиjа,
Него кћерца старца Диздар-аге".

Царевичъ Муjо такъ и дѣлаетъ: собравъ сватовъ, отправляется къ отцу дѣвушки и женится на ней [1]).

b) Варіанты хорватскіе.

Тотъ же самый сюжетъ разрабатывается и въ хорватскихъ пѣсняхъ, съ тою лишь разницею, что онѣ замѣтно откланяются въ сторону западно-романскихъ произведеній того же круга.

Разсматривая подробности хорватскихъ пѣсенъ, мы убѣждаемся, что самая тѣсная связь существуетъ между ними и сербскими съ одной стороны и итальянскими съ другой. Такимъ образомъ онѣ стоятъ на перепутьи нашего сюжета изъ міра Славянскаго въ міръ Романскій. Почему мы представляемъ себѣ литературное теченіе въ этомъ направленіи, а не въ противоположномъ, будетъ ясно изъ сопоставленія подробностей. Теперь же обратимся къ хорватской пѣснѣ, записанной на южной оконечности Истріи, въ Промонтурѣ [2]). Она озаглавлена „Sultanija", и, начинаясь подобно сербскимъ, представляетъ слѣдующія особенности:

---

[1]) У Петрановича (I, 265) приведена пѣсня „Удати се хоће", примыкающая къ нашему сюжету: дѣвушка по ней не узнана. Пѣсня такъ испорчена, что мы оставляемъ ее въ сторонѣ.

[2]) Hrvatske narodne pjesme, što se pjevaju u Istri i na

„Piše knjigu care gospodine:
„Koji ima sina al sinovca
Da ga šalje caru za soldata!“

У старика Видулина нѣтъ сыновей: у него лишь девять дочерей, изъ коихъ младшая называется Султанія. О горѣ старика умалчивается. Султанія прямо проситъ отца снарядить ее на царскую службу. Старикъ въ недоумѣніи спрашиваетъ:

„Kamo će mi žute kose tvoje!
Kamo će mi dva goluba tvoja?“

Дочь отвѣчаетъ:

„Žuta kosa niz pleća junačka,
Dva goluba niz oba pazuva“.

Переодѣвшись воиномъ, она явилась въ станъ царскаго войска. Всѣ поражены видомъ дивнаго витязя, всѣ поклонились ему, а самъ царь склонился до „черной земли“. У него тотчасъ же зародилось подозрѣніе, что въ лицѣ воина скрывается дѣвушка, и вотъ онъ совѣтуется съ матерью, какъ бы узнать истину. Та говоритъ ему:

„Ti je *vodi u svitle kamare*
I vadi joj *srebrne prešlice* 1-е) испытаніе.
I vadi joj *svijetlo oružje*“.

Если она молодой воинъ, то выберетъ въ лавкѣ свѣтлое оружіе; если же она, дѣйствительно, дѣвушка, то схватится за золотую прялку. Султанія и глядѣть не захотѣла на прялку, а взяла оружіе. Тогда старуха мать совѣтуетъ сыну:

„Š njom ti *hodi nočcu noćevati*.
Je li ona *delijica mlada*,
Ona će *se do tebe davati*; 2-е) исп.
Je li *ona mladjana divojka*,
Ona će *se od tebe micati*“.

Султанія приняла и это предложеніе; но, ложась спать, подъ голову положила саблю, дѣлая условіе, что тому голова съ плечъ, кто первый дотронется до другаго. Обезпеченная такимъ договоромъ, она смѣло придвигалась къ царевичу, между тѣмъ какъ тотъ не рѣшался пошевелиться. Видя неуспѣхъ втораго испытанія, мать говоритъ сыну:

„Ako *bude Dunaj priplivala*,
To će *biti mlada delijica*; 3-е) исп.
'Ko *nebude Dunaj priplivala*,
To će *biti lipota divojka*“.

Не отказалась и отъ этого смѣлаго предпріятія Султанія. Она переплыла Дунай, когда царь былъ еще на серединѣ рѣки. Съ проти-

---

Kvarnerskih otocih, preštampane iz „Naše sloge“ podporom „Matice Hrvatske“. U Trstu 1880. N II, стр. 10.

воположнаго берега она показала ему свою желтую косу и раскрыла обѣ груди, говоря:

„Gledaj care, da bi oslipia,
Sam li mužka, sam li ženska glava!"

Царь собралъ сильное войско и началъ преслѣдовать дѣвушку. Между тѣмъ она приблизилась уже къ своему родному дому. Отецъ замѣтилъ ее издали и вышелъ къ ней на встрѣчу, спрашивая:

„Sultanija, drago dite moje,
Kakvo si mi poštenje donila?"

Такимъ вопросомъ намекается на ту черту нравовъ, которую мы наблюдали въ болгарскихъ и сербскихъ пѣсняхъ о дѣвушкѣ-гайдукѣ: для нихъ считалось обязательнымъ блюсти свою чистоту. И вотъ Султанія отвѣчаетъ отцу:

„Kakvo odnila, takvo i donila!"

—Какою ушла, такою и вернулась.—При этомъ она разсказываетъ съ эпическимъ повтореніемъ всю свою исторію.

Вторая хорватская пѣсня, озаглавленная „Vidovićeva Margarita" [1]), записана Яковомъ Волчичемъ. Начинается она, подобно русскимъ былинамъ, похвальбой на царскомъ пиру:

„Zahvali se Vidoviću starče
Pul mladoga cara na večeri:
Da on ima *do devet sinova*,
A on nima sina ni sinovca,
Neg do *devet polepih devojak*,
Svih devet do mlade *Margarite*".

Приведенными стихами хорватская пѣсня близко подходитъ къ итальянскому разсказу изъ Пентамерона, къ которому мы перейдемъ нѣсколько ниже. Хотя подобная завязка не вполнѣ умѣстна въ нашемъ сюжетѣ, тѣмъ не менѣе она, какъ кажется, не случайно попала въ разбираемую пѣсню: за устойчивость такого запѣва въ интересующемъ насъ кругѣ народныхъ произведеній говоритъ темный отзвукъ его въ русскихъ былинахъ о Ставрѣ Годиновичѣ и весьма похожее вступленіе въ разсказѣ Пентамерона. Далѣе содержаніе пѣсни развивается въ такой послѣдовательности.

Старикъ Видовичъ тужитъ и горюетъ: царь требуетъ его въ войско. Младшая дочь его, Маргарита, сама вызывается замѣнить отца и въ воинскомъ одѣяніи появляется предъ городомъ царя. Слуги доносятъ послѣднему о пріѣздѣ молодаго Видовича, замѣчая:

„Na poskoku da je mladi junak;
Na pogledu da j' divojka mlada".

---

[1]) Изъ „Naše Sloge", стр. 25, N VIII. Записана, по всей вѣроятности, на Быргудѣ (Brgud).

Въ царѣ возбуждено подозрѣніе и онъ приказываетъ слугамъ подвергнуть новоприбывшаго воина испытаніямъ:

„*Peljajte ga u bele butige*,
Ko j' divojka, *će zbirat' prstene*, 1-е) испытаніе.
Ko je junak, *će zbirat oružje*".

Догадливая дѣвушка, какъ и въ предыдущей пѣснѣ, на перстни даже окомъ не взглянула, а выбрала себѣ наилучшее оружіе. Тогда царь приказываетъ:

„*Peljajte ga vrane kovat konje*:
Ko je junak, će ih podkovati, 2-е) исп.
Ko j' divojka, ništar neće znati".

Однако и здѣсь дѣвушка не растерялась и подковала коней не хуже другихъ юнаковъ. Наконецъ, слѣдуетъ распоряженіе:

„*Peljajte ga mutni plivat Dunaj:*
Ko je junak, će ga preplivati, 3-е) исп.
Ko j' divojka, na kraju će stati".

И это испытаніе не привело ни къ чему: всѣ юнаки остановились на берегу мутнаго Дуная, лишь одна молодая Маргарита переплыла рѣку. Оставшись такимъ образомъ неузнанной, она служитъ царю девять лѣтъ и затѣмъ возвращается въ домъ къ своей милой матери. Конецъ пѣсни уже запутанъ и отклоняется отъ общаго типа нашего разсказа.

Слѣдующая хорватская пѣсня, „Dunčićeva Romanija" [1]), еще замѣтнѣе теряетъ свою первоначальную свѣжесть, оказываясь не послѣдовательной въ своемъ развитіи.

„Zahvali se Dunčiću Ivana,
Da on ima do *devet sinova*,
A *desetu hćerku Romaniju*".

Имѣя такимъ образомъ девять сыновей, старику нечего было тужить и жаловаться, когда пришло отъ короля требованіе явиться въ войско. Между тѣмъ на службу идетъ молодая Романія. Королевскій сынъ замѣчаетъ, что у прибывшаго витязя

„Pristup mužki, pogljed divojački,
Puni prsa kako u divojke".

Отецъ совѣтуетъ ему:

„*Zovi ga ti sobom u dućane*:
Ko je *junak sablju će obirat*, 1-е) исп.
Ko *divojka osuge će zbirat*".

Какъ во всѣхъ прочихъ пѣсняхъ дѣвушка и тутъ предпочитаетъ саблю женскимъ украшеніямъ. Тогда король говоритъ сыну:

---

[1]) Изъ „Naše Sloge" N XVII, стр. 45 (Dobrinjska).

„*Zovi ga ti Dunaj preplivati:*
Ako j' *junak preplavat ga oće*, 2-е) исп.
Ko j' *divojka ni pristupit neće*".

Дѣвушка успѣла переплыть Дунай, въ то время какъ королевичъ былъ еще посреди рѣки. Съ берега она открыла предъ нимъ свою бѣлую грудь и умчалась черезъ темныя горы къ отцовскому дому. Такимъ образомъ эта пѣсня забыла послѣдовательный ходъ испытаній, сокративъ число ихъ до двухъ.

Близкой къ варіантамъ хорватскимъ должна быть, по всей вѣроятности, пѣсня словинская изъ Крайны. Къ сожалѣнію, она намъ извѣстна лишь въ нѣмецкомъ переводѣ Анастасія Грюна [1]), подлинника къ которому намъ не удалось отыскать. Пѣсню эту приводитъ къ сравненію съ португальскими варіантами Рейнгольдъ Кёлеръ [2]) и находитъ въ нихъ много общихъ мѣстъ. Однако опредѣленно высказываться о степени родства между ними мы считаемъ невозможнымъ, такъ какъ отсутствіе оригинала не позволяетъ судить о характерѣ самой композиціи словинской пѣсни при наличности составныхъ ея элементовъ. Такъ здѣсь одна изъ семи дочерей старика идетъ вмѣсто отца на войну, переодѣтая въ мужское платье. Затѣмъ ее подвергаютъ испытаніямъ, что передается Грюномъ въ слѣдующихъ стихахъ:

„Sie (т. е. соратники дѣвушки)
winken sich und flüstern leis,
„Wie man's ergründ in schlauster Weis'?
„Zum Krämerladen gehen sie drauf,
„Wo Waaren lagern bunt zu Hauf:
„„Und ist's ein Mann, trifft seine Wahl
„Das Kugelrohr, den Säbelstahl;
„Und ist's ein Weib, so wählt es aus
„Das bunte Band, den Blumenstrauss".
„Schön Lenchen griff in rascher Wahl
„Nach Kugelrohr, nach Säbelstahl".

Въ концѣ дѣвушку приглашаютъ плавать въ рѣкѣ, что она и исполняетъ, — какъ это мы наблюдали во многихъ славянскихъ варіантахъ, — опережая своего соперника. Такимъ образомъ словинская пѣсня сохранила воспоминаніе лишь о двухъ испытаніяхъ подобно вышеразобранной хорватской, и это даетъ намъ основаніе думать,

---

[1]) Anastasius Grün, Lieder aus der Fremde. Hannover 1857, стр. 76.

[2]) Jahrbuch f. Romanische u. Englische Literatur III, 1861. Reinhold Köhler, Zu F. Wolfs Proben portugiesischer u. Catalanischer Volksromanzen, стр. 57.

что она не представляетъ собою оригинальной обработки нашего разсказа, а служитъ только отраженіемъ хорватскихъ варіантовъ.

Интересное пріуроченіе разбираемаго сюжета къ историческому лицу представляетъ пѣсенка изъ Слуня въ бывшей военной Границѣ. Она отнесена издателемъ, Кухачемъ, къ 1856 году и названа „Женски војник“ [1]).

„Прошло, прошло је јур девет годин дана,
Што ја, што ја служим Јелачића бана,
Јелачића бана, хрватскога крала.
Нико, нико не зна, да сам женска глава,
Само, само једна мајурица стара.
То почуо бане, бане господине,
Па говори бане: Еј, чујеш ли, Янко?
Досад си ми био вјеран, вјерап слуга,
Па садами будеш вјерна, вјерна л-уба“.

Въ приведенной пѣснѣ мотивъ о переодѣтой дѣвушкѣ-воинѣ переходитъ уже на почву бытовую. Въ ней нѣтъ упоминанія о причинахъ, приведшихъ дѣвушку въ число воиновъ Елачича бана, нѣтъ и намековъ объ испытаніи пола дѣвушки, лишь конецъ пѣсни даетъ возможность чувствовать до нѣкоторой степени связь ея съ вышеразобранными пѣснями, кончавшимися, обыкновенно, замужествомъ узнанной героини.

Какъ сложныя хорватскія пѣсни о дѣвушкѣ-воинѣ, подвергающейся различнымъ испытаніямъ, своими подробностями сближаются съ подобнаго рода произведеніями итальянскими, къ которымъ мы перейдемъ позднѣе, такъ короткая пѣсня о дѣвушкѣ, служившей у Елачича-бана въ качествѣ воина, напоминаетъ намъ значительно раньше разобранныя болгарскія пѣсни о дѣвушкѣ-гайдукѣ, признанныя нами за развившіяся изъ условій быта этого народа.

Въ поэзіи Болгаръ находится не только достаточное количество первоначальныхъ, несложныхъ бытовыхъ пѣсенъ о подвигахъ дѣвушки-воина, но встрѣчаются также, наряду съ первыми, произведенія и болѣе развитыя, осложненныя вплетеніемъ въ дѣйствіе мотива объ испытаніи пола переодѣтой дѣвушки. Къ анализу подобныхъ произведеній мы теперь и обратимся.

c) Варіанты болгарскіе.

При общей близости пѣсенныхъ мотивовъ въ поэзіи сербско-хорватской и болгарской нельзя не замѣтить существенной разницы въ ихъ обработкѣ у того и другаго народа. Сербская пѣсня отли-

---

[1]) Kuhač I, N 339.

чается могучимъ поэтическимъ чувствомъ; она картинно рисуетъ подробности дѣйствія и художественно группируетъ ихъ въ одно стройное цѣлое; она представляетъ собою законченную, развитую поэму, облеченную то въ легкія, то въ суровыя краски спокойнаго и величаваго характера южнаго Славянина.

Болгарская пѣсня, развивая тотъ же самый сюжетъ, далеко отстаетъ отъ сербской по своему поэтическому достоинству: она сухо и безжизненно передаетъ событіе, скучно растягивая подробности. Отсутствіе художественныхъ уподобленій и сравненій, монотонность разсказа и излишняя расплывчивость даютъ право назвать ее прозаической передачей высокохудожественной, исполненной силы чувства и выраженія сербской пѣсни.

Бѣдность поэтическаго дарованія болгарскаго народа сказалась и въ передачѣ занимающаго насъ сюжета. Весьма вѣроятно, что этотъ послѣдній попалъ сюда изъ Сербіи и привязался къ бытовымъ пѣснямъ о дѣвушкѣ-хайдукѣ. Самымъ полнымъ болгарскимъ варіантомъ представляется намъ пѣсня, записанная въ Софійскомъ округѣ: „Мома Богдана войникъ отива“ [1]). Содержаніе ея слѣдующее:

„Отъ ца́ра іе абе́р дошло́ Си́те си войни́ци найдо́а,
Да и́да' мла́ди войни́ци, Кой бра́тец, кой побра́тимче“.

Отъ царя пришелъ указъ, чтобы молодежь шла въ войско. Кто послалъ брата, кто побратима; лишь старому бану нѣтъ замѣны. Онъ сидитъ и плачетъ. Дочь его, Богдана, доткала полотно и спрашиваетъ отца о причинѣ горя. Узнавъ въ чемъ дѣло, она осѣдлала коня двѣнадцатью подпругами, купила въ Софіи воинское одѣяніе и отправилась на царскую службу. Такъ прошло девять лѣтъ. На десятый она холитъ коня, плачетъ и поетъ. Царица по пѣнію догадывается, что это дѣвушка и говоритъ сыну прибѣгнуть къ испытаніямъ:

„Я ги, си́ну, *у́веди*
У тя́я бу́йна гради́на
Си́те по ки́тка да набе́ра' 1-е) испытаніе.
И виш мла́до войни́че,
Да ли че ки́тка да набе́ре.“

Всѣ воины нарвали цвѣтовъ въ саду, сдѣлали изъ нихъ букеты и украсили ими свои головы, одна лишь Богдана заткнула букетъ за поясъ, т. е. поступила совершенно по мужски. Тогда мать совѣтуетъ сыну:

---

[1]) Период. Спис. 1882 г. I. Пѣсня эта записана въ селѣ Быстрицѣ, лежащемъ къ югу отъ Средца (Софіи).

„Я ги *за́веди у Бу́дин,*
Си́те *по фу́рка да ку́пат,* 2-е) исп.
По фу́рка и по *врете́но*".

Въ городѣ Будинѣ всѣ воины купили по прялкѣ и по веретену, а Богдана пріобрѣла для себя кафалъ (родъ трубы), на которомъ дивно заиграла и затрубила По первому и по второму испытанію можно судить, что пѣвецъ не понялъ занесеннаго разсказа, иначе зачѣмъ бы ему заставлять всѣхъ прочихъ воиновъ увлекаться предметами женскаго обихода, назначенными для одной лишь переодѣтей Богданы?

Мать царя назначаетъ третье испытаніе:

Я ги *за́веди, за́веди*
На *та́я бе́ла Ду́нава,*
Си́те че да се ока́па' 3-е) исп.
А това́ мла́до войни́че .
Да ли *че да се окапе*".

Въ то время, какъ другіе воины купались, Богдана разыграла своего коня и, бросившись въ рѣку, переплыла Дунай. Прибывъ въ домъ къ матери, она улеглась спать, между тѣмъ царь въ сремской каретѣ (кочи́я) ѣдетъ взять ее за себя, хотя изъ пѣсни не видно, откуда онъ убѣдился, что она подлинно дѣвушка. Болгарскому пѣвцу почему то казалось нужнымъ закончить разсказъ тѣмъ, что царь увозитъ Богдану въ каретѣ сонною, вѣроятно для этого лишь понадобилась и карета.

Второй болгарскій варіантъ, къ сожалѣнію не полный, сообщенъ бр. Миладиновыми (N 86, стр. 123) и озаглавленъ ими: „Тодорка и княхче". Какъ и въ разобранныхъ выше пѣсняхъ, такъ и здѣсь дѣйствіе открывается указомъ царя, въ силу котораго всѣ должны послать въ войско сыновей, или же за неимѣніемъ ихъ обязаны идти сами. Вмѣсто Ивана (старика) снаряжается его единственная дочь Тодорка: она служила семь лѣтъ и никто не узналъ ее. Какъ то въ праздникъ св. Лазаря ей показалось, что она въ кругу своихъ подругъ идетъ на базаръ и вотъ она запѣла пѣсню. Молодой князь услышалъ пѣніе и заподозрилъ въ лицѣ ея дѣвушку. Отецъ совѣтуетъ ему для открытія истины:

„Я си *заведи войска-та*
На *равно поле да играе,*
Д' играе *хоро юнашко,* 1-е) исп.
'Сички-те на редъ да гледашъ,
Дано *мома-та познаешъ*".

Когда такой пріемъ не увѣнчался успѣхомъ, царь даетъ сыну новую мысль: „Я си заведи *войска-та*
Де-то сѫ *хурки продаватъ*". 2-е) исп.

И тутъ не узнали дѣвушку. На этомъ обрывается пѣсня, представляющаяся намъ безжизненнымъ скелетомъ занесеннаго сюда сербскаго произведенія. Таже сербская основа примкнула къ бытовой болгарской пѣсенкѣ о дѣвушкѣ-гайдукѣ въ варіантѣ, заимствованномъ Безсоновымъ (N XXX, стр. 148) изъ сборника Катранова и Вельтмана и названномъ „Тодора".

Пѣсня начинается обычнымъ въ болгарской и ново-греческой поэзіи выраженіемъ необычайности и невѣроятности событія:

„Дѣ сѧ іе чюло, видѣло,
Мома съ хайдути да ходи,
Като Тодорка дѣвойка!"

Девять лѣтъ она ходила съ хайдуками, на десятый одинъ изъ нихъ почему то догадался, что это дѣвушка и, желая убѣдить въ этомъ также товарищей, приглашаетъ ихъ пойти

„*Прѣзъ пазаръ*, прѣзъ чиршиѧ-тѫ (торгъ),
Тамъ има *хурки писани*
И позлатіени *вѫртена*, 1-е) исп.
Тамъ има мѣдни кавали" (свирѣли).

Предполагалось, что Тодора, какъ дѣвушка, выберетъ себѣ писаную прялку и позолоченое веретено. Она же, будучи хитрой и разумной, взяла свирѣль, заиграла на ней и начала еще подсмѣиваться надъ товарищами, засматривавшимися на прялки и веретена. Неугомонный гайдукъ даетъ новую мысль:

„Хайде да идемъ, да идемъ,
Въ честѫ *горѫ зеленѫ*, 2-е) исп.
Тамъ има червенъ *трендáфилъ*" (роза).

Если Тодора дѣйствительно воинъ, то она пройдетъ мимо розъ, откусивъ одну лишь изъ нихъ; если же она дѣвушка, то, набравъ розъ, украситъ ими голову. Тодора откусила одну розу и воткнула ее въ ружье. Тогда гайдукъ прибѣгаетъ къ послѣднему средству:

„Хайде да идемъ, *да идемъ*,
Въ *Дунавъ да сѧ окѫпимъ*". 3-е) исп.

Какъ дѣвушка, Тодора не могла купаться вмѣстѣ съ гайдуками: она ушла впередъ, распоясалась и, бросившись въ рѣку, переплыла на другую сторону. Оттуда она посмѣялась надъ ихъ простотой, говоря, что въ девять лѣтъ они не смогли узнать въ ней дѣвушку.

Наконецъ, тотъ же пѣсенный мотивъ попалъ въ хороводную болгарскую пѣсню, записанную въ Кюстендильскомъ округѣ г. Качановскимъ (N 50, стр. 125—126), озаглавившимъ ее „Будетъ болгарскій царь изъ Болгаръ" [1]). И этотъ варіантъ ничѣмъ не вы-

[1]) Пѣсня эта записана 5 дек. 1879 г. въ селѣ Жилинцахъ со словъ дѣвицы Анны Карадановой.

дается изъ числа прочихъ болгарскихъ пѣсенъ нашего круга. Первая половина его построена на почвѣ народной мѣстной пѣсни о дѣвушкѣ, замѣняющей отца въ военномъ дѣлѣ; вторая — въ крайне испорченномъ видѣ напоминаетъ отзвуки сербской пѣсни съ испытаніемъ пола дѣвушки при посредствѣ помятой травы. Для полноты передадимъ и ея содержаніе:

„Булгаринъ че царь да биде—
Бугарска войска че бере".

Въ виду этого всѣ обязаны доставить солдатъ. У Стояна нѣтъ сыновей, а лишь десять дочерей, изъ нихъ младшая называется Радулинка. Отецъ ея, не имѣя кого послать въ войско, заливается горькими слезами и ломаетъ свои бѣлыя руки. Радулинка вызывается заступить его мѣсто. Отецъ покупаетъ для нея вооруженіе въ Новомъ-Базарѣ, обрѣзываетъ ей косу и оставляетъ только чубъ (перчикъ). Девять лѣтъ она носитъ зеленое знамя въ войскѣ. Однажды она пропѣла „Лазарицу", царица услышала пѣніе и сказала царю, что въ его войскѣ есть дѣвушка. Затѣмъ разсказъ путается, остается лишь догадываться, что пѣвецъ имѣлъ въ виду испытаніе при посредствѣ сидѣнія на травѣ. Думать это позволяютъ слѣдующія строфы:

„Де сидѣла дружина,
Се трава-та весела;
Де сидѣла Радулинка,
Тамъ трава-та повенала".

Но дѣвушка поливала траву водою, принесенною во рту, такъ что и на ея мѣстѣ трава повеселѣла. На этомъ кончается пѣсня, испортившая мотивъ объ испытаніи пола дѣвушки-воина до неузнаваемости.

Подведя итогъ разобраннымъ болгарскимъ пѣснямъ, мы должны сознаться, что въ нихъ нѣтъ самостоятельной обработки занимающаго насъ сюжета Онѣ возникли, благодаря сосѣдству сербскаго племени, блестящія поэтическія произведенія котораго послужили моделью для жалкой копіи, созданной болгарскимъ пѣвцомъ. Послѣдній не съумѣлъ передать ясно и послѣдовательно тѣхъ отдѣльныхъ звѣньевъ, которые логически и необходимо вытекали одно изъ другаго въ сербской пѣснѣ. Онъ спуталъ разсказъ, смѣшалъ и перезабылъ подробности, чѣмъ наглядно доказалъ, что подобныя пѣсни занесены на болгарскую почву изчужа, заимствованы извнѣ, гдѣ были понятны и цѣльны.

d) Варіанты чешско-словенскіе и русскіе.

Чѣмъ далѣе подвигаемся мы отъ осѣдлости сербскаго племен,и тѣмъ блѣднѣе и непрозрачнѣе становятся народныя произведенія,

созданныя на основѣ нашего сюжета. Само собою напрашивается сравненіе подобныхъ произведеній съ постепенно замирающимъ эхомъ могучей пѣсни, вылившейся изъ души воодушевленнаго творца ея гдѣ-то въ предѣлахъ сербскаго народа. Область распространенія этой пѣсни далеко выходитъ за черту народности сербско-хорватской и болгарской: въ мірѣ Славянскомъ она проникаетъ также въ поэзію Чеховъ, Мораванъ и Словаковъ и еще далѣе на востокъ захватываетъ пѣсни Бѣлоруссовъ и думы Малоруссовъ. Въ польскихъ сборникахъ пѣсенъ намъ не удалось найти ничего, напоминающаго нашъ мотивъ, между тѣмъ въ поэзіи великорусской онъ переработанъ такъ своеобразно, что къ изученію этой обработки мы перейдемъ современемъ въ особой главѣ.

Чешская пѣсня извѣстна намъ къ сожалѣнію лишь въ нѣмецкомъ переводѣ Альфреда Вальдау [1]). Содержаніе ея слѣдующее: „Крестьянину пришелъ приказъ явиться въ солдаты. Вернувшись съ поля домой, онъ садится у края стола и поочередно обращается къ каждой изъ трехъ своихъ дочерей съ просьбой пойти на войну вмѣсто него. Двѣ первыя изъ нихъ отказываются неумѣньемъ сражаться, третья младшая охотно соглашается замѣнить отца и проситъ купить ей воронаго коня и золотое сѣдло. Когда она сѣла на лошадь, отецъ и мать горько заплакали. Съ перваго выстрѣла она поразила триста Турокъ, со втораго весь лагерь, а съ третьяго обратила всѣхъ въ бѣгство“.

Легко замѣтить, что приведенная чешская пѣсня давно забыла уже свою первоначальную основу и напоминаетъ о ней лишь своимъ началомъ: *у отца нѣтъ сыновей, вмѣсто него на войну идетъ дочь* его, обыкновенно единственная, здѣсь же замѣненная тремя, вѣроятно съ цѣлью особенно оттѣнить удаль послѣдней. Очень правдоподобно видѣть въ этой пѣснѣ лишь отрывокъ, какъ полагаетъ Адольфъ Вольфъ [2]): въ ней опущено какъ испытаніе, такъ и обнаруженіе пола дѣвушки-воина. Послѣднее удер-

---

[1]) Alfred Waldau, Böhmische Granaten. Czechische Volkslieder. Prag 1858. B. 1, s. 266, N CCCLII. Тексты заимствованы переводчикомъ изъ многихъ сборниковъ, изъ коихъ важнѣйшіе: Pisně národní v čechách. Sebral Karel Jaromír Erben. 3 тома, 1842; Pisně slovanské. Sebral F. L. čelakovský. 3 т., 1822—27; Staročeské pověsti, zpěvy, hry, obyčeje, slavnosti a napěvy, od V. Krolmusa, 2 т, 1845—51; české národní duchovní písně. Sebral J. V. Kamaryt, 2 т.; Moravské narodní písně od F. S. 2 тома кв. Въ этихъ сборникахъ мнѣ не удалось найти подлинника.

[2]) Adolf Wolf, Volkslieder aus Venetien. Sitzgb. d. Ph. H. Kl. d. K. Ak. d. Wis. Wien 1864 (257—381).

жалось еще въ словацкой пѣснѣ, записанной Капперомъ [1]) и подвергавшейся, повидимому, многоразличнымъ передѣлкамъ. И эта пѣсня извѣстна намъ, подобно предыдущей, лишь въ нѣмецкой передачѣ: она носитъ заглавіе „Ein Vort — ein König“. Въ краткихъ чертахъ содержаніе ея таково:

„И день и ночь вербуетъ король войско для битвы съ Турками. Каждый, способный владѣть копьемъ, обязанъ явиться въ строй. Протяни мнѣ руку, король, для клятвы въ моей готовности умереть за Венгрію, сказалъ лысый съ бѣлоснѣжной бородой старикъ, окруженный женщинами. Тебя не могу принять, былъ отвѣтъ короля: если хочешь сражаться за мой тронъ, то пошли сына. Тогда старикъ предлагаетъ старшей дочери пойти вмѣсто него на войну. Я пошла бы, если бы мой мужъ не поблѣднѣлъ на полѣ битвы, отвѣчаетъ та. Вторая дочь тоже отказывается, боясь потерять въ сраженіи возлюбленнаго; но третья изъ нихъ проситъ добыть ей боеваго коня, новое сѣдло, стрѣлы, мечъ и копье и охотно идетъ въ войско. Всѣ жалѣютъ ее, а отецъ посылаетъ ей въ слѣдъ благословеніе. Гордо и смѣло объѣхала она трижды вокругъ лагеря съ дубовой вѣтвью въ рукѣ. Король пораженъ видомъ всадника и говоритъ: если бы ты, рыцарь, былъ дѣвушкой, тебѣ слѣдовало бы немедленно налить мнѣ вина. Дѣвушка сходитъ съ лошади, склоняется къ землѣ, король трижды дотрогивается до нея мечомъ. Если бы ты, рыцарь, продолжаетъ король, былъ дѣвушкой, ты сейчасъ же сдѣлался бы королевой. Дѣвушка поднимаетъ шлемъ, ея золотистые волосы развѣваются, король держитъ свое слово и женится на ней“.

Такимъ образомъ словацкая пѣсня нѣсколько полнѣе чешской: въ ней есть темный намекъ на испытаніе пола и какъ результатъ признанія — является замужество дѣвушки съ королемъ.

На той же степени развитія, или вѣрнѣе сказать паденія, что и словацкая пѣсня, стоятъ варіанты моравскіе. Сушилъ [2]) сообщаетъ ихъ три, изъ которыхъ самый длинный записанъ въ окрестностяхъ Прибора и принятъ въ Антологію Бартоша [3]). Развитіе дѣйствія въ пѣснѣ таково:

„Zakazali nà vojnu
Sedláčkovi do domu.
Sedláček se zastaral
Sednă za stŭl zaplakal.
Nemàu syna žadnèho
Ani bratra vlastniho“.

[1]) Siegfried Kapper, Slavische Melodien. Leipzig 1844, стр. 34.

[2]) Sušil, Moravské národni pisnĕ s nápĕvy. V Brnĕ 1860, 1 т., стр. 106—107.

[3]) Bartoš, Anthologie z národních písní československých. Praha 1874 (17).

Отецъ проситъ старшую дочь пойти вмѣсто него воевать; та отказывается, такъ какъ у нея мягкое сердце, и она всякаго боится. Точно также поступаетъ и вторая. Третья дочь твердаго сердца идетъ на войну и побиваетъ Турокъ. Король (císař) удивляется ея молодечеству и обѣщается отдать за удалаго воина свою единственную дочь. Но тутъ переодѣтая дѣвушка сама объявляетъ свой полъ и король беретъ ее въ жены своему сыну.

Второй варіантъ у Сушилы (N 109, стр. 106) мало чѣмъ отличается отъ перваго, нами приведеннаго. Онъ названъ издателемъ „Bojovnice“ и начинается такъ:

„Kral na vojnu zavolal (2)—Sedlaček se zastaral“ (2). Все отклоненіе его отъ перваго состоитъ лишь въ томъ, что младшая изъ трехъ дочерей отказывается отъ замужества съ сыномъ короля, говоря:

„Něpřijela sem se vdat',
Přijela sem bojovat'—
To za sveho mileho,
Za tatička stareho“.

На этомъ кончается пѣсня, очевидно, лишь слегка видоизмѣненная.

Третій варіантъ сообщенъ Сушилой не вполнѣ: изъ него выдѣлено лишь одно оригинальное мѣсто, представляющее значительный интересъ, такъ какъ оно указываетъ на общность источника варіантовъ моравскихъ съ одной стороны и бѣлорусскаго, а также и малорусскаго съ другой. Сообщенная выдержка содержитъ наставленіе отца, данное дочери въ моментъ ея отправленія на войну. Оно такого характера:

„Dyž jí vrata otvíral,
Tatko jí on povídal:
Nedrž sa předu, zadu,
Než sa chytni prostředu.
V zadu, předu střilajú,
Postředek vymiňajú“.

„Открывая ворота, отецъ говоритъ ей: не ѣзди впередъ и не отставай назади, но держись середины войска. Въ заднихъ и въ переднихъ стрѣляютъ, а въ средину не попадаютъ“.

Въ самой тѣсной связи съ чешско-словенскими пѣснями находятся варіанты бѣлорусскій и малорусскій: въ первомъ съ большею точностью передано *сватовство королевича за дѣвушку-воина*, во второмъ — *совѣтъ отца дочери, какъ держаться въ войнѣ*, вложенный здѣсь въ уста матери. Въ бѣлорусскомъ варіантѣ послѣдній мотивъ неумѣло приложенъ къ первому: сразу бросается въ глаза механическое соединеніе двухъ различныхъ пѣсенъ, родственныхъ, но развившихъ съ большею выразительностью разные моменты разсказа. Такія произведенія, занимающіяся однимъ изъ помянутыхъ мотивовъ, существуютъ въ малорусской поэзіи независимо другъ отъ друга. Къ нимъ мы перейдемъ, познакомившись

предварительно съ пѣсней бѣлорусской, помѣщенной у Безсонова [1]). Дѣйствіе развивается ею слѣдующимъ образомъ:

„Ой, загадали на войну
Нашаму сялу ўсяму,
Нашаму войту самаму.
У нашаго войта сыноў нѣтъ,
Одна дачўшка на родў,
И тоя ѣхаци на войну".

Дочь проситъ отца справить ей острый мечъ, побиваетъ имъ непріятельское войско и возбуждаетъ удивленіе короля (королевича?). Тотъ и говоритъ:

„Ой, кабъ я вѣдаў, чій то сынъ,
Отдаў бы я дочку королеўночку.
Ой, не питай, королевичъ, чій то сынъ:
Я сама панна войтовна! . . .
—Колижъ ты есць войтовна,
Яжъ цябе за сына возьму,
Яжъ тобѣ половина королеўства опишу".—

Въ этомъ мѣстѣ мы ожидали бы конца пѣсни, между тѣмъ она безъ всякой внутренней связи переходитъ къ другому мотиву. Войтовну отецъ выправляетъ въ путь и совѣтуетъ ей не держаться впереди войска, точно также какъ въ моравскихъ варіантахъ. Но она пошла впереди и вотъ пришлось переплывать синее море: она поплыла и утонула. Всѣ козаки идутъ съ войны и въ рукахъ ведутъ коня войтовны.

Бѣлорусская пѣсня такимъ образомъ представляется намъ крайней степенью запутанности разсказа и затемнѣнія первоначальной его основы. Такъ постепенно сглаживается логическая связь основныхъ звѣньевъ разсказа по мѣрѣ удаленія отъ центра, его создавшаго.

Не большею прозрачностью первобытной основы своей отличаются и варіанты малорусскіе. Въ этомъ отношеніи они не выдѣляются изъ всей группы чешско-словенскихъ и бѣлорусскихъ пѣсенъ и если представляютъ какую либо особенность, такъ это разложеніе нѣкогда цѣльнаго произведенія о дѣвушкѣ-воинѣ на составные его элементы, послужившіе матеріаломъ для отдѣльныхъ колядокъ, приспособленныхъ къ быту и понятіямъ народа. Самымъ цѣльнымъ малорусскимъ варіантомъ можетъ считаться пѣсня „Дѣвушка-воинъ" [2]), записанная въ Кіевской губерніи. Содержаніе ея таково:

„Тай чую загадано та заповидано,
Усім козаченькам та в військо йти:
У кого є сини то висилати,
А в кого нема,—то наймати".

---

[1]) Безсоновъ, Бѣлорусскія пѣсни I, 39.

[2]) Историческія пѣсни малорусскаго народа, съ объясненіями Вл. Антоновича и М. Драгоманова. Т. I, Кіевъ 1874, N 65, стр. 314 и сл.

Начало пѣсни тоже самое, что и во всѣхъ нами разобранныхъ славянскихъ варіантахъ; но далѣе разсказъ откланяется отъ общаго типа. На краю села жила вдова съ одною только дочкой, Катериночкой. Снаряжая ее въ войско, мать и говоритъ:

„Як будеш ти в військо йти,
То не попережайся поперед війська
І не оставайся позад війська,
Та держись війська середнёго“.

Дочка, оказывается, не послушалась совѣта матери, поѣхала впередъ. Всѣ козаки пошли вплавь, а конь Катериночки не перешелъ рѣки, и она попалась въ руки Татарина. Точно такой же варіантъ былъ записанъ Чубинскимъ и Новицкимъ. Во всѣхъ нихъ чувствуется отзвукъ выведенной нами схемы:

a) *дѣвушка идетъ на войну* вмѣсто сына вдовы;

b) *она переправляется черезъ рѣку* на конѣ, какъ при одномъ изъ испытаній, назначенныхъ для открытія ея пола; но слѣдующая затѣмъ надставка — дѣвушка попадаетъ въ плѣнъ къ Татарину—возникла путемъ наростанія бытовыхъ чертъ.

Связанный съ нашей схемой эпизодъ сватовства за узнанную дѣвушку переродился въ малорусскихъ колядкахъ въ обратномъ направленіи: отличившемуся воину непріятельскій царь предлагаетъ въ жены свою дочь. Такой мотивъ развиваютъ колядки, записанныя Чубинскимъ въ Ушицкомъ уѣздѣ, изъ которыхъ одна приведена въ помянутомъ сборникѣ „Историческихъ пѣсенъ“ (стр. 27) [1]). Содержаніе ея слѣдующее:

„З суботи на неділю заказали на війну,
Заказали на війну: хто сина мае,
А хто немае, нехай наймае“.

Начало колядки цѣликомъ взято изъ круга нашихъ пѣсенъ о дѣвушкѣ, идущей на войну, выступленіе которой на сцену вызывается стихомъ „а хто немае, нехай наймае“. Между тѣмъ по колядкѣ на войну идетъ единственный сынъ вдовы. Мать даетъ ему извѣстный уже намъ совѣтъ: не заскакивать впередъ войска, не отставать позади его, но держаться середины. Сынъ не слушается совѣта матери: впереди всѣхъ онъ такъ отличается, что турецкій царь спрашиваетъ:

„Ой чий то синок коником грае,
Мечем ввивае, військо рубае?
Ой колиб я його знав,
Тоб я за його свою дочку оддав“.

---

[1]) Подобныя же колядки записаны: Головацкимъ (Чтенія 1866, I, III, 609) и Лукашевичемъ (Малор. и Червон. думы и пѣсни 86—87).

Обыкновенно подобное предложеніе дѣлалось отличившейся дѣвушкѣ, съ которой оно и перенесено въ колядкахъ на сына вдовы вслѣдствіе уже крайняго паденія и полнаго забвенія первоначальной фабулы. На ея основѣ наросли уже новыя бытовыя черты, рельефно сказывающіяся въ послѣднихъ стихахъ колядокъ. Сынъ вдовы отказывается отъ предложенія турецкаго царя, говоря: „Твоя дочка — погана віра!"

Малорусскія колядки оказываются послѣднимъ отголоскомъ нашего сюжета, слѣды котораго сохранились въ поэзіи всѣхъ славянскихъ племенъ за исключеніемъ развѣ польскаго. Отправившись отъ произведеній сербскихъ, мы прослѣдили шагъ за шагомъ распространеніе *мотива о дѣвушкѣ-воинѣ* на востокъ и сѣверъ между славянскими народами и не могли не замѣтить, что послѣдніе отзвуки его, едва уже замѣтные, наблюдаются въ памятникахъ народнаго творчества Малоруссовъ и Бѣлоруссовъ.

Теперь обратимся въ другую сторону и постараемся прослѣдить, какое развитіе получилъ нашъ мотивъ въ поэзіи романскихъ народовъ, приходившихъ часто въ соприкосновеніе съ юго-западными Славянами, по преимуществу Сербо-Хорватами.

VII.

Пѣсни романскія.

Мотивъ о дѣвушкѣ-воинѣ занялъ вниманіе не только пѣвцовъ славянскихъ, создавшихъ на немъ, какъ мы видѣли, значительное количество пѣсенъ, но онъ проникъ также въ поэзію западныхъ народовъ, отнесшихся къ нему не безъ сочувствія. Изъ всѣхъ вышеразобранныхъ славянскихъ произведеній, основанныхъ на немъ, пѣсни сербскія сохранили его въ наибольшей чистотѣ и прозрачности: всѣ звѣнья разсказа здѣсь въ наличности и легко отдѣляются одно отъ другаго. Такъ какъ, несомнѣнно, въ нашемъ мотивѣ мы имѣемъ дѣло съ такъ называемымъ странствующимъ сюжетомъ, то, поставивъ разъ сербскія пѣсни въ центрѣ, изъ котораго вышли прочіе славянскіе варіанты, отправимся теперь отъ того же пункта по направленію къ западу, гдѣ среди романскихъ народовъ встрѣтимъ отзвукъ того же разсказа.

а) Варіанты итальянскіе.

Въ сѣверной Италіи пѣсня наша получила довольно широкое распространеніе. Мы уже упоминали въ началѣ нашего труда о томъ, что Нигрѣ удалось собрать 12-ть варіантовъ, изъ которыхъ, къ сожалѣнію, не всѣ были опубликованы. Послѣдующіе собиратели тоже записали нѣсколько подобныхъ пѣсенъ. Изъ нихъ мы прежде всего остановимся на экземплярѣ, напечатанномъ Адольфомъ Вольфомъ [1]), не потому, чтобы онъ представлялъ какую либо особенность сво-

---

[1]) Adolf Wolf, Volkslieder aus Venetien (стр. 314, N 79). Sitzungsber. d. ph.-his. Klasse d. K. Ak. d. Wissenschaften. 1864. Wien.

имъ содержаніемъ, а лишь въ силу того, что записанъ въ Венеціанской области, въ которой издавна жили Славяне и съ которой они состояли въ постоянныхъ и разнообразныхъ международныхъ сношеніяхъ.

Адольфъ Вольфъ, какъ это видно изъ приведенной раньше выдержки изъ его статьи, приписываетъ обиліе поэтическихъ произведеній, наблюдаемое въ сѣверной Италіи, примѣси германскихъ элементовъ въ крови обитателей венеціанской области. Не оспаривая такого утвержденія, мы считаемъ нужнымъ замѣтить лишь, что германское поэтическое вліяніе не имѣло ровно никакого мѣста по крайней мѣрѣ по отношенію къ разбираемому сюжету: если не считать далеко отклоняющейся отъ общей схемы разбираемыхъ произведеній сказки нѣмецкой въ сборникѣ Як. Гримма, къ которой мы со временемъ перейдемъ, то можно настаивать на мнѣніи, отвергающемъ всякое соучастіе германскаго творчества въ созданіи произведеній изъ круга нашего мотива [1]).

Въ Истріи и въ Крайнѣ мы нашли славянскіе варіанты пѣсни о дѣвушкѣ-воинѣ: въ первой сербско-хорватскій, во второй словинскій. Ближайшимъ послѣдствіемъ сосѣдства этихъ славянскихъ народностей съ итальянской могла быть взаимная передача пѣсенныхъ мотивовъ. На самомъ дѣлѣ это и наблюдается на пѣснѣ, напечатанной Вольфомъ. Она озаглавлена имъ „La figlia coraggiosa“ и развиваетъ извѣстную намъ фабулу слѣдующимъ образомъ:

„Cosa piangeu, o fratelo!
Cosa piangì mai vu?
Piangeu per andar ala guera,
Anderò mi per vu“.

Такъ говоритъ сестра къ брату, неизвѣстно почему нежелающему идти на войну. Однако братъ колеблется принять услуги сестры, возражая, что ее узнаютъ.

„No, no, fratelo mio,
Che saverò che fare,
Saverò tanto parlare,
Non vegnirò conosciù“,

отвѣчаетъ сестра и проситъ дать ей хорошую лошадь, саблю и ножъ. Дѣвушка садится на лошадь, одѣтая драгуномъ. Мать смо-

[1]) Nigra, La poesia popolare italiana. Romania 1876 (417—452) вообще отрицаетъ вліяніе германское на поэзію сѣверной Италіи: въ ней онъ усматриваетъ субстратъ кельтско-романскій, развивавшійся подъ вліяніемъ исключительно французскимъ. Напротивъ того итальянское литературное направленіе сказалось въ пѣснѣ о Нибелунгахъ, въ ея риѳмѣ и въ ея рыцарскомъ колоритѣ (450).

тритъ на нее изъ окна, отецъ съ балкона. Она возбуждаетъ всеобщее удивленіе въ войскѣ и вотъ начальникъ батальона безъ всякихъ предварительныхъ примѣтъ испытываетъ ее:

„Chi vuol conoscere la sua figlia,
La *mena sul mercato*,
Se la sarà una figlia,
La *prenderà un anelo*". 1-е) исп.

Вмѣсто кольца дѣвушка выбираетъ на рынкѣ саблю и ножъ. Тогда ее ведутъ къ фонтану (alo lavel):

„Se la sarà una figlia
La si *laverà le man*". 2-е) исп.

Солдаты на войнѣ никогда не умываютъ рукъ, замѣчаетъ она, развѣ лишь въ крови христіанъ: „I si lava dele volte—nel sangue de Christian". Весьма странное замѣчаніе, не гармонирующее съ цѣлымъ и не отвѣчающее быту городскому, наложившему печать на всю композицію пѣсни. Здѣсь, быть можетъ, кроется, какое-то отдаленное переживаніе? Послѣ этого дѣвушку ведутъ въ садъ въ томъ предположеніи, что

„Se la sarà una figlia,
La *prenderà un mazzetin*". 3-е) исп.

Солдаты, говоритъ она, не дѣлаютъ букетовъ, лишь изрѣдка срываютъ они розу или жасминъ. На этомъ кончается пѣсня, а дѣвушка остается неузнанной.

Не трудно замѣтить крайнюю уже испорченность приведенной пѣсни: въ ней удержались лишь самыя рѣзкія черты нашей схемы, самыя устойчивыя при международной передачѣ основы ея, вся же литературная отдѣлка, способная указать нить, которая привела бы насъ къ признанію родства данной пѣсни съ другими подобными произведеніями, стерта въ ней до неузнаваемости. Конечно, подобное явленіе могло быть и случайнымъ, благодаря неумѣлости или забывчивости пѣвца, придавшаго слышанной имъ пѣснѣ замѣтный мѣстный колоритъ съ оттѣнкомъ городской жизни. Недостатки этого варіанта восполняются достоинствами другихъ. Такъ въ Пьемонтѣ пѣсня наша передается гораздо полнѣе. Въ изданіи Нигры [1]) она названа „Lezione Piemontese" и начинается слѣдующими стихами:

—„Che piangete, padre,
Che piangete voi?
Se avete d'andar alla guerra,
Andrò io per voi".

---

[1]) Rivista Contemporanea, Novembre 1858. Torino. Canzoni popolari del Piemonte, raccolte da Const. Nigra. Fasc. III, p. 90.

Въ варіантѣ венеціанскомъ сестра почему то шла на войну вмѣсто брата, чего не встрѣчалось намъ въ славянскихъ пѣсняхъ. Эту неточность исправляетъ пьемонтскій варіантъ, приближаясь своимъ строемъ къ славянскимъ: въ немъ дочь замѣняетъ отца. Однако и этотъ варіантъ не полонъ, въ немъ не упоминается о причинѣ, вызывающей горе отца. Дочь безъ предварительной мотивировки берется замѣнить его и проситъ дать ей добраго коня и *вѣрнаго слугу*, — подробность, встрѣтившаяся намъ лишь въ Дубровницкой пѣснѣ (Богишичъ, стр. 261, N 96). Переодѣтая юношей, дѣвушка сразу даетъ возможность узнать себя, и королевичъ, увидѣвъ ее изъ окна, немедленно влюбляется въ нее. Тогда мать его совѣтуетъ ему прибѣгнуть къ испытаніямъ, переданнымъ здѣсь полнѣе, чѣмъ въ предыдущемъ варіантѣ. Сперва дѣвушку ведутъ на рынокъ, предполагая, что она купитъ перчатки и тѣмъ выдастъ себя; но она отказывается отъ этого, замѣчая: — „Soldati che vanno a guerra — *non han freddo alle mani*“. — Затѣмъ ее приглашаютъ къ ювелиру, ожидая, не купитъ ли она кольцо; но и отъ него отворачивается дѣвушка, говоря: „Soldati che vanno a guerra — *han uopo di spade e coltello*“. Тогда мать говоритъ сыну: „Menatela *a dormir con voi*“ — не высказывая при томъ, подобно хорватск. варіанту, по какимъ признакамъ можно узнать, что это дѣвушка? Пѣсня сообщаетъ лишь, что „Ella soffiò sulla candella, — ei mandò il servitore“. Наконецъ, мать научаетъ сына: „Menatela *un'acqua a passare*“, предупреждая его, что, если это дѣвушка, то она не захочетъ раздѣваться. Когда дѣвушка разула уже одну ногу, пришло письмо, по которому она получала отпускъ.

И такъ, всѣ звѣнья нашего разсказа переданы въ данномъ варіантѣ точно, лишь съ нѣкоторыми измѣненіями, вызванными условіями высшей культурной жизни. Къ нимъ мы относимъ потребность для дѣвушки перчатокъ, приглашеніе къ ювелиру, гашеніе свѣчи и присутствіе слуги въ спальнѣ. Основные элементы связаны между собою кратко и не всегда достаточно мотивирована необходимость каждаго изъ нихъ: такъ упоминаніе служителя въ разсказѣ совершенно излишне. Онъ не является на сценѣ въ самый критическій моментъ, во время перехода рѣки или купанья, подготовляя по приказанію дѣвушки сообщеніе письма съ отпускомъ. Наконецъ, заключительныя строфы пѣсни

„La bella a messa via
la s'è messa a cantare:
Verginella sono stata alla guerra
e verginella ne son tornata!“

несомнѣнно указываютъ на заимствованіе оригинала изъ славянскихъ источниковъ, гдѣ послѣдняя черта—дѣвушка-воинъ хранитъ

свою честь — получила широкое развитіе, вытекая изъ бытовыхъ отношеній, опредѣляемыхъ воинственнымъ строемъ жизни южнаго славянства. Примѣры этому мы имѣли во множествѣ въ пѣсняхъ болгарскихъ и сербско-хорватскихъ и ничего подобнаго не встрѣтилось намъ въ произведеніяхъ западно-романскихъ.

Въ большемъ отдаленіи отъ славянскихъ первоисточниковъ стоятъ варіанты Монферринскіе, одинъ сообщенный у Джузеппе Ферраро [1]) на народномъ мѣстномъ діалектѣ, другой у Нигры въ переводѣ на литературный итальянскій языкъ. У Ферраро онъ носитъ названіе „La ragazza guerriera" и начинается такъ:

—„Cosa piuvère, pare,
Cosa piuvère vui?—
—Ajo d'andè a ra uera,—
—Aj' andrò mi pir vui".

Какъ и въ предыдущемъ варіантѣ, дѣвушка беретъ съ собою слугу. При этомъ чтеніе Ферраро нѣсколько уклоняется въ сторону варіанта венеціанскаго, выше нами разобраннаго, но въ тоже время удерживаетъ общій характеръ чтенія Нигры. Такъ какъ характерные признаки венеціанскаго варіанта намъ уже извѣстны и не представляютъ особаго интереса, то мы послѣдуемъ за Нигрой въ его чтеніи.

На дорогѣ дѣвушка запѣла и тѣмъ выдала себя, какъ это обыкновенно наблюдалось нами въ пѣсняхъ болгарскихъ. Услышавъ пѣніе, капитанъ сказалъ: „Sembra più la voce d'una fanciulla,—Che d'un gentil galante".

Далѣе испытанія слѣдуютъ въ такомъ порядкѣ: дѣвушку приглашаютъ сперва въ садъ въ предположеніи, что, быть можетъ, она сдѣлаетъ себѣ букетъ; затѣмъ зовутъ ее на рынокъ, не купитъ ли она себѣ передникъ (grembiale) и къ торговцу, не выберетъ ли она ленты (nastri); послѣ этого ее ведутъ пить вино, кладутъ съ собою спать и, наконецъ, зовутъ плавать въ рѣкѣ. Въ этотъ моментъ приходитъ письмо съ извѣстіемъ, что ея отецъ боленъ, она уѣзжаетъ и въ дорогѣ поетъ: — „Giovinetta di quindici anni – Servi sett'anni il re".

Особенно интересно отмѣтить, что своимъ запѣвомъ дословно напоминаетъ сербскія пѣсни варіантъ Канавезскій (Canavese) [2]). Онъ начинается такъ:

---

[1]) Canti popolari Monferrini, raccolti ed annotati dal Giuseppe Ferraro. Въ изд. Comparetti e D'Ancona: Canti e Racconti del popolo italiano. Vol. I, p. 54, N 38. Torino-Firenze 1870.

[2]) Nigra l. c. Варіантъ этотъ переведенъ на нѣмецкій языкъ: Heyse, Italienisches Liederbuch. Berlin 1880, стр. 183.

„Il re ha scritto una lettera,
Una lettera sigillata;
Buon vecchio di sessant'anni
Deve andar a fare il soldato“.

Такъ обыкновенно начинаются и славянскія пѣсни нашего сюжета. Мы наблюдали этотъ запѣвъ у Сербо-Хорватовъ, у Болгаръ, въ чешско-словенской и русской группѣ варіантовъ. Присутствіе его въ итальянской пѣснѣ трудно объяснить иначе, какъ прямымъ заимствованіемъ его изъ славянскаго подлинника. Подобный выводъ находитъ подтвержденіе въ общемъ характерѣ композиціи итальянскихъ варіантовъ: всѣ они не цѣликомъ передаютъ подробности нашего разсказа, а оказываются какъ бы дифференціацiей стоящаго за ними оригинала. Только умышленно собравъ всѣ частности итальянскихъ варіантовъ, можно составить текстъ полной сербской пѣсни; но такой процессъ творчества не примѣнимъ къ произведеніямъ народной поэзіи, такъ какъ трудно допустить, чтобы пѣвецъ случайно могъ услышать нѣсколько разныхъ варіантовъ и составить изъ нихъ преднамѣренно одно цѣлое.

Прослѣдимъ далѣе за ходомъ дѣйствія въ разбираемомъ варіантѣ. Какъ это обыкновенно въ нашемъ разсказѣ, дѣвушка выручаетъ старика отца и проситъ дать ей воронаго коня (morello) и хорошаго пажа. Въ виду войска она запѣла, такъ что капитанъ догадывается, что это не юноша, а переодѣтая дѣвушка, и подвергаетъ ее разнымъ испытаніямъ. Такъ ее ведутъ въ садъ, не сдѣлаетъ ли она букетъ; затѣмъ къ торговцу, не купитъ ли она ленты; потомъ укладываются спать по двое, при чемъ дѣвушка остается вмѣстѣ со своимъ пажемъ; далѣе ей предлагаютъ плавать, но тутъ получается письмо о болѣзни ея отца и она уѣзжаетъ.

Спеціальной особенностью всѣхъ итальянскихъ варіантовъ оказывается служитель или пажъ, сопровождающій переодѣтую дѣвушку на войну или въ войско. Этой чертой всѣ они связываются съ Дубровницкой пѣсней, заимствованной Богишичемъ изъ рукописи XVIII вѣка: изъ всѣхъ славянскихъ варіантовъ лишь здѣсь встрѣчается служитель дѣвушки, Деливаръ, съ тою однако разницей, что роль его тутъ перенесена на другой моментъ: въ послѣднемъ итальянскомъ варіантѣ пажъ понадобился, чтобы составить пару для дѣвушки на ночь и тѣмъ предотвратить открытіе ея, между тѣмъ какъ въ Дубровницкомъ онъ подготовляетъ появленіе письма къ моменту купанья.

Подобная, хоть и незначительная черта несомнѣнно указываетъ на общность литературнаго происхожденія пѣсенъ итальянскихъ и сербскихъ. Если мы къ ней прибавимъ еще признаки, выше нами отмѣченные, какъ запѣвъ и окончаніе въ итальянскихъ пѣсняхъ,

отнесенные нами на счетъ сербской поэзіи, то можно будетъ утверждать, что первообразъ для итальянскихъ кроется въ произведеніяхъ сербско-хорватскихъ.

Въ итальянской поэзіи нашимъ мотивомъ воспользовались не только для созданія, какъ мы видѣли, цѣлаго ряда пѣсенъ, но также примѣнили его и къ сказкамъ, сдѣлавшимся въ настоящее время извѣстными, благодаря прекрасному сборнику Лауры Гонценбахъ [1]). Въ своемъ введеніи къ нему Гартвигъ дѣлаетъ попытку опредѣлить, какому народу можно приписать главное участіе въ созданіи памятниковъ сицильянской поэзіи, такъ какъ извѣстно, что островъ этотъ состоялъ въ обладаніи многихъ и при томъ разнородныхъ этнографическихъ группъ?

Которая изъ нихъ внесла наибольшую сумму оригинальныхъ чертъ и самобытныхъ мотивовъ, сбереженныхъ намъ въ живыхъ народныхъ памятникахъ, — вопросъ, близко касающійся нашей работы?

На ряду съ историческими пѣснями изъ періода довольно отдаленнаго,— какъ напр. пѣсни помнящія событіе, именуемое Сицилійской Вечерней, — открываются произведенія съ одной стороны апокрифическаго характера, — какъ сказка съ эпизодомъ, напоминающимъ библійское сказаніе о Товитѣ и зломъ духѣ Асмодеѣ, являющемся въ индійскомъ преданіи подъ именемъ Râxasa [2]), а здѣсь, въ сицильянскомъ носящемъ славянское прозваніе Вилы (Donna Villa) [3]), — съ другой стороны произведенія, близко сто-

---

[1]) Sicilianische Märchen. Aus dem Volksmund gesammelt v. Laura Gonzenbach. Mit Anmerkungen Reinhold Köhler's und einer Einleitung herausgegeben von Otto Hartwig. Leipzig 1870. I, LIII+368; II, IV+263.

[2]) Benfey, Orient und Occident I, 745.

[3]) Извѣстный библійскій разсказъ, заимствованный изъ апокрифической книги Товита, въ своей древнѣйшей формѣ знакомый индійской литературѣ, перешелъ и въ народныя сказки. Такъ Гартвигъ въ предисловіи къ сборнику Гонценбахъ (Vorwort XI) замѣчаетъ: „Ich bemerke bei dieser Gelegenheit, dass noch ein Märchen in Sicilien verbreitet ist, das dieselbe That, die im Buch Tobit der Râxasa Asmodaios vollbringt, einem weiblichen Dämon, der *Donna Villa*, zuschreibt. Die „Grotte der Donna Villa", welche sich in einem aus dem Meere senkrecht aufsteigenden Felsen findet, dessen Gipfel die Ueberreste der namentlich in der Römerzeit blühenden Stadt Tyndaris trägt, ist auch in anderer Beziehung höchst interessant. Da ich das Märchen leider nicht in seiner originalen Fassung erhalten konnte, so felht es in dieser Sammlung. Nach den Erzählungen, die ich übrigens von ihm gehört habe, ist die Donna Villa nichts, als eine serbische Wile", die die höchsten

ящія по своему содержанію къ сказкамъ сѣверныхъ европейскихъ народовъ. Кому изъ этихъ послѣднихъ можно приписать дѣятельное участіе въ поэтическомъ творчествѣ Сицильянцевъ?

Одно время господствовали на островѣ Испанцы и оставили замѣтные слѣды своего пребыванія главнымъ образомъ въ городахъ. Ихъ вліяніе сказалось лишь въ верхнихъ слояхъ общества, массы народной оно не коснулось, такъ что если бы нашлись произведенія, сходныя въ самой своей композиціи, испанскія и сицильянскія, то слѣдовало бы скорѣе допустить переходъ ихъ изъ Сициліи въ Испанію, чѣмъ наоборотъ.

Иное значеніе могли бы имѣть довольно многочисленныя колоніи Албанцевъ, появившихся здѣсь въ половинѣ XV ст., если бы не ихъ дикость и отчужденность отъ прочаго народонаселенія, мѣшавшія имъ вступить въ тѣсныя сношенія со своими сосѣдями. Однако, если придавать какой либо вѣсъ открытію сербской Вилы въ сицильянскихъ сказкахъ, то слѣдуетъ признать, что она попала туда вмѣстѣ съ Албанцами, какъ извѣстно, сохранившими до сихъ поръ въ своемъ діалектѣ много сербскихъ словъ [1]).

Не большее значеніе въ развитіи духовной жизни позднѣйшихъ обитателей острова имѣли, по мнѣнію Гартвига, и древніе его обладатели, Сикулы: они были вытѣснены пришлымъ греческимъ элементомъ, не только не уступившимъ предъ напоромъ Римлянъ, но даже возобладавшимъ надъ латынянами въ вѣка по Р. Х. Нѣкоторое время безъ особаго вліянія на ходъ жизни народной играли первенствующую политическую роль Арабы-мусульмане. Лишь съ приходомъ норманнскихъ дружинъ, за которыми послѣдовали многочисленные переселенцы изъ южной Италіи, народность сицильян-

---

Gebirge und Felsen bewohnt, die Nähe von Gewässern liebt und als ewig jung, schön von Antlitz, in weisses luftiges Gewand gekleidet und mit langem um Brust und Schultern flatterndem Haare geschildert wird“. (Вукъ, Сербскія сказки, стр. 128 нѣм. пер.). Интересно отмѣтить, что нѣмецкому изслѣдователю не пришло на умъ видѣть въ этой сицильянской Доннѣ Виллѣ классическую Сивиллу, послужившую будто источникомъ для сербской Вилы, какъ полагаетъ почтенный академикъ Ягичъ (Archiv f. Slav. Ph. VII, 669). Мы, признаться, не видимъ никакого внутренняго родства между представленіемъ классическимъ о Сивиллѣ и современнымъ сербскимъ о Вилѣ, хотя, быть можетъ, и вѣроятно сопоставленіе, сдѣланное А. Н. Веселовскимъ: Samovila = Šembilja = Sibylla (Archiv. f. Slav. Ph. 1885, VIII, 330).

[1]) Gustav Meyer, Essays und Studien zur Sprachgeschichte und Volkskunde. Berlin 1885. III, Ueber Sprache und Literatur der Albanesen (49—91).

ская формируется въ духѣ итальянскомъ; преобладающимъ языкомъ становится южно-итальянское нарѣчіе.

При такомъ смѣшеніи расъ почти невозможно рѣшить, какой изъ народовъ, оставившихъ свои поселенія на островѣ, привнесъ наибольшую долю въ сокровищницу сицильянской поэзіи? Это тѣмъ болѣе трудно, что сицильянскія сказки, которыми однѣми мы интересуемся въ данный моментъ, не отмѣчены какимъ либо рѣзко очерченнымъ національнымъ характеромъ, но, представляя общее сходство съ сѣверно-европейскими, онѣ въ то же время очень близко подходятъ своимъ складомъ къ подобнымъ же произведеніямъ южно-европейскихъ народовъ. Въ тѣснѣйшемъ родствѣ однако онѣ находятся, какъ и слѣдовало ожидать, судя по образованію сицильянской народности, со сказками неаполитанскими и ново-греческими, при чемъ надо замѣтить, что въ нихъ, какъ и вообще въ ново-греческой поэзіи, не такъ уже часто попадаются отзвуки древне-классическихъ преданій, какъ это полагаетъ Ваксмутъ [1]). По мнѣнію Гартвига, основанному на значительной начитанности, какъ ново-греческія, такъ и испанскія, каталанскія, сицильянскія и сказки другихъ народовъ, приходившихъ въ столкновеніе съ Арабами, мало носятъ въ себѣ чертъ восточныхъ, тогда какъ имѣютъ много общаго съ произведеніями сѣверныхъ народовъ вплоть до самой Исландіи.

Такую общность мотивовъ между сказками сицильянскими и сѣверными Гартвигъ приписываетъ элементу норманнскому, игравшему видную роль въ судьбѣ народности, населяющей нынѣ Сицилію. На его долю и слѣдуетъ, въ самомъ дѣлѣ, отнести распространенное на островѣ уже около 1200 года сказаніе объ Артурѣ, по которому этотъ король появился въ пустынѣ возлѣ Этны [2]).

Однако общая точка зрѣнія Гартвига нуждается еще въ детальныхъ изысканіяхъ, могущихъ ее до извѣстной степени оправдать. Не возражая противъ ея сущности, мы не можемъ принять ее по отношенію къ нашему сюжету, усвоенному сицильянскими сказками. Сюда онъ занесенъ, несомнѣнно, изъ южной Италіи въ готовой уже формѣ неаполитанскаго разсказа. Такой разсказъ сбереженъ для насъ изъ XVII ст. въ Пентамеронѣ Джамбаттиста Базиля [3]),

---

[1]) C. Wachsmuth, Das alte Griechenland im neuen. Bonn 1864, стр. 18.

[2]) Gervasius von Tilbury, Otia Imperialia. Herausg. v. Liebknecht. Стр. 12. In Sicilia est mons Aetna.—Hunc autem montem vulgares Mongibel appellant. In hujus deserto narrant indigenae Arturum magnum nostris temporibus apparuisse etc.

[3]) Der Pentamerone oder: Das Märchen aller Märchen von Giambattista Basile. Aus dem Neapolitanischen übertragen

умершаго въ 1637 г. [1]). Народная пѣсня, разложившаяся уже въ разсказъ, послужила для него матеріаломъ, которому онъ придалъ литературную отдѣлку въ духѣ своего времени. Основы разсказа однако удержаны и переданы въ слѣдующемъ порядкѣ:

У бѣдняка Амброзіо семь дочерей, у богача Біазилло семь сыновей. Младшая дочь Амброзіо, Беллючча, соглашается остричь свои волосы, переодѣться юношей и идти въ домъ Біазилло, старшій сынъ котораго былъ боленъ и нуждался въ развлеченіи. Больной узналъ въ переодѣтой Беллюччѣ дѣвушку, и мать его, желая изслѣдовать истину, предлагаетъ дѣвушкѣ сперва *проѣхать на дикой лошади*, потомъ *зарядить мушкетъ и выстрѣлить*, наконецъ, самъ больной приглашаетъ ее *купаться съ нимъ въ морѣ;* но тутъ заранѣе подъученный *слуга приноситъ извѣстіе о болѣзни отца* Беллючча, и она уходитъ.

Въ такомъ видѣ является предъ нами нашъ сюжетъ въ литературной переработкѣ XVII вѣка. Если мы полагаемъ, что онъ перешелъ изъ Италіи въ Сицилію, то этимъ вовсе не хотимъ сказать, будто разсказъ Пентамерона служилъ образцомъ для сицильянскихъ варіантовъ, но думаемъ лишь, что таже народная пѣсня, которую мы встрѣтили на сѣверѣ Италіи, проникла на югъ этой страны, при чемъ, удаляясь отъ центра своего возникновенія, постепенно теряла свой пѣсенный складъ, превращаясь такимъ образомъ въ сказку, послужившую образцомъ какъ для автора Пентамерона, такъ и для сицильянскихъ сестеръ своихъ. Въ искусственной передачѣ Базиля нѣтъ уже возможности открыть хотя бы слабыя признаки нѣкогда бывшаго пѣсеннаго строя, но въ народномъ изложеніи сицильянскихъ сказокъ еще удержались отдѣльныя пѣсенныя строфы, дающія право думать, что и все повѣствованіе первоначально пѣлось, а не разсказывалось. Этого и можно было ожидать отъ чисто-

von Felix Liebrecht. Nebst einer Vorrede v. Jakob Grimm. Breslau 1846, I, стр. 335, N 26 „Der Knoblauchgarten“. Въ итальянскомъ изданіи: Il Pentamerone del cavalier Giovan Battista Basile. A Napole 1728. Сказка эта называется — „La serva d'Aglie“ стр. 274—281.

[1]) M. Landau, Beiträge zur Geschichte der italienischen Novelle. Wien 1875, стр. 149. Не лишено значенія для нашего взгляда и то обстоятельство, что разсказъ о дѣвушкѣ-воинѣ не встрѣчается у итальянскихъ новеллистовъ раньше XVII вѣка, охотно почерпавшихъ матеріалъ для своихъ обработокъ изъ народной традиціи, какъ это доказывается и относительно Боккаччо: M. Landau, Die Quellen des Dekameron. Stuttgart 1884“. A. Bartoli, I precursori del Boccaccio e alcune delle sue fonti. Firenze 1876, такъ что можно полагать, что самый мотивъ этотъ попалъ въ Италію сравнительно поздно.

народнаго произведенія, отличающагося отъ литературнаго большею консервативностью. Вотъ какъ излагается нашъ разсказъ въ сказкѣ „Von dem Klugen Mädchen“ (Gonzenbach, N 17, стр. 114—118), ближе другихъ стоящей къ обработкѣ Пентамерона.

Были два брата: у одного было семь сыновей, у другаго семь дочерей. Первый всегда смѣялся надъ вторымъ, говоря: „O ssu frate, voi cu setti graste, e ju cu setti spadi“ — т. е. о братъ, у тебя семь горшковъ съ цвѣтами, у меня семь мечей. Послѣдній очень огорчался этимъ и вотъ, по совѣту младшей своей дочери, умной и красивой (Belluccia въ Пентамеронѣ), предлагаетъ первому состязаніе: пусть одинъ изъ нихъ отправитъ младшаго своего сына, другой младшую свою дочь и посмотрятъ, кому изъ этихъ двухъ удастся первому украсть корону у королевича?

Въ дорогѣ юноша не рѣшился намочить своихъ ногъ, переходя рѣку. Онъ усѣлся на берегу и, черпая воду орѣховой скорлупой, началъ выливать ее на песокъ. Дѣвушка между тѣмъ, подобравъ платья, смѣло перебралась на другую сторону и, встрѣтивъ какого-то крестьянина, помѣнялась съ нимъ своимъ одѣяніемъ. Подъ видомъ крестьянскаго юноши она показалась предъ дворцемъ королевича, понравилась ему и поступила къ нему секретаремъ подъ именемъ Джованни. Бѣлыя руки дѣвушки возбудили подозрѣніе королевича и вотъ онъ обращается къ матери, говоря:

„Giovanni scrive — Modu di donna
Cu manu suttile, — Ca mi fà murire“,

т. е. Джованни пишетъ нѣжной рукой, у него видъ женщины, доводящій меня до смерти.

Мать совѣтуетъ сыну *идти съ секретаремъ въ садъ:* если онъ сорветъ фіалку, — то это дѣвушка, если розу, — то юноша. Когда это испытаніе ни къ чему не привело, мать даетъ сыну мысль *выкупаться въ морѣ вмѣстѣ со своимъ секретаремъ.* На берегу моря хитрая дѣвушка вдругъ заявляетъ, что забыла полотенца и проситъ королевича обождать, пока она ихъ принесетъ. Между тѣмъ она возвращается въ замокъ къ его матери и говоритъ, что королевичъ требуетъ немедленно свою золотую корону. Получивъ ее, она оставляетъ записку:

„Schetta vinni, — E lu figghiu ddu rè
Schetta mi nni vaju, — Gabbatu l'aju“,

т. е. дѣвушкой пришла, дѣвушкой и ухожу, а королевичъ обманутъ: и съ этимъ уѣзжаетъ къ отцу. Узнавъ въ чемъ дѣло, королевичъ пускается въ поиски за дѣвушкой и наконецъ женится на ней.

Не смотря на нѣсколько иной замыселъ, легко узнать въ приведенной сказкѣ основу выше разобранныхъ пѣсенъ. Сохранившіе-

ся стихи безспорно указываютъ на происхожденіе сказки путемъ разложенія пѣсни, послѣднія строфы которой *„дѣвушкой пришла, дѣвушкой и ухожу“* невольно заставляютъ насъ видѣть ея первоначальную родину въ суровыхъ условіяхъ боевой жизни народовъ Балканскаго полуострова, среди которыхъ безчестіе дѣвушки считается великимъ позоромъ. Подобная бытовая черта проникла вмѣстѣ съ новыми поселеніями и въ современную Грецію, въ глухихъ мѣстахъ которой еще до сихъ поръ оскорбленіе дѣвушки жестоко карается [1]). Къ этому бытовому явленію мы еще будемъ имѣть случай вернуться, теперь же послѣдуемъ за разысканіемъ нашего сюжета, который и оказывается въ сказкѣ „Von der Königstochter und dem König Chicchereddu“ (Gonzenbach, I, N 12, стр. 64—73). Въ эту весьма сложную сказку также вплетенъ нашъ мотивъ. Онъ составляетъ одно звѣно слѣдующаго разсказа.

У короля и королевы долго нѣтъ дѣтей; наконецъ, рождается дочь, которой, по словамъ предсказателя, на 14 году жизни предстоятъ разныя испытанія. Въ этомъ возрастѣ дѣвушка вдругъ сдѣлалась задумчивой и грустной и чтобы развлечь ее, король приказалъ построить колодезь, позволивъ всѣмъ приходить и черпать изъ него оливковое масло. Когда оно уже истощилось, пришла убогая старушка и начала собирать остатки масла губкой, которую затѣмъ выжимала въ свою кружку. Это разсмѣшило королевскую дочь и она въ припадкѣ веселости бросила камешекъ и разбила имъ кружку старушки. Послѣдняя произнесла на дѣвушку проклятіе: до тѣхъ поръ будешь странствовать, пока не найдешь короля Кикередду.

Съ этого момента начинается рядъ приключеній. Дѣвушка покидаетъ домъ родителей, поступаетъ сидѣлкой поочередно къ двумъ разнымъ принцамъ и избавляетъ ихъ отъ неизлѣчимой болѣзни,

---

[1]) Henri Belle, Voyage en Grèce. Paris 1881. Слѣдующими чертами характеризуетъ авторъ Маніотскихъ женщинъ: „Malgré la condition d'infériorité qui leur est faite, elles sont respectées et jamais maltraitées. L'honneur des femmes est confié à tous les hommes de la tribu, et un outrage ou une séduction est poursuivi avec une rigueur implacable. La femme séduite est mise à mort, par son mari, par son père, ses frères, par un parent même éloigné auquel la loi maniote confère ce droit de justicier. S'il s'agit d'une jeune fille, le coupable n'a qu'un moyen d'échapper à une mort certaine, c'est de l'épouser. S'il s'enfuit, fût-ce même jusqu' à Athènes, la vengeance l'y poursuivra, et on le trouvera, un jour ou l'autre, au coin d'une rue, avec un coup de couteau dans la poitrine“ (p. 328).

убивая вѣдьмъ, приходившихъ по ночамъ высасывать изъ нихъ кровь. Лишь оставляя втораго своего паціента, дѣвушка переодѣвается юношей и въ такомъ видѣ продолжаетъ свое странствованіе. Тутъ извѣстный мотивъ о дѣвушкѣ-воинѣ приспособляется къ характеру всего разсказа, при чемъ довольно точно передаются частности, развиваемыя въ пѣсняхъ, намъ уже извѣстныхъ.

Когда дѣвушка подъѣхала къ замку короля Кикередду, то этотъ послѣдній стоялъ на балконѣ. Пораженный красотою юноши онъ принимаетъ его къ себѣ на службу и дѣлаетъ своимъ секретаремъ. Маленькія руки секретаря заставляютъ короля думать, что это переодѣтая дѣвушка, и онъ обращается къ своей матери, оказывающейся вѣдьмой, за совѣтомъ, какъ открыть истину. Та предлагаетъ *сперва идти въ садъ*, думая, что дѣвушка увлечется цвѣтами и сдѣлаетъ букетъ. Когда это не удалось, то совѣтуетъ *идти купаться въ морѣ*. Будучи уже вблизи купальни, дѣвушка вдругъ заявляетъ, что она забыла полотенца и возвращается домой. Пока король ждалъ ее въ купальнѣ, она написала записку:

„Schetta vinni, Lu re Chicchereddu
Schetta mi unn' annai, Lu gabbai“,

т. е. дѣвушкой пришла, дѣвушкой и ухожу, а король Кикередду обманутъ; затѣмъ сѣла на лошадь и уѣхала къ родителямъ.

Дальнѣйшее повѣствованіе не относится къ нашей схемѣ, хотя можно указать и на то, что Кикередду въ концѣ женится на дѣвушкѣ, какъ и въ нѣкоторыхъ пѣсняхъ.

Кромѣ Пентамерона и сказокъ сицильянскихъ, сохранившихъ сюжетъ, нами разбираемый, онъ встрѣчается также, въ болѣе или менѣе измѣненномъ видѣ, въ новеллахъ итальянскихъ, записанныхъ въ разныхъ мѣстахъ полуострова изъ устъ народа.

Такъ Имбріани [1]) приводитъ слѣдующую флорентійскую новеллу (стр. 537, N XXXVII): „Fanta Ghirò, persona bella“, повторенную еще въ сборникѣ Неруччи [2]). Имя героини разсказа— Fanta или Fantina, по мнѣнію издателя, означаетъ тоже самое, что латинское слово Virago и вторая половина имени — Ghirò, очень можетъ быть, представляетъ собою ничто иное, какъ испорченную форму Virago. Содержаніе флорентійской и монталесской новеллы слѣдующее:

Въ старину былъ король, у него было три дочери: старшая Каролина, средняя Ассунтина и младшая красавица Фанта-Гиро̀.

---

[1]) Vittorio Imbriani, La novellaja Fiorentina, Fiabe e Novelline. Livorno 1877.

[2]) Gherardo Nerucci, Sessanta novelle popolari Montalesi (въ окрестностяхъ Пистойи). Firenze 1880, стр. 248, N XXVIII.

Король страдалъ неизлѣчимой болѣзнью и постоянно оставался въ своей комнатѣ, въ которой стояло три кресла: голубое, означавшее радость, черное — смерть, красное — войну.

Разъ, когда дочери вошли въ комнату къ отцу, онъ сидѣлъ въ креслѣ краснаго цвѣта. Что случилось, спрашиваетъ старшая дочь? Я получилъ письмо отъ сосѣдняго короля, отвѣчаетъ отецъ; онъ объявляетъ мнѣ войну, но я такъ боленъ, что не въ состояніи командовать войскомъ. Мнѣ нужно найти опытнаго генерала. При этомъ извѣстіи старшая дочь просится занять мѣсто командира арміи. Отецъ отпускаетъ ее въ сопровожденіи слуги, но съ условіемъ, въ силу котораго она немедленно должна вернуться домой въ случаѣ, если во время пути ей придутъ на умъ женскія занятія.

Проѣзжая мимо тростника, королевна воскликнула: „о какой прекрасный тростникъ! Если бы онъ былъ у насъ дома, сколько бы мы приготовили изъ него прялокъ“. Послѣ такого восклицанія слуга потребовалъ немедленнаго возвращенія домой.

Средняя дочь короля увлекается въ пути прутьями. „Смотри, Тонино“, говоритъ она къ слугѣ, „какіе гибкіе и прямые прутья! Если бы они были у насъ дома, сколько бы веретенъ для пряжи мы приготовили изъ нихъ“. Подобно первой и эту дѣвушку слуга заставляетъ вернуться домой.

Тогда отпрашивается на войну младшая дочь, Фанта-Гиро̀. Она переодѣвается драгуномъ, беретъ саблю, пистолеты и мундиръ и молча проѣзжаетъ мимо тростника и прутьевъ, прельстившихъ старшихъ сестеръ. Достигнувъ границы, она спѣшитъ переговорить съ враждебнымъ королемъ, оказавшимся стройнымъ юношей. У него тотчасъ возникаетъ подозрѣніе, что Фанта-Гиро̀ дѣвушка. Они идутъ во дворецъ разсуждать о причинахъ войны. Но королевичъ бѣжитъ къ матери и говоритъ:

—„Fanta-Ghirò, persona bella,
Du' occhi neri, drento la su' favella:
Carissima madre, mi pare una donzella“.—

Послѣ этого начинается рядъ испытаній. Мать совѣтуетъ вести дѣвушку сперва въ оружейную комнату: „Se lei è una donna, non le guarderà e non le vorrà toccare“. Но дѣвушка взяла саблю и попробовала ее и съ ловкостью мущины выстрѣлила изъ пистолетовъ.

Потомъ мать даетъ сыну совѣтъ пригласить дѣвушку въ садъ: „Se lei è una donna, piglierà una rosa o una viola in mano e poi se la metterà nel petto: ma, se gli è omo, vederai, che si ferma al gelsumino catalogno; e, doppo averlo annusato, se lo metterà all' orecchio“. И тутъ дѣвушка поступила подобно мущинѣ.

Однако королевичъ продолжаетъ увѣрять мать, что Фанта-Гиро̀ дѣвушка. Тогда мать даетъ третье наставленіе: „'Nvitala a desinare. Se lei piglia il pane e per tagliarlo l'appoggia al petto, è una donna; ma, se'nvece lo taglia accosì per aria, allora poi è dicerto un omo, e non vale star tanto sollevato". Когда и это испытаніе не удалось, королевичъ приглашаетъ дѣвушку спать съ собой. Она охотно принимаетъ такое предложеніе, но за ужиномъ предварительно подпаиваетъ королевича, припѣвая:

—„Bevi su, compagno,
„'N sennò t'ammazzerò:

на что тотъ отвѣчаетъ:

—„Non m'ammazzar, compagno,
„Perchen' io beverò".—

Напившись допьяна, королевичъ завалился на постель и заснулъ мертвецки, такъ что и при этомъ испытаніи не могъ узнать, дѣвушка или нѣтъ Фанта-Гиро̀.

Наконецъ, ее приглашаютъ купаться вмѣстѣ съ королевичемъ. Дѣвушка откладываетъ купанье на завтра и между тѣмъ посылаетъ слугу къ отцу своему съ просьбой прислать извѣстіе, будто бы онъ боленъ. Вѣстникъ съ письмомъ появляется какъ разъ въ моментъ, когда Фанта-Гиро̀ начала раздѣваться для купанья. Узнавъ изъ письма о мнимой болѣзни отца, дѣвушка покидаетъ королевича, уѣзжаетъ къ себѣ, но оставляетъ письмо:

—„Fanta-Ghirò,
Donna è venuta e donna se ne va,
Ma 'mperò cognosciuta il Re non l'ha".

Убѣдившись изъ него, что Фанта-Гиро̀, дѣйствительно, дѣвушка, королевичъ въ слѣдъ за ней отправляется въ ея царство и женится на ней.

Только что изложенная сказка оказывается самой подробной изъ всѣхъ извѣстныхъ итальянскихъ варіантовъ нашего сюжета. Въ ней переданы, хотя и своеобразно, всѣ звѣнья разсказа, обработаннаго въ пѣсенной формѣ у славянскихъ народовъ. Остатки нѣкогда бывшаго пѣсеннаго склада всей новеллы замѣтны еще въ тѣхъ немногихъ стихахъ, которые приведены нами выше, при чемъ и слово „donna" въ строфѣ: Donna è venuta e donna se ne va: также указываетъ на потерю первоначальнаго смысла заключительныхъ стиховъ пѣсни, которая, подобно всѣмъ варіантамъ славянскимъ и сказкамъ сицильянскимъ, по всей вѣроятности, употребляла слово donzella, оттѣняя тѣмъ черту дѣвственности дѣвушки-воина.

Въ осложненномъ видѣ нашъ сюжетъ встрѣчается еще въ итальянской новеллѣ, записанной Компаретти [1]), носящей названіе „Il Drago“ (стр. 70, N XVII). Содержаніе ея таково:

У царя и царицы не было дѣтей. Наконецъ, послѣ усердныхъ молитвъ и щедрой милостыни, царица понесла и царь немедленно велѣлъ призвать астрологовъ, съ тѣмъ, чтобы узнать у нихъ о судьбѣ имѣющаго родиться дитяти.

Астрологи отвѣтили: у царицы родится сынъ; по достиженіи двадцатилѣтняго возраста онъ женится именно въ день своего рожденія; но если онъ въ тотъ же самый день и при томъ ровно въ часъ своего рожденія не убьетъ своей жены, то превратится въ дракона.

Когда царевичъ выросъ, для него сосватали англійскую королевну. У нея была лошадка, очень ею любимая и умѣвшая говорить. Когда сватовство состоялось, королевна пошла къ своей лошадкѣ, и та сказала ей: „Bada, non ti rallegrare, sappi ch'è così e così“, и при этомъ сообщила своей госпожѣ, что было предсказано царевичу. Чтобы избѣжать бѣды, лошадка совѣтуетъ королевнѣ въ день свадьбы не садиться въ карету съ женихомъ, но ѣхать верхомъ и обѣщаетъ въ минуту опасности унести ее. Возвращаясь изъ подъ вѣнца, королевна верхомъ на своей лошадкѣ ѣхала возлѣ кареты своего мужа и замѣтила, что сидѣвшіе въ ней очень внимательно смотрѣли на часы. Вдругъ ея лошадка ударила копытомъ и вихремъ помчалась прочь. Королевна крѣпко держалась за гриву. Въ туже минуту часы показали моментъ рожденія царевича, и онъ, неуспѣвъ убить своей невѣсты, превратился въ дракона.

Такого характера завязка сказки, записанной въ Пизѣ. Далѣе слѣдуетъ извѣстный намъ разсказъ.

Королевна прибыла въ домъ какого-то крестьянина и помѣнялась съ нимъ платьемъ. Подъ видомъ крестьянскаго парня она отправилась въ городъ на своей лошадкѣ и та, остановившись предъ царскимъ дворцомъ, посовѣтовала своей госпожѣ искать мѣста у царскихъ конюшихъ. Тѣ приняли ее въ свою среду. У царя былъ сынъ, которому очень понравился новый конюхъ, возбудившій въ тоже время въ немъ подозрѣніе, что это дѣвушка.

Царевичъ и говоритъ матери: „a dirtela, mamma, sarà che mi sbagli, ma io credo che quello sia una donna“. Ты ошибаешься, отвѣчаетъ ему мать, а впрочемъ поведи его въ

---

[1]) Domenico Comparetti, Novelline popolari italiane. Torino. I, 1875.

садъ: „se lo vedi amante dei fiori, è una donna, ma se strappa un fiore e se lo mette in bocca, è un uomo".

Это первое испытаніе не удалось, хотя царевичъ сказалъ дѣвушкѣ: „Prendi pure dei fiori e fatti un mazzo", однако та, предупрежденная заранѣе своей лошадкой, отвѣтила: „Grazie, veramente poco sono amante di fiori" и при этомъ сорвала лишь одинъ цвѣтокъ и положила его въ ротъ.

Царевичъ однако не успокоился и теперь, и вотъ мать говоритъ ему: „Ebbene, fai un'altra prova: invitala a tavola a partire il pane; se vedi che se l'accosta al petto, è una donna; se lo taglia franco è un uomo". При этомъ второмъ испытаніи лошадка также помогла своей госпожѣ выйти изъ затрудненія, такъ что царевичъ и на этотъ разъ не могъ узнать истины.

Тогда мать снова говоритъ сыну: „Ebbene, ora non c'è altro che vedere se sa maneggiare le armi; prova di batterti con lei, s'è uomo o donna s'ha a vedere".

Въ третьемъ испытаніи дѣвушка была узнана, такъ какъ принуждена была сдаться вслѣдствіе усталости. Царевичъ, узнавъ, что дѣвушка-конюхъ собственно королевна англійская, женится на ней. Спустя нѣкоторое время, королевна забеременѣла, *„e ecco che viene una lettera al re che doveva andare alla guerra; ma il re era vecchio e il figlio bisognò che andasse in vece sua"*.

Такъ своеобразно измѣнена извѣстная намъ пѣсня о дѣвушкѣ, идущей на войну вмѣсто старика отца. Запѣвъ ея, или лучше сказать завязка, повѣствующая о томъ, что пришло письмо отъ царя, призывающее старика на войну, перемѣщена здѣсь въ конецъ разсказа, съ тѣмъ, чтобы оторвать царевича отъ жены и затѣмъ связать нашъ разсказъ съ повѣствованіемъ совершенно иной группы, охватывающей варіанты извѣстной фабулы о *преслѣдуемой невѣсткѣ*, куда принадлежатъ сказочные типы — „Fanciulla perseguitata" и „La fille aux mains coupées" разбору которыхъ въ новѣйшее время посвящена работа Пюймэгра [1]), развивающая подобныя же изслѣдованія Д'Анконы и А. Н. Веселовскаго.

Отсутствующему мужу сообщаютъ о рожденіи у него дѣтей. Происходитъ подмѣнъ писемъ, въ которыхъ говорится, что жена

---

[1]) Th. de Puymaigre, La fille aux mains coupées. Revue de l'hist. des Religions X, 1884, стр. 192–209. Статья эта перепечатана затѣмъ въ: Folk-Lore par le Comte de Puymaigre. Paris 1885, VI+367, 26⁰. Рецензіи книги въ: Archivio per lo Studio delle tradizioni popolari, Palermo 1885, IV, стр. 304—305, принадлежащая Salomone-Marino; другая въ Mélusine, 1884—85, II, стр. 407.

его родила не дѣтей, а щенятъ. Въ нашемъ разсказѣ подмѣнъ писемъ совершаетъ никто иной, какъ драконъ, — первый мужъ королевны. Ее бросаютъ затѣмъ въ море. Варіанты этого чрезвычайно распространеннаго разсказа были указаны многими учеными [1]). Завязкой его часто служитъ эпизодъ о томъ, что отецъ влюбляется въ свою дочь. Такъ прихотливо переплетаются въ народныхъ разсказахъ различные сказочные мотивы.

Что касается въ частности нашего мотива — о дѣвушкѣ-воинѣ, то онъ попалъ въ итальянскія новеллы и позднѣе чрезъ ихъ посредство въ средневѣковыя литературныя произведенія изъ народныхъ пѣсенъ. Такой взглядъ на средневѣковыя поэмы, захватывающія нашъ мотивъ, былъ высказанъ и А. Н. Веселовскимъ въ статьѣ, сдѣлавшейся намъ доступной лишь въ послѣднее время [2]). Намъ остается лишь замѣтить, что пѣсня, новелла и поэма представляются намъ послѣдовательными ступенями развитія того же самаго сюжета, при чемъ первыя двѣ формы его обработки, по всей вѣроятности, стоятъ въ органической связи съ образцами славянскими, вліяніе которыхъ сказалось въ двухъ направленіяхъ: пѣсня передавалась по материку съ сѣвера на югъ; сказка, возникнувъ гдѣ-то на югѣ подъ непосредственнымъ вліяніемъ полноты славянскаго варіанта, двигалась, напротивъ того, къ сѣверу. Какъ та, такъ и другая постепенно теряла свѣжесть передачи подробностей по мѣрѣ удаленія отъ своего исходнаго пункта.

Разборомъ сицильянскихъ сказокъ и материковыхъ новеллъ мы кончаемъ анализъ итальянскихъ варіантовъ нашего мотива. На сѣверѣ Италіи, какъ мы видѣли, онъ разрабатывался еще въ пѣсенной формѣ, на югѣ же, теряя свою первоначальную свѣжесть, онъ попадаетъ въ сказки, неразборчиво [3]) поглащаемый ими на ряду со всевозможнаго рода разсказами. Только изрѣдка въ сказкахъ попадаются слабые отзвуки пѣсеннаго строя, нѣкогда неразрывно связаннаго съ нашимъ мотивомъ и они то вмѣстѣ съ отмѣченной выше бытовой чертой указываютъ намъ путь, по которому шло распро-

---

[1]) Archivio per lo Studio delle tradizioni popolari. Palermo 1882, стр. 524—525, примѣчанія G. Pitrè къ „Novelle popolari Toscane“.

[2]) L'Ateneo Italiano 1866, 15 Aprile. Firenze: Le tradizioni popolari nei poemi d'Antonio Pucci (225—229).

[1]) Гартвигъ, издавая сказки Гонценбахъ, замѣчаетъ: „Auch die Aufeinanderfolge der einzelnen Thaten und Leiden des Helden einer Geschichte, die theilweise recht kaleidoskopisch aus allen möglichen Erzählungen zusammengerüttelt sind, hier genau in der Aufeinanderfolge mitgetheilt worden, wie sie in Sicilien erzählt werden“ (VIII—IX, Vorwort).

страненіе нашего разсказа въ направленіи отъ сѣвера къ югу, постепенно тускнѣя въ своемъ проявленіи. Самое яркое и самое полное выраженіе онъ нашелъ въ пѣсняхъ сербскихъ: онѣ, передаваясь съ одной стороны на востокъ, мало по малу замирали, отражаясь слабымъ эхомъ въ колядкахъ и думахъ Малороссовъ, съ другой, двигаясь на западъ и югъ, онѣ разлагались въ сказку, занесенную даже въ Сицилію и переплевшуюся тамъ многоразличными нитями съ разнаго рода мотивами.

b) Варіанты испанско-португальскіе.

Научный интересъ къ произведеніямъ народнаго слова, проявившійся впервые въ Германіи, какъ результатъ увлеченія средневѣковой романтикой [1]), раньше другихъ проникъ въ Англію [2]) и Францію, а затѣмъ сообщился и руководящимъ слоямъ національности испанской и португальской. Имена Донъ-Мануэля Мила-и-Фонтанальсъ [3]), уроженца Каталоніи, бывшаго профессоромъ въ Барцелонскомъ Университетѣ и Альмеида-Гаррета [4]), значительнаго португальскаго поэта, пользуются почетною извѣстностью въ исторіи собиранія и изученія народнаго творчества на Пиренейскомъ полуостровѣ. Къ нимъ слѣдуетъ прибавить еще имена Фердинанда Вольфа и Беллерманна, оказавшихъ важныя услуги дѣлу изученія поэзіи испанской и португальской, которая нынѣ, благодаря усиліямъ помянутыхъ ученыхъ, можетъ войти въ кругъ сравнительнаго изученія произведеній европейскихъ народовъ.

Какъ Каталонія, такъ и Португалія рано подпали вліянію Провансальской поэзіи. Она привилась при Барцелонскомъ и Лис-

---

[1]) W. Scherer, Jacob Grimm. Berlin 1865.

[2]) Ludwig Lemcke, Jahrbuch f. romanische u. englische Literatur. 1862, IV, 1. 2. 3: „Ueber einige bei der Kritik der traditionellen schottischen Balladen zu beobachtende Grundsätze“.

[3]) Don Manuel Milà y Fontanals, Observaciones sobre la poesia popular, con muestras de romances catalanes inéditos. Barcelona 1853. 4⁰. Его же: De la Poesia heroico-popular castellana. Estudio precedido de una oracion acerca de la literatura española. Barcelona 1873, XLV+490.

[4]) I. B. de Almeida-Garrett, Romanceiro, Lisboa т. I, 1853[ш]; т. II, 1851[ш]. Труды перваго даютъ превосходную характеристику народной поэзіи вообще и каталонской въ особенности, для которой приложенъ сборникъ образцовъ; второй старается привлечь вниманіе Португальцевъ къ старымъ народнымъ романсамъ, принадлежащимъ, по мнѣнію знатоковъ, къ числу лучшихъ произведеній поэтическаго искусства.

сабонскомъ дворахъ, происходившихъ отъ южно-французской династіи и подавила собою чисто народное творчество, слѣды котораго сохранились до нашего времени въ нѣкоторыхъ рукописяхъ отъ періода до XIII столѣтія. Не то было въ Кастиліи. Тамъ борьба за самостоятельное существованіе развила въ массѣ народа глубокое національное самосознаніе, нашедшее свое выраженіе въ оригинальномъ и богатомъ расцвѣтѣ народной поэзіи, культивировавшейся какъ въ высшихъ, такъ и низшихъ слояхъ населенія.

Когда около конца XV ст. всѣ народности Пиренейскаго полуострова увлеклись пыломъ религіозной борьбы и приняли общее участіе въ дѣлахъ страны, Кастильская поэзія получила широкій доступъ въ Португалію и Каталонію, гдѣ сказалась не только содержаніемъ, но и самой своей формой въ литературныхъ произведеніяхъ поэтовъ первой четверти XVI вѣка. До конца этого столѣтія было даже модой у Лиссабонскихъ дамъ и кавалеровъ распѣвать для развлеченія въ придворныхъ кружкахъ Кастильскіе романсы, которые затѣмъ, постепенно теряя расположеніе высшаго общества, переходили въ низшіе слои его и среди нихъ переработанными и уже переведенными на португальскій языкъ удержались до нашего времени въ устахъ народа.

Между тѣмъ литературный вкусъ около половины того же столѣтія началъ поддаваться вліянію школы классическо-итальянской и привелъ писателей и поэтовъ къ обработкѣ романсовъ пастушескихъ и маврскихъ, но направленіе это не увлекло за собою народа: онъ остался ему чуждъ, потому что подобнаго рода произведенія, навѣянныя модой изчужа, по словамъ Гарретта, не говорили къ сердцу народному, не возбуждали его страстей, не утѣшали его въ горѣ и не оживляли въ немъ надеждъ.

Въ періодъ вліянія кастильской поэзіи на португальскую переданъ былъ послѣдней въ числѣ многихъ другихъ народныхъ произведеній также и нашъ пѣсенный сюжетъ. О немъ въ первый разъ упоминаетъ въ XVI стол. одинъ португальскій поэтъ, по имени Жоржъ Ферреира де-Васконцеллосъ [1]) († 1585) въ своемъ сочиненіи „Aulegraphia“, дѣлая слѣдующее интересное сообщеніе.

Двое придворныхъ, Динардо Перреира и Гразидель де-Абреу, съ нетерпѣніемъ ожидая обѣденнаго часа, старались сократить скучное время остротами и музыкой. Тогда Динардо и говоритъ: „Ora poys que assi te tocarey: *O rapaz do Conde Daros*“ т. е. а теперь пропою нѣчто такое, что и тебя растрогаетъ. Поетъ:

---

[1]) S. Jorge Ferreira, Aulegraphia, Act. III, sc. I, въ изд. 1619 fol. 66.

„Pregonadas son las guerras
de Francia contra Aragon.
Cómo las haria, triste,
viejo, cano y pecador? . . .

т. е. объявлена война между Франціей и Аррагоніей. Что мнѣ дѣлать несчастному, старому, сѣдому и грѣшному?

Хотя отъ XVI ст. сохранилось всего эти четыре строфы, тѣмъ не менѣе онѣ имѣютъ большое значеніе не только для исторіи развитія португальской поэзіи вообще, но также и для нашего сюжета въ частности. Указывая несомнѣннымъ образомъ, что кастильскіе романсы были одно время въ модѣ при Лиссабонскомъ дворѣ, въ то же время онѣ даютъ намъ право думать, что и самый сюжетъ нашъ перенесенъ изъ Кастиліи въ Португалію, а не наоборотъ. Разница эта весьма значительна. Если бы переходъ поэтическихъ сюжетовъ имѣлъ обратное движеніе, изъ Португаліи въ Кастилію, то легко можно было бы предположить, что нашъ мотивъ занесенъ туда провансальскими трубадурами, произведенія которыхъ, какъ замѣчено выше, пользовались исключительнымъ господствомъ при Лиссабонскомъ дворѣ до XVI вѣка. Если бы это было такъ, то придворнымъ кавалерамъ въ Лиссабонѣ не къ чему было бы заимствовать его вторично отъ своихъ кастильскихъ сосѣдей, у которыхъ народное творчество шло независимо отъ вліянія провансальской поэзіи. Въ силу этихъ соображеній, намъ и кажется, что Нигра не правъ, утверждая [1]), будто нашъ сюжетъ распространился по Европѣ изъ Прованса въ періодъ крестовыхъ походовъ. Какъ бы то ни было, но кастильскій романсъ изъ придворныхъ сферъ Лиссабона перешелъ и въ народные слои и превратился въ довольно распространеный пѣсенный сюжетъ хотя, быть можетъ, онъ передавался въ народѣ въ нѣкоторыхъ мѣстахъ прибрежной Португаліи и независимо отъ образованныхъ классовъ. Въ первый разъ онъ напечатанъ въ Португаліи въ литературной обработкѣ И. М. да-Коста-е-Сильва (I. M. da Costa e Silva) подъ названіемъ: „Isabel ou a heroina de Aragão“ (Lisboa 1832).

Извѣстный во всей Португаліи и на Азорскихъ островахъ, романсъ этотъ носитъ разныя названія: „Dona Leonor“, „Dom João“, „Dom Carlos“ и т. д. Варіантъ съ Азорскихъ острововъ помѣщенъ у Гарретта [2]), но болѣе полный записанъ въ окрестностяхъ Лиссабона и напечатанъ въ сборникѣ Беллерманна [3]). Текстъ

---

[1]) Const. Nigra, Canzoni popolari del Piemonte. Rivista Contemporanea 1858 Torino, p. 90.
[2]) Almeida-Garret l. c. v. III, p. 65.
[3]) Fr. Bellermann, Portugiesische Volkslieder und Ro-

Гаррета переведенъ на нѣмецкій языкъ Шакомъ (v. Schack) [1]) и Фердинандомъ Вольфомъ [2]). Различія въ чтеніи во всѣхъ этихъ варіантахъ такъ незначительны, что не можетъ быть сомнѣнія относительно единства ихъ источника. Общее названіе романса „Donzella que vai à guerra“ или „A filha guerreira“ опредѣляетъ слѣдующее содержаніе.

—„Ja se apregoam as guerras
Entre França e Aragão“;

т. е. война опять объявлена между Франціей и Аррагоніей, такъ начинается романсъ у Гаррета. Нѣсколько лишь выраженій отличаютъ чтеніе Беллерманна, но такъ какъ оно полнѣе, то мы послѣдуемъ за нимъ.

„Altas guerras se apregoarão
Entre França e Aragão:
„Ai de mim que ja sou velho,
As guerras me acabarão;
Com sete filhas que eu tenho
Sem nenhum filho varão!“

т. е. великая война объявлена между Франціей и Аррагоніей: горе мнѣ старому, нѣтъ силъ для войны; есть у меня семь дочерей, но ни одного сына. Готовность замѣнить отца высказываетъ старшая дочь (*velha* у Гаррета) или по другимъ варіантамъ младшая (*pequena* у Беллерманна) и вступаетъ съ нимъ въ слѣдующаго рода разговоръ. Отецъ говоритъ поочереди, что дѣвушку узнаютъ по ея длиннымъ, бѣлокурымъ волосамъ, по ея большимъ свѣтлымъ глазамъ, по ея полнымъ плечамъ (os *hombros* mui altos) и высокимъ грудямъ (os *peitos* mui altos), по небольшимъ рукамъ и маленькимъ ногамъ, — но дочь даетъ на всѣ эти замѣчанія успокоительный отвѣтъ, обрѣзываетъ свои волосы, наряжается въ воинскіе доспѣхи и, простившись съ родными и получивъ ихъ благословеніе, идетъ на войну защищать короля—„defender el Rei Dom João“.

Переданное содержаніе наполняетъ всю первую половину пѣсни, заключительныя слова которой „defender el Rei Dom João“, по мнѣнію Беллерманна (l. c. стр. 270 пр.), являют-

---

manzen. Portugiesisch u. deutsch mit Anmerkungen herausg. Leipzig 1864. N 9, стр. 64–74.

[1]) Этотъ переводъ не попался мнѣ въ руки.

[2]) Ferdinand Wolf, Proben portugiesischer u. catalonischer Volksromanzen. Sitzungsb. d. Kais. Ak. XX, 1, 1856. Wien, съ литературно-историческимъ введеніемъ о народной поэзіи въ Португаліи и Каталоніи.

ся, очевидно, произвольнымъ прибавленіемъ въ португальской обработкѣ, стремившейся локализировать воспѣваемое повѣствованіе, прикрѣпивъ его къ событіямъ національной исторіи. Подобныя усилія со стороны народнаго творчества, направленныя къ поднятію общаго интереса къ передаваемому разсказу приноровленіемъ его къ мѣстнымъ условіямъ жизни и введеніемъ его въ рядъ историческихъ происшествій, замѣчаются повсюду.

Что касается содержанія всей первой половины разбираемыхъ португальскихъ варіантовъ, то оно, несомнѣнно, стоитъ въ генетической связи съ ходомъ разсказа въ пѣсняхъ хорватскихъ, въ которыхъ однако эти моменты дѣйствія не обратили на себя такого исключительнаго вниманія пѣвца, какъ въ обработкахъ португальскихъ. Такъ въ выше разобранной хорватской пѣснѣ изъ Промонтура (изъ „Naše sloge“ N II, стр. 10) отецъ, отправляя въ войско младшую изъ своихъ девяти дочерей, обращается къ ней:

„Sultanija, drago dite moje!
Kamo će mi žute kose tvoje?
Kamo će mi dva goluba tvoja?

т. е. куда ты спрячешь свои золотистыя косы и свои бѣлыя груди? Дочь отвѣчаетъ: золотистыя косы будутъ развѣваться по молодецкимъ плечамъ, а груди будутъ за пазухой.

Въ другой хорватской пѣснѣ изъ Быргуда (изъ „Naše sloge“ N VIII, стр. 25) тѣ же черты развиты еще подробнѣе. Также одну изъ девяти дочерей своихъ, именно младшую, отецъ спрашиваетъ:

„Aj ti Boga, draga kćerko moja!
Kako biš ti konja podkovala?
Kako biš ti Dunaj proplivala?
Kamo biš ti žute kose svoje?“

т. е. какъ ты будешь подковывать коня, какъ переплывешь Дунай и куда денешь свои золотистыя косы?

Нѣсколько похожая черта встрѣчается въ разсказѣ Пентамерона (N 26, стр. 335), гдѣ дѣвушкѣ предлагаютъ проѣхать на дикой лошади—, но это лишь отдаленное сходство, между тѣмъ какъ, за исключеніемъ этой частности, во всемъ прочемъ португальскія варіанты поразительно близко подходятъ къ пѣснямъ сербско-хорватскимъ, какъ бы минуя передѣлки итальянскія, съ которыми они имѣютъ общаго только указаніе на малыя руки и ноги дѣвушки-воина.

Перейдемъ ко второй половинѣ португальскаго варіанта. Она до нѣкоторой степени обособлена отъ первой и начинается такъ:

„Oh minha mai, minha mai,
Que eu morro de coração.—

Que os olhos de Dom Marcos
São de mulher, de homem não!"

т. е. о мать моя, мать моя, я умру отъ любви, — очи Донъ Марка — женскія очи, а не мужскія! За этимъ слѣдуютъ испытанія. Мать совѣтуетъ сыну пригласить Донъ Марка въ садъ: — если онъ дѣвушка, то изъ цвѣтовъ выберетъ розу; но онъ выбралъ, какъ разъ противное тому, что требовалось въ сицильянскихъ сказкахъ [1]), именно пахучую фіалку, замѣтивъ, что розы для женщинъ. Затѣмъ поочередно мать предлагаетъ сыну пригласить Донъ Марка на обѣдъ, думая, что если онъ дѣвушка, то усядется на рогожкѣ и свести его на рынокъ, не бросится ли онъ къ лентамъ; но сообразительная дѣвушка за обѣдомъ усаживается на высокую скамью, а на базарѣ выбираетъ кинжалъ. Наконецъ, слѣдуетъ окончательное испытаніе посредствомъ купанья. Дѣвушка уже развязала одинъ ботинокъ, когда пажъ, о которомъ раньше въ пѣснѣ не было даже упомянуто, приноситъ ей письмо съ извѣстіемъ, будто мать ея умерла, отецъ при смерти и оставшіяся дома сестры въ горѣ. При этомъ она приглашаетъ испытывавшаго ее капитана ѣхать вмѣстѣ съ нею и дома представляетъ его своему отцу, какъ будущаго его зятя, говоря:

„Sette annos andei na guerra
E fiz de filho varão.
Ninguem me conheceu nunca,
Senão o meu capitão;
Conheceu-me pelos olhos
Que por outra cousa não".

т. е. Семь лѣтъ я была на войнѣ и считалась мущиной; никто не узналъ во мнѣ дѣвушки, только мой капитанъ; онъ узналъ меня по глазамъ и ни почему другому.

Въ такомъ видѣ обработанъ нашъ сюжетъ въ пѣсняхъ португальскихъ. Намъ извѣстно, благодаря свидѣтельству Жоржа Ферреира де-Васконцеллосъ, что онѣ произошли отъ кастильскаго романса, занесеннаго въ Португалію въ XVI ст. и ни коимъ образомъ не возникли подъ вліяніемъ провансальской поэзіи. Остается предположить, что сюжетъ этотъ занесенъ въ Кастилію и при томъ до-

---

[1]) Въ примѣчаніи къ сказкѣ (Gonzenbach, N 17, стр. 116) Гартвигъ говоритъ: „Das Mädchen zieht nämlich die Nelke vor, weil sie obgleich unscheinbar, doch herrlich duftet, während der Jüngling mehr auf die Schönheit sieht. Ausserdem ist die Nelke das Zeichen der glücklichen Liebe; das Mädchen wirft ihrem Liebhaber eine Nelke herab, wenn sie seine Bewerbung annimmt".

вольно рано откуда то съ востока. Если оставить безъ вниманія характеръ общей композиціи португальскихъ варіантовъ, носящій на себѣ слѣды литературной обработки, то полнотою своего содержанія они цѣликомъ совпадаютъ съ пѣснями сербско-хорватскими: ни пѣсни итальянскія, ни сказки сицильянскія въ своей совокупности не составятъ всего содержанія варіантовъ португальскихъ, между тѣмъ какъ оно вполнѣ покрывается богатствомъ элементовъ, составляющихъ сербскій разсказъ. Единственной чисто Пиренейской чертой, внесенной въ составъ нашего разсказа, можно считать испытаніе, которому подвергается дѣвушка во время обѣда: какъ дѣвушкѣ, ей почему то слѣдовало сѣсть на рогожку; но, играя роль мущины, она сѣла на скамью. Намъ не понятенъ смыслъ этого пріема и мы не знаемъ, въ какомъ бытовомъ явленіи онъ находитъ свое оправданіе. Что же касается прочаго содержанія португальскихъ варіантовъ, то оно цѣликомъ и при томъ въ большей логической связи дано въ пѣсняхъ сербско-хорватскихъ. Поэтому, кажется, мы будемъ правы, предположивъ, что кастильскій романъ, на которомъ основаны португальскія передѣлки, вывезенъ откуда-то изъ славянскихъ земель. Но какимъ путемъ произошла передача, намъ неизвѣстно.

Количество португальскихъ варіантовъ нашей пѣсни послѣ Беллерманна и Ферд. Вольфа значительно умножено позднѣйшими собирателями, изъ которыхъ Ѳеофилъ Брага, поэтъ, юристъ, философъ и изслѣдователь въ области литературы, профессоръ Лиссабонскаго Университета съ 1872 г., нѣсколько разъ возвращался въ своихъ работахъ къ нашему сюжету.

Въ первомъ своемъ сборникѣ [1]) онъ сообщилъ три варіанта, отличающіеся достаточной полнотой, но не представляющіе какихъ либо характерныхъ особенностей въ сравненіи съ выше нами разобранными образцами Беллерманна и Вольфа. Въ своихъ взглядахъ на происхожденіе португальской поэзіи Брага оказывается послѣдователемъ Вольфа, считая вмѣстѣ съ этимъ послѣднимъ кастильскіе романсы оригиналами португальскихъ. Въ тоже время по отношенію къ нашему пѣсенному мотиву онъ принялъ теорію Нигры и старается поддержать ее фактами историческими, разъясняя ту обстановку, среди которой могла произойти передача сюжета во время крестовыхъ походовъ. Такъ онъ говоритъ: „A vinda dos Cruzados pelo Mediterraneo à Terra Santa, e o auxilio que prestaram na conquista de Lisboa, fazem crer que pelas narrações das viagens e dos arraiaes espalhassem entre

---

[1]) Romanceiro Geral. Colligido da tradicão por Teophilo Braga. Coimbra 1867.

nós essas grandes tradições cavalheirescas do cyclo carolino, que então percorriam a Europa“ (стр. 164). При этомъ онъ указываетъ на тотъ фактъ, что въ дѣйствительности нѣкоторыя произведенія средневѣковой Европы переданы въ греческую литературу въ періодъ крестовыхъ походовъ [1]. Однако поддержать эту точку зрѣнія по отношенію къ нашему сюжету онъ могъ лишь ссылкой на авторитетъ Нигры и упоминаніемъ подходящей новогреческой пѣсни у Марцеллюса, выше нами разобранной [2].

То обстоятельство, что въ старыхъ сборникахъ пѣсенъ не встрѣчается ничего подобнаго нашему мотиву, даетъ Брагѣ основаніе думать, будто онъ былъ извѣстенъ лишь въ мѣстахъ прибрежныхъ (Op. c. 164). Ничего не имѣя противъ такого вывода и даже полагая, что онъ соотвѣтствуетъ дѣйствительности, хотя намъ придется подойти къ нему совершенно съ противоположной стороны, мы тѣмъ не менѣе не можемъ согласиться со Станиславомъ Прато, подведшимъ итогъ, будто подобные факты, какъ тѣ, о которыхъ говоритъ Брага, оправдываютъ слѣдующій законъ поэтической традиціи, открытый Нигрой [3]: „Qesti canti romanzeschi comuni alle nazioni di razza latina debbono, nel dubbio, considerarsi come trasmessi e spesso originati dalla Provenza“. Уже А. Н. Веселовскій отнесся съ сомнѣніемъ къ такому предположенію Нигры, замѣтивъ [4] по поводу пѣсенъ о дѣвушкѣ-воинѣ: „Dali quali non so come risulta per il Sig. Nigra, che questo canto abbia ricevuta la sua origine in Provenza“... И на самомъ дѣлѣ оно не только не оправдывается при ближайшемъ изученіи всего круга варіантовъ нашего сюжета, но напротивъ того опровергается тѣмъ наблюденіемъ, что во Францію, какъ увидимъ ниже, проникли лишь глухіе отголоски могучей и свѣжей народной пѣсни, возникшей въ другой странѣ при иныхъ условіяхъ общественной жизни.

Сдѣлавъ эти общія замѣчанія, перейдемъ къ самымъ варіантамъ, сообщеннымъ Брагой въ приведенномъ выше сборникѣ, изъ которыхъ первый (N 3, стр. 8) носитъ названіе: „Romances de D. Martinho de Avizado“ (Versão da Beira-Baixa). Такъ какъ и два послѣдующихъ: „Dom Martinho“ (N 4, стр. 11,

---

[1]) Ch. Gidel, Études sur la littérature grecque moderne. Paris 1866.

[2]) См. стр. 33.

[3]) Romania 1884, стр. 278—280. Stanislao Prato въ указаніи параллелей къ шестой и седьмой балладамъ изъ сборника Fleury; Littérature orale de la Basse-Normandie. 1883.

[4]) L'Ateneo Italiano 1866, 15 Aprile, стр. 226.

Variante da Beira-Baixa) и „Dom Barão“ (N 5, стр. 15, Variante da Foz) ровно ничѣмъ не различаются между собой, развѣ лишь отдѣльными выраженіями, то для нашей цѣли достаточно остановиться съ нѣкоторымъ вниманіемъ на первомъ изъ нихъ; но такъ какъ и этотъ послѣдній не представляетъ замѣтной разновидности съ разобранными нами чтеніями Ферд. Вольфа и Беллерманна, то мы ограничимся лишь для подтвержденія своихъ словъ приведеніемъ его вступленія и конца. Начинается онъ такъ:

— „Grandes guerras 'stão armadas
Entre França e Aragão!
Mal o hajas tu mulher,
Mais a tua criação;
Sete filhas que tiveste
Sem nenhuma ser varão!“

т. е. точно также, какъ и другіе, извѣстные уже намъ варіанты. Затѣмъ старшая дочь (velha), какъ у Вольфа, ведетъ бесѣду съ отцомъ, снаряжаясь въ войско, и на его вопросъ:

—„Filha, se fores á guerra
Como te lá chamarão?“

отвѣчаетъ: „Dom Martinho de Avizado,
Filho do Rei Dom João“.

Какъ во всѣхъ прочихъ португальскихъ варіантахъ, такъ и здѣсь пѣсня распадается на двѣ половины, плохо связанныя между собою, выдавая тѣмъ процессъ преднамѣренной обработки со стороны литературно образованнаго поэта, забывшаго или незнавшаго первоначальной фабулы въ ея исконной свѣжести и естественной послѣдовательности.

Вторая часть пѣсни, дѣлая неожиданный переходъ, начинается такъ:

„Ai minha mãi que me morro,
Morro-me do coração;
Os olhos de Dom Martinho,
Mi madre, matar-me hão,
O corpo tiene de hombre,
Os olhos de mulher são“.

Послѣ такого признанія сына — мать совѣтуетъ прибѣгнуть къ испытаніямъ, состоявшимъ въ томъ, что дѣвушку зовутъ поочередно за столъ (Que vá comvosco jantar), на рынокъ (enfeirar), спать (dormir) и купаться (nadar). Недостаетъ лишь испытанія цвѣтами въ саду. При послѣднемъ испытаніи, какъ это обыкновенно, дѣвушка получаетъ печальныя извѣстія изъ дома и уѣзжая говоритъ къ влюбленному въ нее юношѣ:

„Venha a casa de meu pai

Se commigo quer casar.
Sete annos andei na guerra,
Sete annos por capitão,
Sem ninguem me conhecer
Se eu era mulher ou não".

Очевидно, различіе всѣхъ варіантовъ португальскихъ между собою незначительно, между тѣмъ какъ общій характеръ ихъ композиціи обличаетъ единство ихъ первоисточника, восходящаго въ своей литературно-искусственной формѣ къ извѣстнымъ намъ народно-сказочнымъ сицильянскимъ образцамъ. Несомнѣнность такого вывода будетъ для насъ очевидной, когда мы познакомимся съ новыми португальскими варіантами, обнародованными тѣмъ же Брагой во второмъ его сборникѣ, обнимающемъ народныя пѣсни, записанныя на Азорскихъ островахъ [1]). Происходящія отсюда обработки нашего сюжета связываютъ нѣкоторыми своими чертами подобные же изводы португальскіе и сицильянскіе.

Такъ „Romance de Dom Varão" (N 11, стр. 211, I Versão da ilha de S. Jorge-Ribeira do Nabe), не разнясь своимъ складомъ и передачей подробностей отъ варіантовъ, записанныхъ на материкѣ, представляетъ интересную особенность по отношенію къ нимъ въ своихъ послѣднихъ строфахъ.

При послѣднемъ испытаніи дѣвушка начала уже раздѣваться для купанья и вдругъ заговорила:

„Oh que novas, oh que novas
Me acabaram de chegar!
Que meu pae que era morto,
Minha mãe para acabar.
Acompanhe-me, acompanhe-me
Se quereis-me acompanhar;
Sete annos servi el-rei
Em palacio a brigar!
Virgem vim, e virgem vou
O filho do rei como asno ficou;
Se quizer casar commigo,
Siga-me por onde eu vou".

Какъ только что подчеркнутыя нами строфы, такъ и конецъ втораго варіанта съ Азорскихъ острововъ (стр. 215, N 12: „Donzella guerreira", — II, Variante dos Rosaes—) служитъ для насъ путеводной нитью при установленіи генетической

---

[1]) Th. Braga, Cantos populares do Archipelago açoriano. Porto 1869.

связи между португальскими и сицильянскими изводами нашего мотива. При конечномъ испытаніи и здѣсь мы встрѣчаемъ такое мѣсто:

„Dom Varão (дѣвушка) como discreto
Em bragas se foi botar;
Levou-o lá tanto fóra
Arriscado a o matar.
Viu um barquinho na agua
Começou de navegar:
„*Donzella vim, e donzella vou,*
O filho do rei como asno ficou".

Эти строфы, не встрѣчающіяся въ другихъ португальскихъ варіантахъ, дальше ушедшихъ отъ своего первоисточника, совпадаютъ дословно съ подходящими мѣстами въ сицильянскихъ сказкахъ, выше нами отмѣченными. Но въ то же время какъ первая мысль — „дѣвушкой пришла, дѣвушкой и ухожу" —, такъ и вторая — „а королевичъ остается обманутымъ осломъ" — не принадлежатъ къ основнымъ нитямъ ни въ разсказахъ сицильянскихъ, ни въ пѣсняхъ азорскихъ, нисколько не вытекая изъ внутренняго развитія интриги и не оказывая ровно никакого воздѣйствія на ходъ всего повѣствованія, прямо противоположно тому, что наблюдается въ произведеніяхъ славянскихъ, въ которыхъ съ особой выразительностью отмѣчается черта дѣвственности героини разсказа и часто цѣлью ея переодѣванія оказывается необходимость перехитрить своего противника. Эти двѣ характерныя мысли какъ бы приросли къ остову фабулы и въ силу народно-поэтической инерціи, обусловливающей собою глубокіе архаизмы въ устныхъ произведеніяхъ, были переданы вмѣстѣ съ нашимъ мотивомъ, несомнѣнно, изъ славянскихъ земель, быть можетъ, при посредствѣ Албанцевъ [1]) въ Сицилію или южную Италію и отсюда уже на Азорскіе острова. Дальнѣйшее распространеніе пѣсни по материку въ народности испанско-порту-

---

[1]) Dora d'Istria, La Nationalité albanaise d'après les chants populaires. Revue des Deux Mondes 1866, т. 63; Dorsa, Poesia popolare въ „Su gli Albanesi ricerche e pensieri". Napoli 1847; Crispi, Пѣсни сицильянскихъ Албанцевъ въ сборникѣ Vigo, Canti popolari Siciliani. Canta 1849, второе изданіе 1870–71. У Криспи и у Дорсы есть пѣсня, приведенная у Доры Дистріи (385), въ которой развивается сюжетъ объ отсутствующемъ мужѣ въ теченіи 9 лѣтъ, 9 мѣсяцевъ и 9 дней и молодой женѣ его, собирающейся, наконецъ, выйти замужъ за другаго. Мужъ возвращается однако во время и надѣваетъ женѣ кольцо на палецъ; та признаетъ его. Мотивъ, какъ извѣстно, усвоенный и русскими былинами.

гальской, естественно, обозначается выпаденіемъ строфъ, бывшихъ механически уже привязанными къ обработкамъ сицильянскимъ и азорскимъ, но причинно-внутреннимъ образомъ спаянныхъ съ ходомъ дѣйствія въ образцахъ славянскихъ.

При такомъ взглядѣ на распространеніе нашего мотива по южно-романскимъ землямъ оправдывается и тотъ выводъ Браги, что традиція эта была извѣстна въ Испаніи и Португаліи лишь въ мѣстахъ прибрежныхъ [1]), куда, конечно, ей легче всего было попасть съ острововъ. При нашемъ мнѣніи легко будетъ понять, почему азорскіе варіанты полнѣе образцовъ, записанныхъ на материкѣ, какъ это признаетъ и Брага, замѣчая: „As duas versõas que apresentamos são notaveis pela graça pittoresca, e em tudo superiores ás lições do continente“ (l. c.).

Если это такъ, то теряютъ свою силу доводы Браги, направленные къ поддержанію теоріи Нигры, будто мотивъ нашъ занесенъ крестоносцами во всѣ прочія романскія страны изъ Прованса. Такую роль должны были играть, по домыслу Браги, французскіе рыцари, помогавшіе Альфонсу Энриквецу (Alfonso Enriquez) добывать Лиссабонъ и затѣмъ прослѣдовавшіе вмѣстѣ съ нимъ въ Св. Землю.

Не находя въ этомъ историческомъ фактѣ никакихъ точекъ соприкосновенія съ условіями передачи нашего мотива, мы не отрицаемъ значенія той общественной обстановки, которая могла пробудить въ народѣ вниманіе и сочувствіе къ произведеніямъ изъ нашего круга. Къ ней, по справедливости, относится исторія Антоніи Родригецъ (Antonia Rodriguez), сражавшейся на востокѣ въ качествѣ простаго солдата, какъ это разсказывается въ Theatro heroico di Froez Perym, t. I, p. 54 и въ книгѣ Duarte Nunes, Descripçao de Portugal, c. 89, p. 346, ediz. 1785. На ряду съ этой португальской героиней Прато [2]) припоминаетъ еще имя подобной же знаменитости испанской, извѣстной Каталины Эраусо, сдѣлавшейся предметомъ комедіи Монтальвана [3]) и приводитъ имена двухъ героинь итальянскихъ, Элеоноры д'Арбореа и Екатерины Сесураны.

Каталина Эраусо была солдатомъ и слыла подъ именемъ „Monja-alferez“ — монахиня-знаменосецъ. Она сама описала свои приключенія, изданныя Don Joaquim Ferrer и переведенныя на нѣмецкій языкъ полковникомъ von Schepeler (Aachen u. Leip-

---

[1]) Th. Braga, Op. cit. стр. 410—412.

[2]) Romania, 1884, стр. 160.

[3]) Don Juan Perez de Montalban. О его произведеніи упоминаетъ Gil Gonzalez Davila въ Истріи Филиппа III.

zig 1830). M. A. de la Tour написалъ цѣлое изслѣдованіе о „Monja-alferez“ въ своей книгѣ: Valence et Valladolid, p. 213 и сл.

Въ виду общаго интереса подобныхъ явленій мы остановимся на нихъ съ нѣкоторымъ вниманіемъ и дополнимъ указанія Прато. Значительное количество такихъ фактовъ собрано Стриккеромъ [1]) изъ исторіи многихъ европейскихъ народовъ. Вотъ какъ онъ передаетъ біографію Эраусо.

Она родилась въ 1580 г. въ землѣ Басковъ; въ 1602 г. она бѣжала изъ своего монастыря, переправилась затѣмъ въ Америку и участвовала въ сраженіи при Paicabi въ качествѣ знаменосца, потомъ была въ битвѣ при Puren въ 1608 г. и при Callao въ 1615 году. Въ 1624 г. она вернулась назадъ въ Испанію, а въ 1625 г. издала свою автобіографію. Переодѣваясь воиномъ, она носила разныя имена и, будучи разъ тяжело раненой въ Перу, она была узнана. Помимо 15-лѣтней службы въ войскѣ, за которую ей былъ данъ пенсіонъ въ 500 піастровъ, она счастливо выдержала также безсчетное число поединковъ и убила многихъ изъ своихъ противниковъ.

У всѣхъ народовъ въ моментъ одушевленной борьбы за независимость можно найти примѣры отважнаго мужества со стороны дѣвушекъ, бравшихся за оружіе для спасенія отечества. Такъ у Испанцевъ извѣстна еще Августина „Дѣвушка изъ Сарагоссы“, достигшая своею храбростью степени офицера и получившая орденъ. Она умерла въ Цеутѣ въ 1805 г.

Изъ періода болѣе отдаленнаго въ исторіи Испаніи на ряду съ энергичными защитницами Сагунта и Нумантіи можно еще указать на Марію Пачеко (Pacheco), жену казненнаго Карломъ V въ 1521 г. Juan de Padilla, отстаивавшую Толедо въ теченіе шести мѣсяцевъ противъ королевскихъ войскъ.

У ближайшихъ сосѣдей Испаніи, у Итальянцевъ, женщины упоминаются при защитѣ St. Bonifacio въ Корсикѣ противъ Альфонса Аррагонскаго въ 1420 г. Маргарита Бобіа изъ знатной корсиканской фамиліи руководила защитой города. Она приказала бросать огромные камни на Испанцевъ, взбиравшихся на стѣны и затѣмъ сама сдѣлала вылазку. Женщины обливали непріятеля кипящей водой, растопленнымъ масломъ и смолой. Желая обмануть враговъ, онѣ въ военныхъ доспѣхахъ расхаживали по стѣнамъ

---

[1]) W. Stricker, Die Amazonen in Sage u. Geschichte. Berlin 1868 (1—40 стр. выпуска 61-го Wissenschaftliche Vorträge, изд. von Virchow u. Holzendorf).

города (Platen по Cyrnaeus въ своей „Geschichte des Königreichs Neapel“ V, 106 и сл.).

Упомянутая уже выше Екатерина Сегурана въ 1543 г. мужественно защищала Ниццу противъ турецкихъ морскихъ разбойниковъ. Коломба Антоніетти изъ Foligno, имѣя всего 21 годъ отъ рожденія, сопровождала своего мужа, Людвига Порціо, полковника римской республики, въ походахъ, и участвовала въ бояхъ. Она сражалась при Velletri (19 мая 1849 г.) и пала при защитѣ Рима противъ Французовъ на бастіонѣ St. Pancrazio 13 Іюня, произнося: „Viva l'Italia!“ (G. V. Hochstetter, Tagebuch aus Italien 1849. Zürich 1851).

Жена Гарибальди также сопровождала своего мужа во время отступленія изъ Рима. Одѣтая въ темно-зеленую амазонку въ калабрійской шляпѣ съ перьями на чаломъ конѣ она въ минуту опасности защищалась легкой кавалерійской саблей, служившей ей уже раньше въ Америкѣ.

При всемъ томъ не слѣдуетъ придавать подобнымъ фактамъ значенія, котораго они не имѣли въ судьбѣ нашего мотива. Они, быть можетъ, способствовали возникновенію литературныхъ типовъ, какъ Камилла въ Энеидѣ и Клоринда въ Освобожденномъ Іерусалимѣ; они, очень можетъ быть, привлекли вниманіе литераторовъ или, вѣрнѣе сказать, придворныхъ пѣвцовъ къ народнымъ произведеніямъ нашего сюжета, но дальше этого ихъ вліяніе, безъ сомнѣнія, не простиралось.

Подобные факты часто можно встрѣтить въ исторіи и другихъ народовъ. У Поляковъ не рѣдко женщины участвовали въ самыхъ смѣлыхъ предпріятіяхъ; у насъ извѣстна героиня отечественной войны, Дурова; у современныхъ Грековъ прославляются подвиги Бабулины, дѣятельницы періода борьбы за независимость. Однако всѣ подобныя историческія личности, сдѣлавшись предметомъ драмы или романа, не оказали воздѣйствія на народное творчество, закончившееся въ своемъ развитіи въ періодъ болѣе ранняго общественнаго состоянія. Личности эти могутъ считаться героями національными, но не народными, такъ какъ въ большинствѣ случаевъ онѣ вовсе неизвѣстны народу, но составляютъ сюжетъ литературной обработки [1]). События общенародной жизни и дѣятельности, относящіяся болѣе прямымъ путемъ къ словеснымъ произведеніямъ нашей схемы, отчасти были уже нами указаны, а отчасти будутъ еще отмѣчены позднѣе.

---

[1]) Такъ извѣстной Шарлоттѣ Кордэ, убившей Марата, посвящено 37 драматическихъ произведеній, а Жаннѣ Даркъ 59: Feuilleton Frankfurten Zeitung N 179 Morgenblatt 28 Juni 1886.

Изъ произведеній чисто народныхъ, возникшихъ на почвѣ описываемыхъ явленій, у Итальянцевъ извѣстна лишь одна пѣсенка изъ XIII ст., сообщенная лѣтописцемъ Вилляни [1]) и перепечатанная Данконой [2]), посвященная воспоминанію о томъ, какъ женщины защищали Мессину. Вотъ она:

„Deh, com' egli è gran pietate
Delle donne di Messina,
Veggendole scapigliate
Portando pietre e calcina!
Dio gli dea briga e travaglio
Chi Messina vuol guastare“.

Ясно, что это историческая пѣсня, другихъ же памятниковъ о дѣвушкѣ-воинѣ ни испанскій, ни итальянскій народъ не создалъ.

Итакъ, при общепризнанномъ вліяніи французской и провансальской поэзіи на итальянскую можно было бы вмѣстѣ съ Нигрой думать, что оригиналъ нашей пѣсни попалъ въ Италію изъ Прованса, передавшаго его равнымъ образомъ и на Пиренейскій полуостровъ. Однако отсутствіе французскихъ текстовъ нашей пѣсни всецѣло подрываютъ выставленную гипотезу. Съ другой стороны самъ Нигра [3]) не находитъ слѣдовъ передачи испанско-португальскихъ произведеній въ Италію, такъ что и оттуда нашъ мотивъ не могъ попасть къ Итальянцамъ. Въ тоже время онъ замѣчаетъ: „In tutte le canzoni poi, di qualsiasi categoria, storiche, romanesche, domestiche, ad accezione di qualche caso sporadico, che sarà notato, ove si produca, non troviamo traccia d'origine latina, o greca, o germanica, o tanto meno araba“ (Op. c.).

О возможности заимствованія славянскихъ произведеній ученый авторъ даже не упоминаетъ. Между тѣмъ сдѣланный нами анализъ собранныхъ варіантовъ приводитъ къ убѣжденію, что не только самый мотивъ, но даже цѣльныя славянскія произведенія изъ круга нашего разсказа усвоены какъ итальянской народной поэзіей, такъ и испанско-португальской.

---

[1]) La cronica di Giovanni Villani. Изд. Cel. Durando. Torino 1880. Vol. III, lib. VII, cap. 68.

[2]) A. D'Ancona, La poesia popolare italiana. Livorno 1878, стр. 8.

[3]) Nigra, La poesia popolare italiana. Romania 1876, стр. 445—447.

VIII.

Спорадическія отраженія разсказа о дѣвушкѣ-воинѣ.

Какъ въ своемъ простомъ видѣ, такъ и въ осложненномъ пѣсни о дѣвушкѣ-воинѣ, по своему содержанію — повѣствовательному или разсказывающему и по своему изложенію — обстоятельному и прибѣгающему къ повтореніямъ, относятся къ отдѣлу народно-эпическихъ произведеній, связанныхъ съ одной стороны съ бытомъ, съ другой съ литературными произведеніями. Въ такомъ характерѣ этихъ продуктовъ народнаго творчества мы находимъ новое основаніе для того, что бы отвергнуть самымъ положительнымъ образомъ теорію Нигры касательно ихъ происхожденія.

Единственнымъ основаніемъ для созданія высказанной Нигрой гипотезы могло служить лишь необыкновенно яркое развитіе литературной дѣятельности, наблюдаемое въ южной Франціи въ теченіе одного столѣтія, начиная съ первыхъ годовъ XII ст. до крестоваго похода противъ Альбигойцевъ. Этотъ недолгій промежутокъ времени считается золотымъ вѣкомъ поэзіи трубадуровъ [1]). Вліяніе ихъ на сосѣднія романскія страны было огромное: въ Ломбардіи и Каталоніи усердно слѣдовали ихъ литературной манерѣ въ созданіи легкихъ лирическихъ пѣсенъ, при чемъ пользовались даже языкомъ своихъ руководителей. Послѣ жестокаго пораженія, нанесеннаго крестоносцами богатымъ провинціямъ южной Франціи, большая часть трубадуровъ искала пріюта въ Аррагоніи, въ Кастиліи и въ Италіи, и въ этихъ земляхъ провансальская поэзія блеснула своимъ

---

[1]) P. Meyer, de l'Influence des Troubadours sur la poésie des peuples romans. Romania, V, 1876 (257—268).

послѣднимъ блескомъ, тогда какъ у себя на родинѣ она медленно угасала, съ тѣмъ чтобы не оправиться уже никогда отъ нанесеннаго ей удара.

Къ концу XIII ст. исчезли въ Провансѣ послѣдніе слѣды нѣкогда могучаго искусства лирической пѣсни. Ея мѣсто постепенно начали занимать новые роды поэзіи — новелла, легенда и романъ, пришедшіе съ сѣвера Франціи. Жителямъ южной Франціи съ ея роскошной поэтической природой при ихъ сравнительно высшемъ интеллектуальномъ развитіи эпическія пѣсни, существовавшія на сѣверѣ, были чужды. Характеръ южанъ былъ переработанъ уже въ обстановкѣ высшей гражданственности и рѣзко отличался отъ привычекъ сѣверянъ. Вотъ почему еще и теперь поется поговорка: „Les Francs à la bataille, les Provençaux aux vivres!“ [1]). При такихъ условіяхъ жизни на сѣверѣ слагался національный эпосъ, на югѣ замирала лирика [2]). Но прежде чѣмъ угаснуть окончательно, она передалась сосѣднимъ романскимъ народамъ, у которыхъ мы въ настоящее время находимъ эпическія пѣсни разбираемаго нами круга. Очевидно, эти послѣднія ничего общаго не имѣютъ съ провансальской лирикой, пѣвшей о любви и анализировавшей внутреннія душевныя движенія. При томъ, насколько извѣстно, эпическій мотивъ о воинственной женщинѣ вовсе не встрѣчается въ поэзіи провансальской [3]). Если бы мотивъ нашъ какъ либо случайно, такъ сказать со стороны, примкнулъ къ литературному потоку, увлекшему его вмѣстѣ съ лирической поэзіей изъ Франціи на южные полуострова, то трудно допустить, чтобы на мѣстѣ его первоначальной родины не сохранилось болѣе яркихъ слѣдовъ его прежняго существованія, чѣмъ тѣ, какіе открываются нынѣ изслѣдователями и собирателями народно-поэтическаго творчества Французовъ. Вообще еслибы сюжетъ этотъ былъ разработанъ въ народной поэзіи французской, то, несомнѣнно, отразился бы на характеристикѣ женскихъ типовъ французскаго эпоса [4]), подобно тому, какъ это замѣчается въ эпосѣ нѣмецкомъ, особенно русскомъ, а также и византійскомъ. Между тѣмъ лишь въ одномъ средневѣко-

---

[1]) Уже въ 1110 г. пѣли по улицамъ „Franci ad bella, Provinciales ad victualia“. Gesta Tancredi, гл. LXI, приведено у Edélestand du Méril, Poésies populaires latines du Moyen Age. Paris 1847, стр. 5.

[2]) L. Gautier, Les Épopèes françaises, 2 édit. 1878, т. I, стр. 130.

[3]) Birch-Hirschfeld, Ueber die den provenzalischen Troubadours des XII und XIII Jahrhunderts bekannten *Epischen Stoffe*. Leipzig 1878.

[4]) Graevell, Die Charakteristik der Personen im Rolandsliede. Heilbronn 1880.

вомъ французскомъ произведенiи попадается женскiй типъ съ характеромъ воинственнымъ; но и онъ, какъ оказывается, развился подъ непосредственнымъ влiянiемъ итальянскихъ книжныхъ источниковъ [1]). Такимъ образомъ произведенiя, нашедшiя такой громкiй отголосокъ въ устной поэзiи многихъ европейскихъ народовъ, какъ пѣсни изъ нашего круга, не могли бы исчезнуть вмѣстѣ съ трубадурами, еслибы они коренились въ быту и психикѣ французскаго народа и были бы созданы его поэтическимъ генiемъ. То, что произведено этимъ послѣднимъ, сдѣлалось извѣстнымъ въ наше время, благодаря многимъ труженикамъ на поприщѣ такъ называемой Folk-Lore литературы.

Матерiалы, ими представляемые, раскрываютъ предъ нами крайне интересный фактъ изъ области демопсихологiи, состоящiй въ томъ, что при разныхъ бытовыхъ условiяхъ, но по поводу сходныхъ явленiй жизни французскiй народъ создалъ произведенiя, приближающiяся къ тѣмъ, какiя были наблюдаемы нами у южныхъ Славянъ. Конечно, произведенiя эти лишь сходны, параллельны съ тѣми, какiя оказались у Болгаръ и Сербовъ, но не тожественны съ ними, такъ какъ культурное развитiе этихъ народовъ различно, что по необходимости повсемѣстно накладываетъ свою печать на чисто народныя созданiя. Взгляды и понятiя у этихъ народностей сложились не одинаково, условiя общественной и политической жизни у нихъ различны, положенiе женщины и ея характеръ сильно уклоняются въ противоположныя стороны, такъ что при разработкѣ хотя бы въ основѣ до нѣкоторой степени сходнаго бытоваго явленiя обнаруживаются коренныя различiя быта и духа каждаго изъ этихъ народовъ.

Бытовое явленiе, которое мы имѣемъ въ виду, есть тотъ

---

[1]) G. Paris, Histoire poétique de Charlemagne, 1865, стр. 185: „Berte au grand pied“ (Reali VI, 1—17). „Un trait qui appartient à l'imitateur italien et qui est des plus malheureux, c'est d'avoir fait de la douce Berte *une virago:* c'était, dit-il (c. I) *la più forte cavalcatrice di tutte le donne del mondo.* Et quand les Mayençais viennent l'attaquer, elle s'arme, prend une lance et se bat à outrance avec l'un d'eux: *ma se ella l'uccise nol so,* remarque le judicieux conteur“ (c. 16). У итальянскихъ писателей, обработывавшихъ сюжеты французскiе, часто выводятся на сцену женщины. Такъ у Пульчи (op. c. 196)—La belliqueuse reine *Antea,* qui veut combattre Charlemagne“ . . .; La bella *Meridiana,* chez laquelle la valeur n'exclut pas la grâce; *Rovenza au marteau* героиня романа, въ которомъ *Renaud* побѣждаетъ *la terrible Sarrasine* (op. c. 197); у предшественника Арiосто Боярдо также зауряду встрѣчаются „Sarrasines et chrétiennes combattant mieux que des hommes“ (op. c. 200).

фактъ, что дѣвушка идетъ на войну. Случаи такого рода весьма не рѣдки въ позднѣйшей исторіи французскаго народа и возникшія въ слѣдъ за этими событіями словесныя произведенія, оправдываютъ, какъ нельзя болѣе, нашу точку зрѣнія на ту связь, какая существуетъ между пѣснями нашего круга у южныхъ Славянъ и указанными въ началѣ нашего труда явленіями ихъ бытовой жизни.

Разсмотримъ теперь, что даетъ намъ исторія французскаго народа и въ какомъ духѣ безыскусственная поэзія отразила въ себѣ событія дѣйствительности?

Кромѣ извѣстной Жанны Даркъ, оказавшей изумительные подвиги мужества, у Французовъ можно еще отмѣтить имена многихъ дѣвушекъ, или искавшихъ военной славы, или вынужденныхъ обстоятельствами браться за оружіе. Такъ въ 1472 г. Жанна Гашеттъ съ женщинами защищала городъ Безансонъ, въ то время какъ мущины бѣжали изъ него. Луиза Лабе, названная „la belle cordière“, просто изъ любви къ приключеніямъ, избрала военную карьеру. Она родилась въ Ліонѣ въ 1526 или 27 году, а въ 1543 подъ именемъ капитана Loys принимала участіе при осадѣ Перпиньяна.

Во время французской республики и послѣдующей имперіи весьма часто женщины вступали въ ряды войскъ. Такъ Марія Шеллинкъ, родившаяся въ 1756 г., сдѣлалась солдатомъ въ 1792 г. и въ томъ же году была шесть разъ ранена, продолжала однако походы въ Германію и, подъ Аустерлицемъ получивъ тяжелую рану, была открыта. Наполеонъ произвелъ ее въ лейтенанты и пожаловалъ ей крестъ своего собственнаго легіона. Она получила потомъ пенсію и умерла въ 1840 году 1 Сентября.

Вандеянка Рене Бордеро, потерявъ во время революціи 42 человѣка изъ своихъ родныхъ, послѣ того какъ отецъ ея былъ казненъ, сама поступила въ ряды воиновъ, сдѣлалась драгуномъ и при Санъ-Ламбертѣ убила четырехъ республиканцевъ. Республиканское правительство оцѣнило ея голову въ 1000 франковъ. Послѣ реставраціи Людовикъ XVIII пожаловалъ ей орденъ. У Стриккера [1]) приведены еще краткія біографіи многихъ подобныхъ воиновъ-женщинъ изъ послѣднихъ французскихъ войнъ. Такъ Александринъ Роза Лауракъ, рожденная Борро, въ 1793 г. вступила вмѣстѣ съ своимъ братомъ и мужемъ въ ряды пиренейской арміи и третьей взошла на шанцы Аллокви. Бретонъ-Добль служила въ великой арміи въ 1805 г. и достигла званія сержанта. Екатерина Ромеръ была ранена при Ваграмѣ, затѣмъ участвовала въ походахъ испан-

---

[1]) W. Stricker, Die Amazonen in Sage u. Geschichte. Berlin 1868, 61-ый выпускъ Wissenschaftliche Vorträge.

скомъ и алжирскомъ. Особаго разнообразія полна судьба Регулы Энгель, напечатавшей свои воспоминанія, извлеченія изъ которыхъ помѣщены въ Mag. für Litter. des Auslandes за 1855 годъ. Наконецъ Анжелика Дюшеменъ, сдѣлавшаяся сержантомъ, и Тереза Суттеръ, сражавшаяся при Ватерлоо, принадлежатъ также къ сподвижникамъ великой арміи.

Помимо приведенныхъ фактовъ можно указать еще на два слѣдующихъ разсказа, о которыхъ упоминаетъ Станиславъ Прато [1]). Какой то Питре Шевалье описалъ приключенія бреттонки Матурины. Она отправилась на войну вмѣсто своего брата и совершила компаніи 1812, 1813 и 1814 годовъ (Musée des Familles, 2-e série, t. V, pag. 189). Такого же рода событіе извѣстно изъ жизни искательницы приключеній, Сильвіи Маріетти. Она равнымъ образомъ замѣнила брата на войнѣ (Figaro 20 Окт. 1879 г.).

Подобныя явленія жизни не остались незамѣченными народной пѣсней уже потому, что они не могли повторяться особенно часто и тѣмъ какъ бы притупить общественное вниманіе. Какъ выходящее изъ ряда обыденнаго событіе такое послужило сюжетомъ для пѣсни, варіанты которой въ наибольшемъ числѣ собраны Смитомъ [2]). Ему было извѣстно двѣнадцать пѣсенъ, но большинство ихъ до такой степени было испорчено или вслѣдствіе недостатка памяти у пѣвца или его подновленіемъ, что собиратель нашелъ возможнымъ напечатать лишь пять изъ нихъ, заявляя при этомъ, что число варіантовъ можетъ быть значительно увеличено. Смиту, по всей вѣроятности, не были извѣстны выше указанные факты изъ жизни французскаго народа. Поэтому онъ предполагаетъ, будто подобныя пѣсни или восходятъ къ тому періоду, когда воспѣваемыя ими явленія были особенно часты въ обыденной жизни, или напротивъ того свидѣтельствуютъ объ особомъ вкусѣ данной эпохи, не могшей возвести въ легенду разсказы, значительно удаленные отъ дѣйствительности, или наконецъ, народъ просто унаслѣдовалъ эти произведенія отъ высшаго класса, вкусы котораго по необходимости переходятъ въ массу.

Что касается насъ, то мы смотримъ на пѣсни французскія, какъ на отраженіе дѣйствительности. Такой взглядъ оправдывается уже тѣмъ, что побужденія, влекущія дѣвушку на войну, крайне разнообразны. Разсмотримъ содержаніе пѣсенъ. Въ первой изъ нихъ у Смита говорится слѣдующее:

---

1) Romania, XIII, 1884, стр. 160 и слѣд.

2) Revue des Langues Romanes, 3-e série, t. IV, 1880, стр. 5—10 „Fammes-soldats", Chamons populaires. V. Smith.

„Фаншонъ, моя Фаншонъ, — надо идти на войну; мы отправимся на зарѣ, мы послѣдуемъ звукамъ барабана, ты тамъ будешь гораздо счастливѣе. — Что скажутъ мои родители, если я пойду на войну! У нихъ я единственный ребенокъ; они меня такъ нѣжно воспитывали; какое огорченіе для матери!“ Такъ начинается пѣсня и дѣвушка въ самомъ дѣлѣ покидаетъ домъ родителей, но съ какою собственно цѣлью, изъ пѣсни этого не видно. Мать ея просыпается, входитъ въ комнату дочери и, не находя ея, кричитъ мужу, что дочь ихъ уведена. Тотъ старается остановить полкъ, но получаетъ отвѣтъ отъ капитана, что Фаншонъ сама согласилась уйти. На этомъ кончается пѣсня, очевидно, описывающая какой либо дѣйствительный побѣгъ молодой дѣвушки въ слѣдъ за полкомъ.

Вторая пѣсня у Смита такого характера: Молодой кадетъ идетъ на войну и приглашаетъ съ собою свою возлюбленную, обѣщая заботиться объ ней. Она не осмѣливается, говоря, что у нея есть маленькая сестра, которая будетъ очень горевать, а кромѣ того, ей извѣстно, что всякая дѣвушка, отправляющаяся на войну, непремѣнно теряетъ свою честь.

„Чести своей ты не потеряешь, моя прекрасная подруга“, возражаетъ кадетъ, „я дамъ тебѣ свой поясъ и свой мундиръ о трехъ пуговицахъ, я дамъ тебѣ свою шляпу, украшенную перьями и галунами, какъ у драгуна“. Съ дороги дѣвушка возвращается назадъ, чтобы проститься съ друзьями, — всякая дѣвушка, идущая на войну, не увѣрена въ томъ, что возвратится домой; — въ пути она заходитъ въ гостинницу. Содержательница съ улыбкой смотритъ на нее и спрашиваетъ: „не дѣвушка-ли вы изъ города или деревни?“ „Нѣтъ, я благородный кадетъ изъ хорошаго семейства; я покинулъ Провансъ, чтобы поступить въ гарнизонъ“, отвѣчаетъ дѣвушка. „Ну, если такъ, то сядемъ за столъ, будемъ пить это доброе вино: оно вселитъ въ наше сердце любовь и прогонитъ нашу печаль“, заявляетъ содержательница гостинницы. На этомъ и кончается пѣсня.

Въ другомъ варіантѣ дѣвушка сама слѣдуетъ на войну за своимъ возлюбленнымъ, наряжаясь въ платье своего брата. Въ обществѣ офицеровъ она пропиваетъ деньги, полученныя за службу. Отецъ разыскиваетъ ее, но получаетъ такой отвѣтъ: „Иди назадъ и утѣшайся, ожидая меня. Я иду на войну съ молодымъ драгуномъ, я сяду въ сѣдло и буду играть шпагой“.

Слѣдующая пѣсня какъ будто напоминаетъ нѣкоторыми своими чертами разбираемый нами международный мотивъ. Въ ней дѣвушка дѣлается солдатомъ съ цѣлью разыскать своего возлюбленнаго, о которомъ она не знала даже, въ какомъ полку онъ служитъ. Поступивъ добровольцемъ въ армію, она служитъ семь лѣтъ: —

„Elle a resté sept ans—dans les troupes de France,
L'a parcouru par toutes les armé's,
Sans jamais être déclaré“.

По прошествіи семи лѣтъ она беретъ у своего капитана отпускъ, говоря:—

„Mon père m'a mandé'—d'une lettre secrète.
Mon père, ma mère,—qui sont en pauvreté,
Je voudrais bien les soulager“.

Покинувъ армію, она заходитъ въ какую то гостинницу для отдыха и, не успѣвъ еще закусить, начинаетъ пѣть и при томъ такъ хорошо, что ея возлюбленный, случайно попавшій туда же, признаетъ ее.

Такія черты разсказа, какъ семь лѣтъ службы въ арміи, оставшійся при этомъ нераскрытымъ полъ дѣвушки, отпускъ ея вслѣдствіе письма, полученнаго ею отъ отца, наконецъ встрѣча ея съ предметомъ ея любви и ихъ взаимное признаніе, поводъ къ которому подало пѣніе дѣвушки, — какъ будто бы не случайно сгруппированы въ разобранной пѣснѣ, хотя строй ея и сильно разнится отъ выше приведенныхъ варіантовъ нашего круга. Такъ конецъ пѣсни построенъ вполнѣ во вкусѣ французскихъ нравовъ:

—„De tant loin qu'elle le voit,—elle lui a tendu son [verre:
—A ta santé, mon jeune compagnon!
De nos amours nous deviserons“.

Очень можетъ быть, что и тѣ черты, которыя отмѣчены нами, какъ напоминающія до нѣкоторой степени складъ варіантовъ нашего круга, возникли самостоятельно на почвѣ французской жизни. Такому предположенію нисколько не противорѣчитъ и слѣдующая пѣсня, въ которой дѣвушка, покинутая своимъ возлюбленнымъ, дѣлается солдатомъ, разыскиваетъ измѣнника и убиваетъ его на поединкѣ, хотя подобный сюжетъ и могъ бы напомнить нѣкоторыя новогреческія пѣсни, выше приведенныя (стр. 33). Однако французская пѣсня до такой степени характерно отразила на себѣ отношенія и взгляды создавшаго ее общества, что, указывая на нѣкоторыя совпаденія, мы рѣшительно отвергаемъ какое бы то ни было родство ея съ подходящими иностранными произведеніями. Лучшимъ доказательствомъ такого вывода можетъ служить сама пѣсня, которую мы и приводимъ.

„Derrière chez nous,—il y a-t-un capitaine,
La nuit, le jour,—qui cherche ses amours.
En lui disant:—Bel Henri, que je t'aime,
Peut-être un jour,—jouirons de l'amour.
N'eut pas joui—du plaisir de la belle,
Lui dit tout bas:—La belle, je m'en vas.

—Si tu t'en vas,—bel Henri, que je t'aime,
Si tu t'en vas,—moi, je suivrai tes pas.
Mais si n'a pris—cent écus à son père,
Droit à Paris,—s'en va faire des habits;
S'est habillé—en dragon volontaire,
N'en monte à cheval,—comme un vrai général.
S'en va trouver—son amant qui était de garde,
En lui disant:—Prends les armes en main.
S' sont tant battus,—le galant, la maîtresse,
N'a mis d'abord—son amant à la mort.
Droit à Paris,—s'en fait des connaissances,
Le roi Louis—l'a voulu voir aussi.
—Non, ce n'est pas—pour te punir, la belle,
Mais te fair' voir—que tu as fait ton devoir.
Le roi Louis—lui donne, en récompense,
Une chaîne en or—ou bien cent louis d'or.
Une chaîne en or—vaut plus qu'un mariage,
Une chaîne en or—vaut bien cent louis d'or".

Такого содержанія пѣсни пользуются значительной популярностью во Франціи, очевидно, соотвѣтствуя вкусамъ и понятіямъ народа. Подходящіе варіанты сообщены Пюймегромъ [1]), Бюжо [2]) и Флёри [3]). Они различаются между собою лишь стихомъ и риѳмой, но не содержаніемъ, для знакомства съ которымъ достаточно привести версію Флери.

„Ah! chez mon père logeait un capitaine,
Qui nuit et jour
M'entretenait d'amour.
Il me disait: Brunette, je vous aime,
Je voudrais bien
Devenir votre époux.
Mais quand il eut les amours de la belle,
Sans contredit,
La belle il faut partir.

---

1) Puymaigre, Chants pop. recueillis dans le pays Messin. 1865, p. 76: *La brave Claudine;* p. 78: *La fille soldat;* p. 80—пѣсня изъ Франшъ-Контэ такого же содержанія.

2) Bujeaud, Chants pop. de l'Ouest, t. II, p. 206 сообщаетъ пѣсню, въ которой солдатъ убиваетъ свою возлюбленную; но въ этомъ справедливо усматриваютъ лишь порчу первоначальной фабулы.

3) Jean Fleury, Littérature orale de la Basse-Normandie. 1883, p. 278, N VI: *La fille Militaire;* N VII: *Suite de l'histoire de Cécile.*

Ne comptez plus sur moi, belle Cécile
Je faut servir
Le monarque Louis".

Тогда дѣвушка беретъ двѣ тысячи франковъ, отправляется въ Парижъ, заказываетъ себѣ мужское платье, наряжается прекраснымъ воиномъ, разыскиваетъ своего возлюбленнаго и въ поединкѣ убиваетъ его. Объ этомъ доносятъ королю,—

„Le roi voulut savoir la vérité;
Il pardonna à cette noble dame
Pour avoir vu son intrépidité".

Продолженіе исторіи этой дѣвушки, именно ея возвращеніе домой, сообщаемое Флери, не имѣетъ никакихъ точекъ соприкосновенія съ разбираемой нами фабулой, почему мы и оставляемъ его въ сторонѣ. Но нельзя обойти молчаніемъ параллельнаго варіанта, записаннаго Смитомъ (Revue des Langues Romanes, t. IV, 1880). Здѣсь также разсказывается о возвращеніи изъ арміи дѣвушки, которая, повидимому, только изъ любви къ военнымъ приключеніямъ прослужила семь лѣтъ и затѣмъ вернулась домой, сохранивъ свою честь. По риѳмѣ и формѣ варіантъ этотъ, какъ признаетъ Смитъ, древнѣе прочихъ приведенныхъ французскихъ пѣсенъ. Содержаніе его таково:

„Une fille d'une hôtesse—à la guerre s'en allait;
Au bout de sept annéies,—chez sa mère retournait.
—Dieu de bonjour, dame l'hôtesse, — le bonjour vous soit donné!
—Mais à vous, soudat de guerre,—le bonjour vous soit donné!
—Qu'y a-t-il, dame l'hôtesse, — qu'y a-t-il pour mon souper?
Y a une poule grasse,—un chapon entrelardé.
—Oh! venez, dame l'hôtesse, — venez compter mon souper.
—Que voulez-vous que je compte,—soudat, n'avez rien mangé.—
Le lendemain, le matin,—le soldat s'est éveillé.
Dieu de bonjour, dame l'hôtesse,—le bonjour vous soit donné!
—Mais à vous, soudat de guerre,—le bonjour vous soit donné!
Oh! donnez-moi une pigne, — une pigne pour me peigner.—
Quant est que le soldat se pigne, — l'hôtesse l'a regardé.

—Que pleurez-vous, dame l'hôtesse, — de quoi n'en souspirez?
—Aia une filla en guerre, — soudat, vous la ressemblez.
—Que dounaia à un homme, — qui vous lui ferait parler?
—Cent écus dedans ma bourse, — soudat, si vous le voulez,
Et lous autres cent cinquante—pour la fille marier.
—Gardez votre argent, ma mére, — votre fille vous l'avez;
Sept ans qu'est allé en guerre, — mon honneur j'ai bien gardé!

Послѣдній стихъ приведеннаго варіанта, дѣйствительно, напоминаетъ дословно многочисленные изводы изучаемаго мотива, часто кончавшіеся почти тѣми же словами. Но этимъ и ограничивается сходство французскихъ пѣсенъ о дѣвушкѣ-воинѣ съ таковыми же произведеніями славянскими, итальянскими и испанско-португальскими. Если между послѣдними мы установили генетическую связь, то не рѣшаемся признать такое же родство между ними и пѣснями французскими. Онѣ слишкомъ тѣсно срослись съ бытомъ своего народа, а тѣ немногіе признаки, посредствомъ которыхъ можно бы ихъ связать съ обще-европейской традиціей, не достаточно существенны въ разсказѣ и, по всей вѣроятности, возникли самостоятельно или же какъ либо привнесены со стороны въ готовую уже бытовую народную пѣсню [1]), сложившуюся по поводу тѣхъ историческихъ явленій, о которыхъ мы говорили раньше.

Подобныя событія извѣстны и въ исторіи нѣмецкаго народа. Такъ германскія женщины пріобрѣли себѣ боевую извѣстность еще со времени походовъ Кимвровъ въ Италію. Въ послѣдующіе вѣка онѣ не переставали выдѣлять изъ своей среды энергичныхъ дѣятельницъ, которыя при случаѣ брались за оружіе. Многочисленныя указанія такихъ фактовъ собраны у Стриккера [2]); но приводить ихъ для насъ нѣтъ надобности, такъ какъ они не нашли отзыва въ позднѣйшей народной поэзіи Нѣмцевъ. Такимъ образомъ оказывается, что не каждый народъ одинаково создаетъ поэтическія про-

---

[1]) Число *семь* символически употребляется у всѣхъ индо-европейскихъ народовъ; значеніе числа *семь* у классическихъ писателей своеобразно объясняется Бахофеномъ: Das Mutterrecht. Stuttgart 1861, стр. 58, 250, 303; 159, 193—4, 198, 250, 345, 350, 371.

[2]) W. Stricker, op. cit.

изведенія по поводу тѣхъ же фактовъ своей исторіи. Нѣмецкая народная поэзія не отразила въ себѣ исключительныхъ явленій, когда дѣвушка, покидая свое нормальное общественное положеніе, идетъ въ ряды воиновъ и сражается наряду съ ними. Такимъ невниманіемъ народа къ военнымъ подвигамъ дѣвушки, воспѣваемой теперь образованными поэтами [1]), и объясняется почти полное отсутствіе въ устныхъ произведеніяхъ нѣмецкихъ нашего мотива. Насколько выразительно отмѣтило германское племя на зарѣ своей исторіи черту воинственности своей женщины [2]), настолько безучастнымъ оказалось оно къ усвоенію странствующаго мотива о дѣвушкѣ-воинѣ въ тотъ періодъ своего культурнаго развитія, когда новыя формы жизни поставили женщину въ строго опредѣленныя рамки ея дѣятельности. Въ силу этого разсказъ нашъ нашелъ лишь слабое отраженіе въ сказкахъ нѣмецкихъ, попалъ туда также случайно, какъ и въ пѣсни французскія.

Въ сборникѣ братьевъ Гриммовъ находится такая сказка [3]): Дочь короля, оставленная своимъ женихомъ, собираетъ одиннадцать дѣвушекъ подобныхъ себѣ. Всѣ онѣ одѣваются охотниками и идутъ ко двору бывшаго жениха королевской дочери. Но тутъ сторожевой левъ провидитъ обманъ и сообщаетъ объ этомъ королю. И вотъ начинаются испытанія: дѣвушекъ ведутъ *по разсыпанному гороху*. Предупрежденныя однимъ изъ слугъ, онѣ стараются твердо ступать, такъ чтобы король видѣлъ, что это идутъ мущины. Потомъ въ комнату къ дѣвушкамъ поставили двѣнадцать прялокъ, но тѣ и не взглянули въ ту сторону.

---

[1]) Gustav Schwab въ „Appenzeller Krieg in 9 Romanzen“ (1825) воспѣваетъ дѣянія женщинъ, сражавшихся рядомъ со своими мужьями, какъ это въ 1808 и 1809 годахъ сдѣлали Тиролянки. Поэтесса Karschin прославила вдову Ziethen, служившую въ гусарахъ. W. H. Ackermann въ своихъ „Erinnerungen eines Lützow'sche Jägers aus der lüneburger Haide“, Frankfurt a. M. 1847, разсказываетъ о подвигахъ женщинъ во время великой борьбы съ Наполеономъ. F. Rückert (Gesammelte Gedichte. Erlangen 1836, II, 30) въ одномъ изъ своихъ стихотвореній говоритъ о Леонорѣ Прохазкѣ, которая носила имя Renz, была ранена 16 Сент. 1813 г., при чемъ полъ ея былъ обнаруженъ:

„Wie merkten wir's nur nicht lange schon
Am glatten Kinn, am feineren Ton,
Doch unter den männlichen Thaten,
Wer konnte das Weib errathen?“

[2]) K. Müllenhoff „Walküren“ въ Nordalbingische Studien. 1844, II. стр. 210—222; Jacob Grimm, Deutsche Mythologie 1875—78⁴, стр. 120, 346 и сл.

[3]) Kinder und Hausmärchen, gesammelt durch die Brüder Grimm. Gött, 1850, I, стр. 418, N 67: Die Zwölf Jäger.

Наконецъ на охотѣ король какъ то узналъ свою невѣсту и женился на ней.

Вотъ это все, что мы находимъ въ сказочной и пѣсенной поэзіи нѣмецкой изъ круга нашего мотива. Хотя онъ здѣсь и значительно видоизмѣненъ, тѣмъ не менѣе просвѣчиваются еще его основные элементы, — какъ испытаніе пола и взаимное признаніе невѣсты и жениха. Очевидно, онъ занесенъ къ Нѣмцамъ какимъ либо случайнымъ разсказщикомъ, заимствовавшимъ его у другихъ народовъ.

Равнымъ образомъ таже сказка попала и къ Грекамъ, потерявъ очень многое изъ своего состава. Она сдѣлалась извѣстной, благодаря прекрасному сборнику Гана [1]), давшаго ей названіе „Das Mädchen im Krieg". Содержаніе ея состоитъ въ томъ, что младшая дочь старика-короля идетъ на войну, въ то время какъ двѣ старшія грубо отказываются. Побѣдивъ враговъ отца, героиня возвращается домой, сопровождаемая молодымъ принцемъ, который по дорогѣ приглашаетъ ее въ свой замокъ погостить. Здѣсь *безъ всякаго основанія* ему приходитъ въ голову мысль, что гость его не мущина, а *дѣвушка*. По совѣту матери принца устраивается одно только испытаніе: молодые люди идутъ въ лѣсъ *спать на травѣ*. При этомъ мать говоритъ сыну, что если утромъ мѣсто подъ нимъ будетъ свѣжѣе, чѣмъ подъ гостемъ, то значитъ товарищъ его дѣвушка. Но эта послѣдняя ночью перемѣнила мѣсто и подъ утро лишь вернулась на свое, такимъ образомъ трава подъ ней оказалась свѣжѣе, чѣмъ подъ принцемъ.

Выѣхавъ изъ замка, дѣвушка закричала: хотя и дѣвушка, пошла я на войну въ стыду глупаго короля. Услышавъ это, принцъ пускается въ поиски за ней подъ видомъ купца съ товарами; но здѣсь греческая сказка начинаетъ развивать совершенно иной мотивъ, случайно прицѣпленный къ нашему разсказу.

По своему развитію близка къ греческой албанская сказка, записанная на островѣ Поросѣ и озаглавленная Ганомъ „Silberzahn" [2]). Въ ней двѣ старшія дочери рѣзко высказываются противъ отца, третья же охотно вызывается замѣнить его на войнѣ. Обрадованный отецъ даетъ своей младшей дочери, по имени Ѳеодорѣ, три мужскихъ одѣянія и свое благословеніе, которое принимаетъ видъ собачки. Когда Ѳеодора приблизилась къ замку короля, то у воротъ стоявшая *старушка* (въ нѣм. сказкѣ *левъ*) догада-

---

[1]) Griechische u. Albanesische Märchen. Gesammelt, übersetzt u. erläutert von G. von Hahn. Leipzig 1864, I, стр. 114, N 10.

[2]) Hahn, op. cit. II, стр. 124, N 101.

лась, что подъ видомъ молодого воина скрывается дѣвушка и сообщила объ этомъ сыну короля. Послѣ этого слѣдуютъ испытанія. Ѳеодору приглашаютъ въ лавку, и она, предупрежденная своей собачкой, выбираетъ здѣсь оружіе, а не женскія украшенія. Потомъ ведутъ ее въ замокъ, гдѣ заставляютъ взбираться на лѣстницу въ семьсотъ ступеней, при чемъ ожидалось, что у дѣвушки упадутъ три капли крови. Это и случилось, но собачка незамѣтно слизала ихъ. Для третьяго испытанія дѣвушку приглашаютъ купаться въ море. Тогда она идетъ къ портному и говоритъ: „Сдѣлай мнѣ платье съ двумя рядами пуговицъ и при томъ такъ, что если я начну растегивать одинъ рядъ, то чтобы другой застегивался самъ собою". Когда сынъ короля былъ уже въ морѣ, Ѳеодора вскочила на лошадь и поскакала прочь; но принцъ снялъ кольцо съ пальца и бросилъ имъ въ дѣвушку такъ ловко, что сломалъ ей зубъ.

Въ этомъ мѣстѣ албанская сказка, какъ и греческая, припаиваетъ другой мотивъ: королевичъ беретъ платье пастуха, покупаетъ товаровъ и идетъ торговать въ замокъ Ѳеодоры. Тутъ ночью онъ уноситъ ее и затѣмъ женится на ней.

Другая албанская сказка записана Дозономъ и озаглавлена „La fille changée en garçon" [1]). Содержаніе ея таково:

У одного человѣка было три дочери. Однажды пришелъ приказъ ему отъ короля идти на войну, и такъ какъ у него не было сыновей, то онъ сдѣлался печальнымъ и задумчивымъ. Старшая и средняя дочь, узнавъ о причинѣ горя отца, отвѣтили ему: „выдавай насъ замужъ", какъ бы давая этимъ понять, что зятья могли бы пойти вмѣсто старика. Но младшая дочь вызывается замѣнить отца (надо такъ думать, хотя сказка умалчиваетъ объ этомъ): она проситъ сдѣлать ей платье, обрѣзать волосы, чтобы ее не узнали, приготовить коня и дать оружіе. Получивъ все необходимое, она отправилась на войну въ обществѣ односельчанъ.

До сихъ поръ албанскій разсказъ слово въ слово передаетъ содержаніе южно-славянскихъ пѣсенъ болгарскаго извода. Но въ этомъ мѣстѣ онъ присоединяетъ къ нашей фабулѣ сказочный мотивъ совершенно иной категоріи.

Чудовище (ламія), ежегодно приходившее въ столицу короля пожирать людей, на этотъ разъ потребовало себѣ въ пищу королевскаго сына, обѣщаясь затѣмъ уже не возвращаться. Переодѣтая воиномъ дѣвушка наша освобождаетъ королевича отъ неминуемой погибели и въ награду за эту услугу, послѣ нѣкотораго колебанія

---

[1]) Contes Albanais recueillis et traduits par Auguste Dozon. Paris 1881. XXVII+264. Стр. 109—120, N XIV.

короля, получаетъ коня, обладавшаго даромъ говорить по-человѣчески. При помощи этого послѣдняго дѣвушка перескакиваетъ черезъ ровъ, ловя на лету подброшенное въ воздухъ яблоко и за эту удаль пріобрѣтаетъ королевну себѣ въ жены. Однако та недовольна своимъ мужемъ и вотъ отецъ ея даетъ своему зятю трудныя порученія, которыя всѣ исполняются имъ при содѣйствіи чуднаго коня, близко напоминающаго нашего *Конька-горбунка* и носящаго у Албанцевъ имя „*Демирчиль*". При исполненіи третьей задачи, собирая какую-то непонятную дань со змѣй, обитавшихъ въ какой-то церкви, переодѣтая витяземъ дѣвушка была проклята послѣдними, сказавшими: „если ты юноша, то сдѣлайся дѣвушкой и если ты дѣвушка, то будь юношей". Тотчасъ вслѣдъ за этимъ она почувствовала, что на самомъ дѣлѣ превратилась въ мущину, вернулась домой и была счастлива со своей женой.

Такимъ образомъ албанская сказка первой своей половиной примыкаетъ непосредственно къ сказаніямъ и пѣснямъ славянскимъ; во второй ея части своеобразно сгруппированы три разныхъ мотива — освобожденіе принца отъ чудовища, пожирающаго по условію людей, разсказъ о чудномъ конькѣ-горбункѣ и, наконецъ, классическое преданіе о половой метаморфозѣ. Для насъ интересна лишь первая половина, напоминающая своимъ складомъ славянскіе варіанты нашего сюжета въ такой степени, что безъ колебанія албанскій разсказъ можно считать заимствованнымъ отъ Славянъ, у которыхъ онъ сохранился въ большей свѣжести и законченности. Особенно попортили послѣдовательность разсказа Албанцы, переселившіеся въ Грецію, какъ это видно по редакціи Гана, выше приведенной. Отъ нихъ сюжетъ этотъ попалъ къ Грекамъ, что ясно изъ близости варіантовъ греческаго и албанскаго.

Мотивъ объ испытаніи пола также занесенъ въ одну сказку валашскую, сообщенную братьями Шоттами [1]) подъ заглавіемъ „Die Kaisertochter und das Füllen". Въ ней нѣтъ тѣхъ подробностей, какія обыкновенно предшествуютъ въ славянскихъ варіантахъ моменту, когда дѣвушка наряжается воиномъ и затѣмъ подвергается испытаніямъ. Напротивъ того, своимъ складомъ она поразительно похожа на итальянскую новеллу „Il Drago", записанную Компаретти и выше нами разобранную (стр. 108). Содержаніе валашской сказки таково:

У одного короля родилась дочь въ тотъ самый день, когда его

---

[1]) Walachische Märchen, herausgegeben von Arthur u. Albert Schott. Mit einer Einleitung über das Volk der Walachen u. einem Anhang zur Erklärung der Märchen Stuttgart u. Tübingen 1845, стр. 171—184.

любимая кобылица принесла жеребенка. Въ дѣтствѣ королевна кормила жеребенка огнемъ и поила его виномъ, такъ какъ странное животное не хотѣло принимать ничего другаго. Когда дѣвушкѣ исполнилось пятнадцать лѣтъ, отецъ пожелалъ отдать ее замужъ. Однако мужемъ ея могъ сдѣлаться лишь тотъ, кто отгадаетъ, чѣмъ обтянутъ барабанъ, для котораго были употреблены кожи, снятыя съ двухъ вшей. Такой нашелся. Королевна обратилась къ своему жеребенку за совѣтомъ, и тотъ открылъ ей, что прекрасный чужеземецъ — никто иной, какъ сынъ страшнаго дракона и волшебника и при томъ самъ волшебникъ. Во избѣжаніе предстоящаго замужества королевна проситъ отца сдѣлать для нея три мужскихъ одѣянія и представить ее вмѣсто сына. Подъ видомъ сына короля дѣвушка прибываетъ ко двору владѣтеля, бывшаго нѣкогда другомъ ея отца. Здѣсь она пріобрѣтаетъ высокое положеніе и любовь короля. Однако завистливые придворные, желая погубить счастливаго соперника, докладываютъ королю, что молодой принцъ не юноша, но переодѣтая дѣвушка. Послѣ этого слѣдуютъ испытанія. Дѣвушку *ведутъ на базаръ*, гдѣ она вмѣсто золотыхъ прялокъ, веретенъ, иголокъ и т. п. выбираетъ прекрасное оружіе. Для втораго испытанія ее *приглашаютъ въ королевскую гостинницу*, съ тѣмъ, чтобы посмотрѣть, какъ она будетъ кушать виноградъ: какъ женщина, она должна была ѣсть виноградъ немытымъ, что обозначало бы ея жадность и нетерпѣливость. Въ третьемъ — король приказываетъ ей достать для него прекрасную дочь изъ сосѣдняго царства, управляемаго волшебникомъ. Юной героинѣ удается пріобрѣсти расположеніе всей семьи страшнаго повелителя и она вскорѣ дѣлается женихомъ, а затѣмъ супругомъ прекрасной царевны. Но эта послѣдняя жалуется своимъ родителямъ на холодность мужа. Отецъ ея требуетъ объясненія отъ зятя и тотъ заявляетъ, что онъ далъ клятву не прикасаться къ женѣ, пока не покажетъ ее своимъ родителямъ. Поэтому король позволяетъ своему зятю увезти дочь, которая затѣмъ и достается въ жены старому королю, а переодѣтая дѣвушка объявляетъ свой полъ и выходитъ замужъ за сына короля.

Въ этомъ мѣстѣ валашская сказка стоитъ въ несомнѣнной связи съ разсказомъ, послужившимъ темой для развитія одного эпизода въ обширной сербской пѣснѣ „Кунина Златија“ (Вукъ III, 28, стр. 199), подробно разобранной нами нѣсколько выше (стр. 55—56).

Въ сербской пѣснѣ мѣсто отца занимаетъ братъ, который и спрашиваетъ зятя о причинѣ, что

„Анђа нам је врло невесела“;

на это тотъ отвѣчаетъ:

„Ја се јесам Богу зарекао,
Да јој не ћу лица облубити,
Доке једном у чету не одем,
Да окушам моју срећу прву
Од како сам вјеру мијенао“.

Въ дальнѣйшемъ своемъ ходѣ валашская сказка отклоняется въ сторону, приплетая новый мотивъ и при томъ въ такой послѣдовательности, которая сближаетъ ее съ итальянской новеллой.

Послѣ всѣхъ перечисленныхъ перепетій сказка припоминаетъ свое начало и выдвигаетъ на сцену волшебника, для сына котораго предназначалась первоначально королевна. Теперь она замужемъ за другимъ и рождаетъ двухъ золотыхъ мальчиковъ въ то время, какъ мужъ ея былъ въ походѣ. Съ вѣстью объ этомъ событіи она шлетъ гонца; но старый волшебникъ перехватываетъ письмо, подмѣниваетъ его и молодая женщина должна быть сожжена. Въ критическій моментъ является ея чудный конекъ и уноситъ ее вмѣстѣ съ дѣтьми въ уединенный замокъ, гдѣ она живетъ, пока случайно мужъ находитъ ее.

Такимъ образомъ валашская сказка, сохранивъ лишь обрывки традиціи о дѣвушкѣ-воинѣ и объ испытаніяхъ, какимъ она подвергается, серединой своей примыкаетъ къ сербской пѣснѣ, а концомъ къ итальянской новеллѣ, съ которой однако она совпадаетъ не вполнѣ.

Точно такая же странная непослѣдовательность или, иначе сказать, невыдержанность разсказа, замѣчается въ литовской сказкѣ, помѣщенной въ сборникѣ Лескина и Бругмана [1]). Въ ней первая половина своимъ складомъ подходитъ очень близко къ пѣснямъ болгарскимъ, между тѣмъ какъ конецъ ея напоминаетъ разсказы албанскіе и сказку греческую (стр. 72), развивающую извѣсный мотивъ о перемѣнѣ пола вслѣдствіе проклятія, произносимаго у Грековъ какимъ-то Арапомъ, у Албанцевъ змѣями и у Литовцевъ старухой-вѣдьмой. Содержаніе литовской сказки „Von der Edelmannstochter, die Soldat wurde“ (стр. 420—423, N 19) передается въ слѣдующемъ порядкѣ:

У одного барина было девять дочерей и ни одного сына. Ему надо было поставить солдата для войска, въ противномъ случаѣ съ нимъ было бы худо. Это его очень огорчало, и онъ, вздыхая и плача, бродилъ по своему двору, не зная, что дѣлать. Одна изъ

---

[1]) Litauische Volkslieder u. Märchen aus dem Preussischen u. dem Russischen Litauen. Gesammelt von A. Leskien u. K. Brugman. Strassburg 1882. Параллели къ сказкамъ съ поразительной начитанностью указаны г. Вольнеромъ.

дочерей его, узнавъ о причинѣ горя отца, вызывается сама идти въ солдаты и настаиваетъ на томъ, чтобы ее отпустили. Послѣ нѣкотораго колебанія, отецъ даетъ ей мужское платье, подрѣзываетъ ей коротко волосы и отправляетъ въ путь. На службѣ дѣвушка вскорѣ получаетъ чинъ офицера, а затѣмъ достигаетъ званія генерала. Дочь короля влюбляется въ молодаго генерала и выходитъ за него замужъ. Однако въ первую же ночь она разочаровывается въ своемъ супругѣ и жалуется на него отцу. Этотъ послѣдній, желая избавиться отъ зятя, посылаетъ его къ своему знакомому королю, который обыкновенно уничтожалъ всѣхъ присылаемыхъ къ нему. Дѣвушка-генералъ встрѣчаетъ сперва въ пути человѣка, прыгавшаго съ дерева на дерево, затѣмъ другаго, вырывавшаго дубы съ корнями и, наконецъ, третьяго, охотника, обладавшаго удивительнымъ слухомъ [1]). Всѣхъ трехъ она беретъ съ собой и при ихъ помощи успѣваетъ уйти невредимой отъ страшнаго короля, послѣ того какъ одинъ изъ ея спутниковъ обогналъ королевскаго скорохода, которому путь былъ прегражденъ богатыремъ, нагромоздившимъ цѣлыя кучи дубовъ. Возвращаясь назадъ, они зашли въ какую-то избушку; столъ въ ней былъ заваленъ всевозможными кушаньями и напитками, а хозяевъ не было. Наѣвшись и напившись, спутники наши ушли, но дѣвушка оставила столъ загрязненнымъ. Въ избушкѣ жила вѣдьма. Когда она увидѣла столъ, оскверненный

---

[1]) Въ славянскихъ сказкахъ весьма часто встрѣчаются люди, надѣляемые удивительными качествами, при томъ въ нѣкоторыхъ попадаются точно такіе же личности, какъ и въ разбираемой литовской Такъ въ сказкѣ у Худякова I, 33, стр. 119 идетъ рѣчь о бѣганьи въ перегонки: Королевская дочь бѣжитъ за водой къ колодцу, кто ее обгонитъ, получитъ ее въ жены, а отставшій теряетъ голову. Съ ней состязается *Ивашка*, взявшій себѣ въ спутники: *Дубыню*, который выворачиваетъ дубы съ корнями; чуднаго *Стрѣлка*, прицѣливавшагося въ лобъ мухи на разстояніи мили; *человѣка*, отъ волосъ котораго распространяется холодъ; другаго, сидѣвшаго на деревѣ и двигавшаго вѣтренную мельницу за 1000 верстъ; еще одного, слышащаго, какъ *растетъ трава* и, наконецъ, *Скорохода*. Подходящіе варіанты у Чубинскаго, Труды II, 67, стр. 229: здѣсь нагромождено множество лицъ, изъ нихъ упомянемъ *Вернигора* — опрокидываетъ горы; *Вернидубъ* — вырываетъ деревья; *Вернивода* — высушиваетъ воды. Въ сборникѣ „Narodne pripovjedke skupio u i oko Varaždina Matija Kračmanov Valjavec“. U Varaždinu. 1858, 33, стр. 214 и въ „Národní Pohádky od J. K. z Radostova“. V Praze 1872, I, стр. 215. Худяковъ (op. cit. 121) указываетъ еще на подходящіе разсказы у бр. Гриммовъ N 71 и 134; у Вольфа стр. 301 и у Менцеля стр. 130.

нечистотами, въ ней пробудилась ярость и она произнесла проклятіе: „если это былъ мущина, — то пусть превратится въ женщину, а если это была женщина, то пусть станетъ мущиной". И дѣйствительно, дѣвушка-генералъ еще въ пути почувствовала себя мущиной и, вернувшись домой, счастливо начала жить со своей женой.

Такимъ образомъ, наблюдая распространеніе нашего мотива, мы встрѣчаемся съ любопытнымъ явленіемъ такого скрещиванія сказочныхъ сюжетовъ у разныхъ народовъ, которое трудно поддается объясненію. Въ самомъ дѣлѣ, какимъ образомъ сочетаніе звеньевъ въ валашской сказкѣ соотвѣтствуетъ построенію частей итальянской новеллы и съ другой стороны, какимъ путемъ могла произойти та аналогичная послѣдовательность въ расположеніи разныхъ сюжетовъ, какая наблюдается въ сказкѣ литовской и албанской? Не допуская возможности самостоятельнаго комбинированія одинаковымъ образомъ у разныхъ народовъ тѣхъ же самыхъ мотивовъ, нельзя дать какое бы то ни было другое болѣе правдоподобное толкованіе такого совпаденія, которое указываетъ на факты международнаго литературнаго общенія, повидимому, отклоняющіеся отъ пути послѣдовательной передачи сказки изъ народа въ народъ.

Кромѣ только что разобранной сказки у Литовцевъ слышатся слабые отголоски мотива о дѣвушкѣ, идущей на войну, еще въ двухъ пѣсняхъ, первоначально сообщенныхъ Резой [1]). Однако онѣ врядъ-ли относятся къ нашему сюжету, а потому мы оставляемъ ихъ въ сторонѣ.

Какимъ бы путемъ ни произошло комбинированіе отдѣльныхъ мотивовъ въ помянутыхъ сказкахъ, до извѣстной степени дающее право подозрѣвать единство источниковъ для отдѣльныхъ группъ сказаній по народностямъ, мы не можемъ не замѣтить, что въ такихъ осложненныхъ произведеніяхъ самостоятельные сюжеты оказываются уже сильно затемненными и передаются съ значительными пробѣлами. Это обстоятельство даетъ основаніе думать, что подобные разсказы, созданные изъ обломковъ преданій, первоначально существовавшихъ самобытно, возникли въ періодъ сравнительно поздній и процессъ ихъ развитія характеризуется случайнымъ сцѣпленіемъ подробностей.

---

[1]) Dainos oder Litthauische Volkslieder gesammelt, übersetzt u. mit gegenüberstehendem Urtext herausgegeben von L. J. Rhesa. Königsberg 1825, стр. 126 и 186. Во второмъ изд., исполненномъ Куршатомъ (Berlin 1843), пѣсни эти подъ NN 36 и 52. Сборникъ Резы перепечатанъ Nesselmann'омъ: Littauische Volkslieder. Berlin 1853; въ немъ пѣсни эти подъ NN 355 и 357.

Къ числу такихъ запутанныхъ произведеній относится киргизская сказка, сообщенная Радловымъ [1]) и носящая названіе „Dudar Kys“. Содержаніе ея слѣдующее:

Жилъ когда-то одинъ богатый человѣкъ, но бездѣтный. Его стадъ не трогалъ ни волкъ, ни воръ. У него была пестрая лошадь, охранявшая стада. Узнавъ объ этомъ, ханъ пожелалъ достать ее отъ богача, но тотъ отказалъ ему въ этомъ. Тогда ханъ устраиваетъ пиръ у себя на весь міръ, объявляя однако, что тому нѣтъ мѣста на пиру у него, у кого нѣтъ сына, и для того нѣтъ кумыса у него, у кого нѣтъ дочери.

Огорченный богачъ принесъ щедрыя жертвы богамъ, вымаливая у нихъ дѣтей себѣ. Во снѣ онъ получилъ приказаніе убить свою пеструю лошадь, тогда у него родится дочь. Онъ такъ и сдѣлалъ и въ ту же ночь его жена понесла. Дѣвочка заговорила еще во чревѣ матери, отказалась пользоваться услугами бабокъ и не пожелала явиться на свѣтъ раньше, чѣмъ отецъ далъ ей право свободно располагать собою.

Когда дѣвушка выросла, женихи начали къ ней свататься, однако никто не могъ получить ее, такъ какъ она ставила условіемъ отгадать ея имя, которое не было извѣстно даже родителямъ. Только разъ сказала она матери, что ее зовутъ Dudar Kys.

Однажды во время перекочевки служанка назвала дѣвушку по имени. Это было подслушано волкомъ, пожиравшимъ вблизи трупъ, вырытый имъ изъ могилы. Спустя нѣкоторое время онъ, принявъ видъ человѣка, пришелъ свататься за дѣвушку и, отгадавъ ея имя, женился на ней. Готовясь къ отъѣзду, дѣвушка погладила буланаго жеребенка, на которомъ были слѣды засохшаго пота, и онъ началъ говорить [2]). Онъ открылъ дѣвушкѣ, кто ея женихъ, совѣто-

---

[1]) Radloff, Proben der Volkslitteratur der türkischen Stämme Süd-Sibiriens gesammelt u. übersetzt. III. Kirgisische Mundarten. St. P. 1870. N 7, стр. 372—387.

[2]) По киргизской сказкѣ не понятно, какая связь между убійствомъ пестрой лошади богача и беременностью его жены, а затѣмъ и чуднымъ рожденіемъ дочери. Далѣе совершенно страннымъ оказывается превращеніе обыкновеннаго буланаго жеребенка въ знаменитаго *конька-горбунка* русск. сказокъ (параллели къ нему: Romania, V, 1876 — Emmanuel Cosquin, Contes populaires Lorrains, стр. 94—107, III; v. Hahn N 37; Schiefner, Аварскія сказки, примѣч. Кёлера къ N 3; Radloff, IV, стр. 373; бр. Grimm, N 29, Schott, N 17) отъ одного лишь глаженія его дѣвушкой. Съ большою вѣроятностью можно видѣть во всемъ началѣ киргизской сказки лишь затемнѣніе чрезвычайно распространеннаго международнаго преданія о чудномъ зачатіи вслѣдствіе употребленія извѣстной

валъ не брать ничего изъ отцовскихъ богатствъ, а взять лишь отцовскій лукъ и стрѣлы, черную дѣвку, его конька и чернаго верблюда.

Получивъ все это, дѣвушка отправилась въ путь со своимъ женихомъ. Въ дорогѣ онъ, превратившись волкомъ, сожралъ верблюда и служанку. У него въ домѣ была уже другая жена, — она сидѣла возлѣ постели, на которой спалъ мужъ ея. Онъ спалъ семь дней и семь ночей. Въ это время дѣвушка, взявъ свой лукъ и стрѣлы, сѣла на своего конька и онъ несъ ее три дня и три ночи. Въ степи она встрѣтила юношу, Тёстюкъ богатыря, сдѣлалась его названнымъ братомъ и пришла въ его домъ; тамъ мать его догадывается, что это дѣвушка.

Не придавая этому значенія, оба названные братья на слѣдующій день отправляются на охоту. Какой-то человѣкъ сообщаетъ имъ, что царь даетъ пиръ- и предлагаетъ руку своей дочери тому, кто сострѣлитъ кольцо, прикрѣпленное къ вершинѣ тополя.

Dudar-Kys исполняетъ трудную задачу, женится на царевнѣ и увозитъ ее къ себѣ, въ домъ названнаго своего брата, сопровождаемая младшимъ шуриномъ. Вскорѣ сообщаетъ ему сестра, что ея мужъ такая же дѣвушка, какъ и она сама. По мысли конька устраивается состязаніе въ верховой ѣздѣ между братомъ царевны и Dudar Kys. Послѣдняя далеко умчалась впередъ, застрѣлила Kulan'a и вырѣзала у него мякоть. Затѣмъ пошли купаться въ озерѣ. Какъ та, такъ и другой вполнѣ раздѣлись. Съ помощью незамѣтно взятой части Кулана Dudar Kys убѣдила своего шурина,

---

пищи или фрукта. При этомъ одновременно съ героемъ появляются на свѣтъ и его необыкновенные спутники: или конь, или собака, или же ихъ нѣсколько. Такъ въ греческой сказкѣ (Hahn, N 6, стр. 90) говорится: у королевы не было дѣтей, она получила яблоко, съѣла его, а шелуху бросила въ конюшню, гдѣ ее съѣла кобылица. Королева родила сына, кобылица принесла жеребенка. Такимъ путемъ одновременно появляется герой и его чудный конь. Въ тирольской сказкѣ (Zingerle, Kinder- und Haus-märchen. Innsbruck. 1852, N 25) повѣствуется то же, что и въ киргизской, примѣнительно только къ иной обстановкѣ: Однажды на берегу озера жилъ рыбакъ. У него была прекрасная жена и довольно денегъ, но не было дѣтей, что его очень огорчало. Наконецъ, онъ поймалъ огромную рыбу и раздѣлилъ ее на три части: голову съѣла сука и принесла трехъ щенковъ, середину скушала жена его и родила трехъ мальчиковъ, внутренности какъ то достались кобылицѣ, и она принесла трехъ жеребятъ, хвостъ зарыли въ землю, и тамъ выросли три явора. Многочисленные изводы этого преданія указаны г. Вольнеромъ: Littauische Volkslieder u. Märchen v. Leskien u. Brugman, стр. 546 и сл.

будто она мущина, и тотъ черезъ три дня уѣхалъ обратно въ свой домъ.

По совѣту своей лошадки Dudar Kys открывается своему побратиму, Тёстюкъ-богатырю, показывая ему грудь и волосы, и затѣмъ дѣлается его женою. Здѣсь оканчивается нашъ мотивъ и разсказчикъ переходитъ къ другому, входящему въ составъ сказаній о преслѣдуемой невѣсткѣ или о Fanciulla perseguitata, при чемъ не безынтересно отмѣтить, что составные элементы киргизской сказки сцѣплены почти въ томъ же порядкѣ, какъ и въ тосканской новеллѣ „Il Drago" (стр. 108), а сверхъ того она чрезвычайно похожа на валашскую сказку, которая однако свѣжѣе киргизской.

Тёстюкъ-богатырь отправляется на войну, покидая дома беременную жену. Въ его отсутствіи у нея рождается сынъ съ золотой головой и серебрянымъ задомъ, о чемъ мать Тёстюка-богатыря сообщаетъ ему въ письмѣ. Въ пути гонецъ попадаетъ въ домъ перваго мужа Dudar Kys, волка. Мать послѣдняго на обратномъ пути подмѣниваетъ у посланца письмо, приказывая, какъ бы отъ имени Тёстюкъ-богатыря, сжечь Dudar Kys вмѣстѣ съ сыномъ. Лошадка, хотя и уведенная Тёстюкъ-богатыремъ на войну, является на выручку своей госпожѣ и уноситъ ее. Ихъ преслѣдуетъ вѣдьма, мать волка. Dudar Kys бросила гребень, превратившійся въ густой лѣсъ, затѣмъ зеркало, сдѣлавшееся огромнымъ озеромъ, однако вѣдьма все-таки настигла ихъ, ножомъ убила лошадку, но и сама погибла отъ ея копыта. Впослѣдствіи Тёстюкъ-богатырь отыскиваетъ свою жену.

Очевидно, что киргизская сказка сплетена изъ множества отдѣльныхъ мотивовъ, взятыхъ не въ ихъ первоначальной свѣжести и простотѣ, но притянутыхъ изъ странствующихъ разсказовъ, запутанныхъ уже и поблекшихъ. Сведенныя вмѣстѣ разнородныя звенья спаяны здѣсь не логично, мотивировка отдѣльныхъ частей дѣйствія слаба, нѣкоторыя лица выходятъ на сцену неожиданно, другія напротивъ того исчезаютъ безпричинно, обнаруживая тѣмъ затемнѣніе первоначальнаго смысла независимыхъ мотивовъ, въ которыхъ прежде каждый моментъ дѣйствія вызывалъ собою и обусловливалъ дальнѣйшее движеніе разсказа.

Другая восточная сказка, въ которой замѣчаются отзвуки нашего мотива, также находится въ сборникѣ Радлова [1]) и принадлежитъ алтайскимъ Татарамъ. Содержаніе ея таково:

---

[1]) Radloff, Proben der Volkslitteratur der Türk. St. Süd-Sibiriens. I: Die Dialecte des eigentlichen Altai: Der Altajer und Teleuten, Lebed-Tataren, Schoren und Sojonen. St.-Petersburg 1866. N 2, стр. 12—23: Altain Sain Salam (Altai an der Katunja).

Жили старикъ со старухой; у нихъ были сынъ и дочь. Послѣ смерти родителей дѣти остались въ нищетѣ. Братъ сдѣлалъ себѣ стрѣлы и лукъ и стрѣлялъ дичь, сестра пряла пеньку. Однажды юноша нашелъ въ лѣсу рыжаго коня, по имени Айкымъ Сайкымъ, осѣдланнаго, и при немъ лукъ и стрѣлы. Взявъ все это, онъ успѣшнѣе началъ охотиться и привозилъ дичь домой. Разъ какъ то на охотѣ конь упалъ, убилъ юношу и одинъ примчался домой. Дѣвушка сѣла въ сѣдло и прибыла къ мѣсту, гдѣ лежалъ мертвый братъ. Она долго плакала и обратясь къ скалѣ сказала: „разступись скала, я хочу похоронить въ тебѣ моего единственнаго брата". Такъ и случилось. Затѣмъ дѣвушка прицѣпила себѣ косу брата, одѣлась въ шестирядную шубу и направилась къ Кюнъ-Хану. Можно думать, что это было зимой, между тѣмъ слѣдующій стихъ говоритъ: Der Erde Staub stieg zum Himmel auf, Und des Himmels Staub fiel zur Erde nieder.

Она долго ѣхала, и лѣто, и зиму. Наконецъ, увидѣла толпу юношей, стрѣлявшихъ въ цѣль. Тутъ, несомнѣнно, произошло также затемнѣніе разсказа, необъясняющаго причины этой стрѣльбы. Именемъ брата, Алтаинъ-Саинъ-Салама, дѣвушка, повидимому, зачаровываетъ лукъ, попадаетъ въ цѣль и, надо полагать, за эту удаль получаетъ право на руку дочери Кюнъ-Хана.

Внѣ всякаго сомнѣнія, алтайская сказка забыла въ данномъ случаѣ сущность разсказа.

Однако дѣвушка не беретъ съ собою добытую дѣвушку, но направляется далѣе и продѣлываетъ тоже самое у Ай-Хана, употребляя при стрѣльбѣ извѣстный въ заговорахъ оборотъ: „не я стрѣляю, стрѣляетъ Алтаинъ-Саинъ-Саламъ". Отъ Ай-Хана она получаетъ въ жены среднюю дочь, вмѣстѣ съ нею по пути заѣзжаетъ къ Кюнъ-Хану и беретъ у него добытую уже раньше, тоже среднюю дочь. Обѣихъ ихъ она привозитъ въ свою юрту, и скоро тѣ замѣчаютъ, что мужъ ихъ по виду мущина, но по характеру и привычкамъ женщина. Получивъ отъ мужа коней, онѣ уѣхали къ себѣ.

Тогда дѣвушка направилась къ могилѣ брата. Съ плачемъ она приказала скалѣ разступиться, взяла тѣло брата и принесла въ свой домъ. На ладонѣ трупа она сдѣлала бѣлую надпись, заявляя, что добыла въ жены брату двухъ среднихъ дочерей двухъ хановъ и что сама она превращается въ бѣлаго зайца, который будетъ жить въ прибрежныхъ кустахъ.

Добытыя въ жены дѣвушки возвращаются затѣмъ назадъ. Онѣ зовутъ Алтаинъ-Саинъ-Салама и, не получая отвѣта, входятъ въ домъ, гдѣ находятъ лишь трупъ. Первая изъ нихъ плачетъ и говоритъ, что никто изъ живущихъ еще не открывалъ спереди ея платья, только черный вѣтеръ распахивалъ его. Съ этими словами

она переступаетъ черезъ мертвеца, и тотъ пошевелился немного. Когда тоже самое продѣлала вторая изъ женъ, Алтаинъ-Саинъ-Саламъ совершенно ожилъ и попросилъ умыться. Тутъ онъ замѣтилъ на ладонѣ надпись, сдѣланную сестрой, и вскорѣ поймалъ бѣлаго зайца. Но жены его, не зная секрета, убили зайца. Тогда Алтаинъ-Саинъ-Саламъ положилъ трупъ зайца въ ящикъ, сдѣлалъ надпись и пустилъ въ море. Ящикъ приплылъ въ страну Кюнъ-Хана, докторъ котораго воскресилъ зайца, и изъ него сдѣлалась дѣвушка, сестра Алтаинъ-Саинъ-Салама. Спустя нѣкоторое время, братъ съ сестрой встрѣтились.

Если въ киргизской сказкѣ мотивъ о дѣвушкѣ-воинѣ и объ испытаніяхъ, какимъ она подвергается, сохраненъ до такой степени, что представляется возможнымъ сближать ее со сказками валашской и итальянской, то варіантъ, записанный у катуньскихъ Татаръ, въ такой мѣрѣ преобразовалъ основы разсказа и настолько стеръ его характерныя черты, что безусловно нельзя сопоставить его ни съ одной изъ извѣстныхъ намъ группъ нашей фабулы. Родство татарскаго разсказа съ европейскими такъ слабо, что не было бы ошибкой считать его принадлежащимъ къ другой группѣ повѣствованій, чѣмъ та, въ которую входятъ пѣсни о дѣвушкѣ-воинѣ. Въ фабулѣ объ этой послѣдней нѣтъ мотива о добываніи невѣсты. Если въ нѣкоторыхъ осложненныхъ сказкахъ дѣвушка-воинъ и добываетъ невѣсту для другаго, то этотъ сюжетъ притягивается со стороны совершенно произвольно, не входя существеннымъ элементомъ въ наше преданіе, но составляя самостоятельный кругъ сказаній.

Татарская сказка, по нашему мнѣнію, и относится къ циклу сказаній о добываніи невѣсты, образуя однако настолько сильное отклоненіе отъ нормальнаго типа, что мы склонны признать ее характернымъ выраженіемъ духа татарской жизни, или быта того народа, который ее создалъ первоначально. Нѣтъ ничего выходящаго изъ ряду обыкновенныхъ явленій въ жизни охотничьихъ народовъ, если дѣвушка ловко ѣздитъ верхомъ и мѣтко стрѣляетъ изъ лука. Но сущность не въ этомъ. Центръ тяжести всего разсказа покоится въ идеѣ возможности воскресить умершаго. Лишь для этого дѣвушка добываетъ двухъ женъ для умершаго брата, которыя и воскрешаютъ его, подобно тому какъ докторъ оживляетъ впослѣдствіи самую дѣвушку, убитую подъ видомъ зайца. Такимъ образомъ все дѣйствіе въ татарской сказкѣ направлено къ тому, чтобы возвратить жизнь убитому брату. Объ разсказѣ про дѣвушку-воина можетъ напомнить лишь одинъ моментъ въ татарской сказкѣ: это, когда сестра Алтаинъ-Саинъ-Салама временно считается мужемъ добытыхъ для брата дѣвицъ. Но и въ этомъ случаѣ сходство поло-

женія дѣйствующихъ лицъ, могшее возникнуть независимымъ образомъ, по самой простой необходимости, до такой степени отдаленно, что мы не рѣшаемся сблизить татарскую сказку, поставленную г. Стасовымъ [1]) краеугольнымъ камнемъ всего зданія, съ выше изложенной версіей киргизской, находящейся въ несомнѣнной связи съ традиціей европейской, но неудостоившейся вниманія нашего ученаго.

Оставляя въ сторонѣ варіантъ татарскій, какъ не входящій въ группу разсказовъ про дѣвушку-воина, мы считаемъ самымъ восточнымъ отзвукомъ нашей фабулы киргизскую сказку, хотя въ ней основы нашего повѣствованія смѣшаны, звенья его сохранены не всѣ, тѣмъ не менѣе она стоитъ въ очевидномъ родствѣ съ такими же изводами русскими, которые однако по своей полнотѣ, законченности и географическому положенію между южно-славянскими землями, откуда шелъ разсказъ, и востокомъ, гдѣ онъ, наконецъ, замеръ, могутъ считаться оригиналами для азіатскихъ, какъ киргизскій, уже извѣстный, и татарскіе, которые могутъ быть открыты [2]).

Къ числу такихъ русскихъ произведеній принадлежитъ сказка, записанная въ Казанской губерніи Худяковымъ [3]). Въ ней мотивъ нашъ излагается въ такомъ порядкѣ:

Одному старику приходитъ указъ идти въ солдаты. Старшая дочь его, не смотря на отговоры, собирается идти вмѣсто него. Въ пути однако попадается ей на встрѣчу заяцъ и она возвращается домой. Вторая дочь пугается въ дорогѣ волка и тоже поворачиваетъ назадъ. Но третья не устрашилась даже и медвѣдя, отстрѣлила у него большой палецъ на ногѣ и спрятала его въ карманъ. Это былъ ея отецъ, желавшій подъ видомъ зайца, волка и медвѣдя испугать своихъ дочерей. Затѣмъ дѣвушка служитъ нѣсколько лѣтъ въ солдатахъ и никто не узнаетъ ее. Однажды на квартирѣ хозяйка обращаетъ вниманіе одного солдата на дѣвушку и тотъ, желая узнать, дѣйствительно ли его сослуживецъ дѣвушка, подвергаетъ ее испытаніямъ. Такъ они ложатся спать на свѣже скошенномъ сѣ-

---

1) В. Стасовъ, Происхожденіе русскихъ былинъ. Вѣстн. Евр. 1868, II, стр. 688—696.

2) Mongolische Märchen. Erzählungen aus der Sammlung Ardschi-Bordschi. Ein Seitenstück zum Gottesgericht in Tristan u. Isolde. B. Julg. Innsbruck 1867. Юльгъ раздѣляетъ мнѣніе (стр. 9), что разсказъ шелъ съ запада на востокъ и заимствованъ Монголами у Европейцевъ. Božena Němcova, Opt. cit. VI. 312—328. 1862. Benfey, Pantsch. I, XXII.

3) Худяковъ, Великорусскія сказки, 1860. М. II, 60, стр. 81.

нѣ съ той примѣтой, что подъ мущиной оно останется зеленымъ, а подъ женщиной почернѣетъ (см. Hahn I, 10, стр. 116). Дѣвушка рано утромъ переворачиваетъ сѣно другой стороной. Послѣ этого они идутъ купаться. Однако дѣвушка и тутъ увертывается, пославъ солдата назадъ принести забытое мыло.

Затѣмъ они разстаются. Дѣвушка уходитъ къ отцу и разсказываетъ ему свои приключенія, но солдатъ слѣдуетъ за нею подъ видомъ кошки. Узнавъ, что она дѣвушка, онъ похищаетъ ее. При переходѣ черезъ рѣку она бросаетъ въ воду свой перстень, говоря, что сдѣлается его женою лишь тогда, когда перстень обростетъ травою. Солдатъ все таки уводитъ дѣвушку къ своей матери, которая даетъ ей опасныя порученія: такъ она заставляетъ ее стричь волковъ, доить медвѣдицъ, принести отъ вѣдьмы бердочко (Todtenhand? у Вольнера). Наконецъ дѣвушка идетъ съ солдатомъ удить рыбу и вытаскиваетъ изъ рѣки свое кольцо, обросшее травой. Съ той поры они жили счастливо.

Въ малорусской сказкѣ, помѣщенной у Чубинскаго [1]), мотивъ о дѣвушкѣ воинѣ едва уже замѣтенъ, какъ и въ малорусскихъ пѣсняхъ выше разобранныхъ (90 – 91). Здѣсь онъ служитъ лишь вступленіемъ для развитія иного содержанія, которое состоитъ въ слѣдующемъ:

Дочь козака идетъ на войну вмѣсто отца и обращаетъ на себя вниманіе своей храбростью. Одинъ офицеръ бьется объ закладъ съ другимъ, утверждая, что это дѣвушка, и обѣщается украсть ее при посредствѣ голубей, съ тѣмъ чтобы убѣдиться въ правотѣ своихъ словъ. По окончаніи войны дѣвушка возвращается домой и въ одну ночь, когда она спала въ саду, ее уносятъ вмѣстѣ съ постелью голуби офицера. Она пробудилась лишь тогда только, когда голуби летѣли надъ моремъ. Узнавъ отъ нихъ, что съ нею случилось, она бросаетъ въ море перстень, заявляя, что не раньше начнетъ говорить съ мужемъ и его родителями, какъ опять увидитъ свой перстень. Хотя она сдѣлалась женой офицера, но оставалась нѣмой, какъ ни старались заставить ее говорить. Такъ ее посылаютъ къ мертвецамъ принести мертвую руку. Затѣмъ она находитъ свое кольцо внутри щуки и начинаетъ говорить. Когда однажды мужъ, лаская, называетъ ее голубкой, она превращается въ голубку и улетаетъ домой. Мужъ ея беретъ шапку невидимку и пускается въ путь отыскивать ее, и черезъ нѣкоторое время находитъ ее въ кругу жещинъ въ одной корчмѣ въ тотъ моментъ, когда она сама высказала желаніе видѣть своего мужа.

---

[1]) Чубинскій, Труды Этнографическо-статистической экспедиціи въ Западно-русскій край. II, 25, стр. 92.

Съ гораздо большей свѣжестью и полноооюю мотивъ нашъ удержался въ великорусской сказкѣ, находящейся у Аѳанасьева [1]), хотя въ ней дѣйствіе поставлено въ иную обстановку, тѣмъ не менѣе подробности, касающіяся испытанія пола, переданы здѣсь настолько точно, что она безъ всякаго сомнѣнія занимаетъ срединное положеніе между варіантами южно-славянскими и восточными, какъ приведенный у Худякова русскій и у Радлова киргизскій. Въ ней повѣствуется слѣдующее:

Царь Бархатъ встрѣчаетъ разъ на охотѣ юношу и узнаетъ отъ своего слуги, что это не юноша, но дѣвушка Василиса, дочь попа Василія, которая одѣвается и ведетъ образъ жизни подобно мущинѣ. Чтобы убѣдиться въ этомъ, царь трижды приглашаетъ Василису къ себѣ и по совѣту одной старухи подвергаетъ ее тремъ испытаніямъ.

Въ первый разъ онъ подводитъ ее къ столу въ комнатѣ, гдѣ стояли пяльцы. Вмѣсто того, чтобы схватиться за нихъ, она осмѣиваетъ царя за то, что въ его дворцѣ есть такія вещи. Потомъ ей подаютъ кашу, въ которую были положены драгоцѣнные камни. Она выплевываетъ подъ столъ кашу и камни и издѣвается надъ царемъ за его пристрастіе къ женскимъ бездѣлушкамъ, простирающееся до того, что онѣ попадаютъ даже въ кушанья. Въ третій разъ царь приглашаетъ ее съ собой въ баню. Старуха сказала ему, будто дѣвушка не пойдетъ вмѣстѣ съ нимъ въ баню. Однако она съ радостью пошла и туда, и пока царь раздѣвался въ предбанникѣ, она успѣла уже вымыться. Послѣ этого она пишетъ письмо, которое слуга долженъ передать царю, когда тотъ выйдетъ изъ бани. Въ письмѣ она смѣется надъ царемъ, позволившимъ перехитрить себя женщинѣ и заявляетъ, что она вовсе не Василій Васильевичъ, но Василиса Васильевна.

Этимъ варіантомъ исчерпывается матеріалъ нашей традиціи, спорадически отразившейся у многихъ народовъ. Такимъ выраженіемъ мы обобщаемъ тѣ изъ сказаній о дѣвушкѣ-воинѣ, которыя трудно поставить въ генетическую связь со сродными произведеніями другихъ племенъ. Однако только что приведенный великорусскій варіантъ не возбуждаетъ никакого сомнѣнія касательно своего происхожденія. Онъ съ одной стороны очень тѣсно связанъ съ южнославянскими изводами нашей традиціи, съ другой близко примыкаетъ къ былинѣ о Ставрѣ Годиновичѣ, къ изученію которой мы теперь непосредственно и переходимъ.

---

[1]) Аѳанасьевъ, Народныя рус. сказки. Москва 1863. I, 7, стр. 53.

IX.

Былины о Ставрѣ Годиновичѣ.

Если съ одной стороны необычайно обширное накопленіе матеріаловъ по народной словесности даетъ возможность въ наше время прослѣдить за переходомъ сказочныхъ сюжетовъ отъ одного народа къ другому, имѣвшимъ мѣсто въ такихъ размѣрахъ, что позволительно думать, будто разсказы, существующіе исключительно у извѣстныхъ народовъ, или не важны по своему содержанію, или же принадлежатъ позднѣйшему времени [1]), то съ другой стороны ближайшее знакомство съ бытомъ разныхъ народовъ, иногда чрезвычайно отдаленныхъ другъ отъ друга, и подробное изученіе строя жизни некультурныхъ племенъ, которыми такъ много занимается современная антропологія, позволяютъ принимать въ большихъ предѣлахъ, чѣмъ прежде, возможность самостоятельнаго возникновенія совершенно схожихъ устныхъ преданій [2]).

По меньшей мѣрѣ необходимо допустить независимое возникновеніе у различныхъ народовъ простѣйшихъ сюжетовъ, послужившихъ впослѣдствіи почвой, на которой прикрѣпляется заимствованный со стороны мотивъ, связываемый какой либо общей чертой съ мѣстной традиціей.

Главными творцами и хранителями народной поэзіи во времена отдаленныя были женщины: въ ихъ рукахъ сосредоточивалась вся

---

[1]) G. Paris, Romania I, стр. 258. Однако трудно да и не къ чему допустить вліяніе народнаго *тоническаго* стихосложенія на таковое же германское и славянское, о чемъ говоритъ французскій ученый: въ La poésie du Moyen âge. Paris 1885, стр. 61—62.

[2]) K. Müllenhof, Deutsche Alterthumskunde I, 1870, стр. 43—44. Знаменитый германистъ говоритъ: „Wo man übereinstimmende sagen bei verschiedenen völkern findet, ist man immer geneigt entweder entlehnung oder urgemeinschaft anzunehmen, ohne ein drittes, die möglichkeit gleicher und übereinstimmender erfindung in anschlag zu bringen. Gleiche ursachen und umstände haben auch dieselbe wirkung und gleiche oder doch sehr übereinstimmende sagen können überall entstehen, wo die bedingungen in der umgebenden natur und im wesen und leben der menschen dafür zusammentreffen“.

мудрость первобытнаго человѣка, тайны природы и таинство религіи, онѣ были жрицами и докторами — mulieres medicae [1]); онѣ произносили заклятія и убаюкивали колыбельной пѣсней дѣтей [2]), которыя отъ нихъ же учились материнскому языку.

Уже древними Греками была замѣчена способность женщинъ удерживать въ памяти и разсказывать разныя исторіи и сказки про чудовищъ, которыми онѣ часто стращали дѣтей [3]). Противъ такого непедагогическаго примѣненія нянями сказочнаго матеріала вооружались Платонъ и Плутархъ, не предполагая, конечно, такого типа, какъ классическая няня Пушкина.

Въ виду подобнаго отношенія женщинъ къ поэзіи нисколько не удивительно, если Рыбниковъ замѣтилъ, будто у Олонецкихъ обитательницъ есть свои „*бабьи старины*", которыя поются ими съ особенною любовью, а мущинами не такъ то охотно. Къ такимъ старинамъ и принадлежатъ между прочимъ былины про Ставра Годиновича, интересныя для женщинъ потому, что въ нихъ главнымъ дѣйствующимъ лицомъ является также женщина.

Гильфердингъ [4]) тоже не отрицаетъ, что въ Пріонежьи спеціально „бабьимъ богатыремъ" оказывается Ставръ, хотя въ другихъ мѣстностяхъ про него поютъ и мущины. По его мнѣнію, мѣстными условіями этого далекаго края объясняется также и то обстоятельство, что рядомъ съ богатыремъ мущиною выводится образъ богатыря женщины или *поляницы*. Каждый крестьянинъ въ сѣверной части Олонецкой губерніи прямо заявляетъ, что въ старину богатырскіе подвиги совершали одинаково и мущины, и женщины: первые назывались богатырями, вторыя *поляницами*. Фактъ этотъ чрезвычайно важенъ для настоящей оцѣнки народной традиціи, сохранившей въ живомъ представленіи народа воспоминанія о явленіяхъ, нѣкогда имѣвшихъ мѣсто въ дѣйствительномъ быту. Типъ поляницы воинственной и есть та чисто народная почва, на которой принялось чужеземное преданіе объ освобожденіи мужа женою, какъ это разсказывается въ былинахъ про Ставра.

Уже раньше было указано на связь слова „поляница" съ бы-

---

1) Bachofen, Das Mutterrecht. Stuttgart 1861, стр. 296. 347. 356. 358.

2) H. Ploss, Das Kind in Brauch und Sitte der Völker. Anthropologische Studien. Berlin 1882", т. 2-й, стр. 128—141: Wiegen und Schlummerlieder.

3) Hermann-Blümner, Lehrbuch der Griechischen Privatalterthümer. Freiburg und Tübingen 1882, стр. 290.

4) А. Гильфердингъ, Олонецкая губернія и ея народные рапсоды. Вѣстн. Евр. 1872, III, стр. 96 и сл.

линнымъ выраженіемъ „поляковать“ [1]), при чемъ корнемъ для послѣдняго служитъ „поле“. Отъ него въ прямомъ смыслѣ, дѣйствительно, и происходитъ названіе мѣстности „Poljanitza Planina“, лежащей на пути изъ Лѣсковаца въ Враню [2]). Точно такимъ же образомъ могло образоваться слово „*поляница*“— охотница, или воинъ—отъ „поле“, понимаемаго въ томъ смыслѣ, въ какомъ принималось это выраженіе въ древней Руси, когда присуждали кому нибудь поле, т. е. поединокъ, состязаніе. Еще яснѣе возможность такого производства представляется намъ, если сравнимъ употребленіе слова „pole“ въ чешскомъ языкѣ. Такъ Далимилъ говоритъ: „Když císař Albrecht *pole* proti Čechům v Německu sbíral . . .“ [3]). Здѣсь „поле“ означаетъ войско; отсюда наши „польникъ“, „полоникъ“, „поляница“ [4]), соотвѣтствующія по смыслу чешскому „*pole*“ — vojsko, valka, vojna — [5]), древнерусскому „поле“ — поединокъ — и связывающіяся при посредствѣ былиннаго „*поляковатъ*“ съ польскимъ *polować* [6]) — охотиться, полевать.

Такимъ образомъ понятіе „поляница воинственная“, сохранившееся въ лѣсахъ глухаго сѣвера, переноситъ насъ въ иную обстановку, въ степи южной Руси, какими онѣ были въ періодъ глубокой древности съ народонаселеніемъ быта охотничьяго и воинственнаго.

Переживанія отдаленнаго прошлаго довольно часто находятъ отзвукъ въ поэзіи народа [7]). Черта воинственности, нѣкогда прису-

---

[1]) Русскій Филолог. Вѣст. I. 129. 1879 г.

[2]) Hahn, Reise von Belgrad nach Salonik. Wien 1868, стр. 73: „*Poljanitza Planina*, welcher Name nicht nur ein Gebirge, sondern auch einen aus zwölf bulgarischen Dörfern bestehenden Bezirk bezeichnet“.

[3]) Dalimilova Chronika Česká. V Praze 1874, съ примѣч. Jan'a Orth'a, стр. 192—193, прим. 13—16; глава 106.

[4]) М. Халанскій, Великорусскія былины Кіевскаго цикла. Русск. Фил. Вѣст. 1884. III, стр. 158. Въ отдѣльн. изд. Варшава 1885, стр. 23—24.

[5]) Fr. Kott, Česko-německý slovník. Подъ словомъ pole (714).

[6]) Linde, Słownik języka polskiego. Lwów, 1858.

[7]) Такъ былина о Потокѣ-богатырѣ сохранила въ народной традиціи воспоминаніе о бытовомъ явленіи, о которомъ свидѣтельствуетъ арабскій писатель Ибнъ-Доста (около 900 г.): А. Котляревскій, О погребальныхъ обычаяхъ языческихъ Славянъ. М. 1868, стр. 55. 59. 60. О томъ же говоритъ Hieronymus (Contra Iovinianum I, 2, c. 6): Scythae eos qui a defunctis amati sunt, vivos infondiunt cum ossibus mortuorum; мѣсто это заимствовано изъ Euseb. Praep. Evang. I, 4, 7: Felix Lie-

щая русской женщинѣ, точно также какъ и германской [1]), по временамъ проявляется въ позднѣйшей поэзіи. Такъ Костомаровъ [2]) обратилъ вниманіе на то, какъ русское молодечество, высказывающееся въ образѣ добраго молодца, *переходитъ и на дѣвицу*. „Дѣвицы хоровода представляются воинственными: онѣ идутъ по городу и несутъ на плечахъ ружья, генералъ какъ увидѣлъ ихъ, то пожалѣлъ о томъ, что раньше женился на барышнѣ, а то могъ бы взять себѣ въ жены одну изъ такихъ воиновъ въ юпкахъ". Костомаровъ усматриваетъ здѣсь черты далекой старины.

Подобную же черту въ современномъ крестьянскомъ быту отмѣчаетъ и Е. Барсовъ [3]). Вовсе не рѣдкость, говоритъ онъ, встрѣтить среди крестьянъ, когда мужъ и жена соперничаютъ въ томъ, кто кого переборетъ, или кто кого перетянетъ и т. п. При этомъ онъ приводитъ слѣдующую пѣсню:

„Вдоль по травкѣ
Вдоль по муравкѣ
Тамъ ходилъ-гулялъ молодчикъ.
Молодецъ удалый
Кличетъ выкликаетъ
Красную дѣвицу:
Выйди, выйди, дѣвица,
Со мной парнемъ поборотися!
А дѣвица къ молодцу
Парню выходила,
А дѣвица молодцу
Парню говорила:
Не хвалися, молодецъ,
Самъ ты собою,
Самъ ты собою,
Силою своею!
А дѣвица молодца
Парня поборола".

Въ другомъ своемъ сочиненіи Костомаровъ [4]), изображая новгородскіе нравы и выясняя явленія древней общественной жизни, касается извѣстной пѣсни про Василія Буслаевича. Когда этотъ послѣдній былъ запертъ матерью *„въ погреба глубокіе"*, дружина его осталась безъ атамана, и противники стали одолѣвать ее. Въ то

---

brecht, Zur Volkskunde, стр. 380—81 приводитъ параллели изъ обычаевъ и преданій другихъ народовъ.

[1]) K. Müllenhoff, Nordalbingische Studien, II. 1844: Walküren, 210—222. Въ древнѣйшемъ памятникѣ нѣмецкой литературы, во второй формулѣ извѣстныхъ Мерзебургскихъ заклинаній Валькиріи сражаются, связываютъ враговъ и освобождаютъ плѣнныхъ. Указывается „Stamm der Heldenjungfrau" у Вѣльсунговъ: Rassmann, Deutsche Heldensage I, стр. 59. 1863².

[2]) Великорусская народная пѣсенная поэзія. По вновь изданнымъ матеріаламъ. Вѣст. Евр. 1872. VI.

[3]) Критическія замѣтки объ историческомъ и художественномъ значеніи „Слова о Полку Игоревѣ". Вѣст. Евр. 1872. II.

[4]) Сѣвернорусскія народоправства во время удѣльно-вѣчеваго уклада. СПб. 1863, т. II, стр. 125 и сл.

время дѣвушка-чернавушка шла къ Волхову и видѣла, какъ мужики новгородскіе осиливали Васильевыхъ побратенниковъ. Они подбѣжали къ ней и стали говорить:

„Гой еси ты дѣвушка-чернавушка!
Не подай насъ у дѣла ратнаго,
У того часа смертнаго".

Мужики-противники, завидя ее, бросились на нее;

„И тутъ дѣвушка-чернавушка
Бросила она ведро кленовое,
Брала коромысло кипарисово;
Коромысломъ тѣмъ стала она помахивать
По тѣмъ мужикамъ новгородскимъ".

„Какъ ни эпиченъ кажется этотъ образъ героини, замѣчаетъ Костомаровъ (стр. 136), но онъ не совсѣмъ лишенъ исторической дѣйствительности. Въ новгородскихъ женщинахъ была мужественность; въ судѣ, когда дѣло доходило до *поля, жонка съ жонкой становилась на бой* — дѣло было обычное и законное. Не мудрено, если и дѣвушка-чернавушка изъ Буслаева дома богатырски отмахивалась отъ мужиковъ".

Интересно прослѣдить дальнѣйшій ходъ пѣсни:

„И тутъ дѣвушка запыхалася,
Побѣжала къ Василію Буслаеву:
Срывала замки булатные,
Отворяла двери желѣзныя".

Такимъ образомъ дѣвушка-чернавушка сама освобождаетъ Василія Буслаевича изъ „погребовъ глубокихъ".

Итакъ въ новгородской пѣсенной поэзіи мы открываемъ два основныхъ звена нашего мотива: а) *богатырь сидитъ въ погребахъ глубокихъ* и b) *оттуда освобождаетъ его дѣвушка* съ чертами, приближающими ее къ типу поляницы. Это обстоятельство до извѣстной степени объясняетъ, почему имя новгородскаго сотскаго Ставра привязалось къ принесенному на Русь сказанію объ освобожденіи мужа женой. Есть полное основаніе раздѣлять мнѣніе, будто былинный богатырь Ставръ Годиновичъ получилъ свое имя отъ новгородскаго сотскаго Ставра, навлекшаго на себя гнѣвъ Владиміра Мономаха и заточеннаго имъ въ погребъ (Новгор. лѣт. подъ 1118 годомъ). По всей вѣроятности, въ Новгородѣ непосредственно вслѣдъ за самымъ событіемъ сложилась пѣсенка про Ставра-сотскаго, сидящаго въ погребахъ глубокихъ. Намъ неизвѣстно, было ли на самомъ дѣлѣ какое-либо насильственное освобожденіе Ставра изъ темницы, но несомнѣнно, что сказочный или пѣсенный типъ воинственной дѣвушки былъ уже разработанъ народнымъ творчествомъ, которое съ одной стороны отразило его въ пѣснѣ

про Василія Буслаевича, съ другой слило съ зашедшимъ со стороны разбираемымъ нами сюжетомъ, при чемъ закрѣпило навсегда за героемъ послѣдняго имя Ставра. Съ этой точки зрѣнія вполнѣ основательнымъ оказывается домыслъ г. Халанскаго, по которому допускается распространеніе одинаковыхъ поэтическихъ образовъ уже въ XII ст. какъ на югѣ, такъ и на сѣверѣ Руси, нисколько не устраняющее возможности позднѣйшаго перенесенія поэтическаго матеріала съ юга на сѣверъ.

Нѣкоторыя черты обще-славянскихъ народныхъ сказаній можно усматривать и въ болѣе глубокой древности. Такъ скиѳское повѣрье, приводимое Геродотомъ (IV, 5—7), указываетъ на существованіе уже въ V в. до Р. Х. празднествъ, совершавшихся ежегодно въ честь земледѣльческихъ орудій [1]). Послѣдующіе вѣка, конечно, не были *tabula rasa* въ психикѣ народной, и Славяне, какъ всякій первобытный народъ, несомнѣнно, культивировали поэзію съ содержаніемъ чисто реальнымъ [2]), заимствованнымъ изъ событій ежедневной жизни.

Къ числу такихъ явленій отдаленнаго отъ насъ быта всѣхъ вообще европейскихъ народовъ относится тотъ общественный строй, въ которомъ женщина пользовалась значительной правоспособностью [3]) и между прочимъ наряду съ мущиной совершала военныя

---

[1]) А. Потебня, Обзоръ поэтическихъ мотивовъ колядокъ и щедровокъ. Рус. Фил. В. 1884, 2, стр. 170.

[2]) Весьма интересное сообщеніе о характерѣ поэзіи народа, стоящаго на низкой степени культуры, дѣлаетъ Д-ръ Павелъ Дурдикъ въ описаніи домашней жизни Ніясовцевъ, жителей небольшаго острова, лежащаго вблизи Суматры („O domácím životě Niasovců. MUDr. P. Durdík. Отдѣльный оттискъ изъ „Lumíra“ 1884. V Praze). Онъ такъ характеризуетъ пѣніе: „Při zpěvu improvisují, nedbajíce krátkosti a délky slabik a vyslovujíce větu v pěti taktech, poslední slabika končí silným křikem a celá tlupa souhlasí. Zpívají vše, co jim „na srdce přijde“, na př. cizinec projde skrze vesnici a tu večer si prozpěvují: „Byl zde, v naší vesnici byl-byl bílý člověk v naší vesnici a v našich domech — měl v ruce slunečník — a pot si stíral s čela, kapky potu přes řasy do očí se mu lily, zdlouhavě kráčel, byl unaven, byl oblečen všecek bíle — a žádal o vodu k pití“ atd. atd. Též zpívají krátké popěvky na způsob našich národnich. Mezi Niasovci mnoho hezkých příjemných hlasů jsem slyšel. Při velké radosti dávají se obyčejně do zpěvu — v zármutku zpěvem si odlehčují, jak to činí na Rusi vesničané, kteří navštěvují hroby svých zesnulých a tam dlouhotáhle vyjí“ (стр. 26—27).

[3]) Jacob Grimm, Deutsche Rechtsalterthümer. Göttingen 1881[3], стр. 404 и слѣд.

предпріятія. Свидѣтельства о подобныхъ подвигахъ русскихъ и славянскихъ женщинъ встрѣчаются у византійскихъ писателей. Извѣстно, что Славяне брали съ собой въ походъ женъ и дѣтей. Такъ Θеофилактъ Симокатъ пишетъ объ нихъ въ 595 г.: „Barbari (Sclavi) ut Romanos imminentes viderunt et ab iis visi sunt, ad captivos jugulandos prorumpunt, pubemque totam e medio tollunt. Quoniam vero occursum Romanorum vitare se vix posse credebant, vehiculis junctis pro vallo se circumsepiunt, pueros et mulieres in medium recipiunt“ (ed. Bonn. 272). О славянскихъ же женщинахъ при Императорѣ Ираклiѣ въ 626 г. говоритъ патріархъ Никифоръ: „inter caesorum cadavera Sclavinae quoque mulieres inventae sunt“ (ed. Bonn. 21). Съ бóльшею подробностью о женщинахъ-воинахъ, участвовавшихъ въ походахъ на Византію Аламанновъ и другихъ, родственныхъ имъ народовъ, повѣствуетъ Никита Акоминатъ (lib. I, c. IV, p. 80). Воинственнаго вида, одѣтыя въ мужское платье, онѣ свободно ѣздили верхомъ и владѣли копьемъ и оружіемъ [1]). Жившія въ тѣхъ же условіяхъ племена славянскія не отличались, конечно, въ этомъ отношеніи отъ германскихъ, которыхъ болѣе прямымъ путемъ касается разсказъ Акомината.

Въ позднѣйшей исторіи Славянъ упоминается о подобныхъ же явленіяхъ. Такъ у чешскаго лѣтописца, Козьмы Пражскаго (около 1125 ум.), встрѣчаемъ преданіе о трехъ полумиθическихъ дѣвахъ: Кази, владѣвшей врачебнымъ искусствомъ; Теткѣ, построившей укрѣпленный городъ Тетинъ и Любушѣ, правившей народомъ и судившей его тяжбы [2]).

Въ Далимилову хронику (1282—1314 г.) попалъ народный разсказъ о защитѣ города Дѣвина Властой и ея сподвижницами: Шаркой, Частавой, Страткой, Милиткой, Будиславкой и др. [3]). Къ сожалѣнію, начитанный въ классическихъ авторахъ хроникеръ сильно разукрасилъ мѣстное преданіе и лишилъ его тѣмъ исторической правдоподобности. Однако въ основѣ своей разсказъ этотъ, по всей вѣроятности, совпадаетъ съ дѣйствительной жизнью. Такъ названіе

---

[1]) „Οἷς καὶ θήλειαι κατελέγοντο ὡς ἄῤῥενες ἐφιππάζουσαι καὶ ταῖς ἐφέστρισιν οὐ συμβάδην τὼ πόδε διαχαλῶσαι ἀλλὰ περιβάδην ἀνέδην ἐποχούμεναι καὶ κοντοφόροι καὶ ὁπλοφόροι, κατ᾽ ἄνδρας δρωμέναι καὶ ἀνδρείαν στολὴν περικείμεναι αἳ καὶ ὅλως ἀρεϊκὸν ἔβλεπον καὶ ὑπὲρ Ἀμαζόνας ἠῤῥίνωντο“. См. Gidel, Étude sur la littérature grecque moderne. P. 1866, стр. 30—31.

[2]) Kosmův letopis Český. V Praze 1874, t. II, fas. 1, стр. 6.

[3]) Dalimilova Chronika Česka. Изд. Ганки 1851, стр. 18 и сл.

города „Дѣвинъ“ довольно часто встрѣчается въ мѣстахъ славянскихъ поселеній: руины такого урочища находятся на Моравѣ [1]), другой дѣвинъ—Parthenopolis упоминается въ жизнеописаніи св. Войтѣха—Адальберта [2]), еще нѣсколько такихъ же названій мѣстъ указано г. Кельтшемъ [3]), который считаетъ ихъ происшедшими отъ слова „дѣва“, „дѣвица“ и думаетъ, что въ древности были распространены у славянскихъ племенъ отчасти религіозныя, отчасти воинственныя женскія общества, слѣды которыхъ и сказались въ географическихъ терминахъ.

Такой же городъ въ средніе вѣка существовалъ и въ Өессаліи, какъ говоритъ Тафель [4]); вѣроятно, развалины его лежатъ нынѣ между Домокó и Фéрсала и называются Γυναικόκαστρο (mulierum arx). Съ ними связаны мѣстныя сказанія; однако воспоминаніе о волшебницѣ Коультхинѣ, защищавшейся противъ Турокъ [5]),—что могло бы соотвѣтствовать преданію, приводимому Тафелемъ,—отнесено къ другому урочищу.

Янъ Колларъ въ примѣчаніяхъ къ своей „Дочери Славы“ [6]) упоминаетъ о какой-то чешской дѣвушкѣ Зузанѣ, освободившей ко-

---

[1]) Jan Herben, Tři hrvátské osady na Moravě. V Brně 1882 (8°. 25). „Nad Palavou (vsi) pne se zbožený hrad *Dívčí hrady* a nad Kletnice strmí zbytky zdí z bývalé tvrze kletnické“. Съ этимъ же мѣстомъ связано нелишенное нѣкотораго значенія для Краледворской рукописи преданіе объ убійствѣ владѣтелемъ замка трехъ татарскихъ княженъ, выѣхавшихъ на Западъ посмотрѣть чужія страны.

[2]) Fontes rerum bohemicarum I, 237. 314; II, 16: Jana Kanaparia Život sv. Vojtěha — „(Adalbertus) praeerat autem idem sacrae urbi, quae latine virginum civitas, graece Parthenopolis vocabatur“.

[3]) Neues Lausitzisches Magazin. Görlitz 1883, Zweites Heft (314—337): Wo lag das Mägdeland? *v. Keltsch* in Reichenbach (Ostpreussen).

[4]) Tafel, De Thessalonica ejusque agro dissertatio geographica. Berolini 1839, стр. 279—280: Terram Tessalonicensem medio aevo a parte boreali, s. Mygdoniae superioris (occidentalis et borealis) tuebatur castellum, nomine *Gynaecocastrum*. Ejus historiam tradit Cantacuzenus hist. II, 39. Далѣе: Est idem cum castello Turcarum *Avret-Hissar* (mulierum arx), coll. Hadschi Chalfa in Rumel. et Bosnia p. 84. Etymologiam arcis Turcicam, de *muliere quadam Marulia* petendam, quae anno Turcarum 775 (1374) locum defendisse dicitur.

[5]) B. Schmidt, Griechische Märchen, Sagen u. Volkslieder. Leip. 1877, стр. 31—32.

[6]) Jana Kollara, Wýklad ku Sláwy Dceře. W Pešti 1833, стр. 34.

роля Вацлава. Въ Прагѣ между убитыми Таборитами на Жижковомъ холмѣ (прежде Witkow) были найдены двѣ женщины и одна дѣвушка, вооруженныя копьями. Онѣ пали, мужественно сражаясь въ числѣ прочихъ (см. Weleslawinůw Kalendař hist. na den 14 července). И. Ленфантъ (Geschichte d. Hus. I, 330), говоря о походѣ Таборитовъ на Прагу, разсказываетъ, что ихъ жены были также воинственны, какъ и мущины. Въ Новомъ городѣ (Neustadt) онѣ бросились на монастырь Св. Екатерины и разрушили его почти до основанія, и такъ какъ онѣ шли въ дѣло съ страшной горячностью, то 27 изъ нихъ погибло подъ развалинами. Добнеръ (Ann. Hag. ad A. 736) замѣчаетъ: „Qua vero generositate mulieres Czechiae fuerint olim, prodit vetus jus feudale sub Carolo IV a. 1359 scriptum, *quo etiam mulieres lege ad duellum admittuntur*". Тоже самое допускалось и въ *lex alam.* (Grimm, Deutsche Rechtsalterth. 404), а также существовало въ обычаяхъ Новгородцевъ (Костомаровъ, Сѣвернорусск. народоправства, II, стр. 158).

Въ виду всѣхъ этихъ фактовъ нисколько не можетъ показаться страннымъ свидѣтельство Саксона Грамматика [1]). Онъ упоминаетъ въ числѣ участниковъ въ знаменитой бравальской битвѣ о *славянской амазонкѣ Виснѣ:* „Wisnam vero, imbutam rigore foeminam, reique militaris apprime peritam, Sclava stipaverat manus" (lib. VIII. 378). Въ другомъ мѣстѣ (lib. VII. стр. 196) тотъ же историкъ пишетъ про датскихъ женщинъ: „Fuere quondam apud Danos foeminae, quae formam suam in virilem habitum convertentes, omnia pene temporum momenta ad excolendam militiam conferebant". Онъ называетъ по имени одну изъ такихъ воительницъ (lib. VIII, стр. 229): какая то дѣвушка Русла вмѣстѣ съ братомъ совершала набѣги у береговъ Норвегіи.

Другая дѣвушка (lib. VII, стр. 335), дочь короля Альвида, избѣгая нелюбимаго жениха, одѣвается въ мужское платье и въ обществѣ другихъ женщинъ выѣзжаетъ на морскіе разбои.

Датская хроника Саксона Грамматика, писанная около 1150 г., съ особенной убѣдительностью свидѣтельствуетъ о существованіи уже въ то время чисто народныхъ эпическихъ преданій о дѣвушкѣ-воинѣ [2]) и подтверждаетъ давшія имъ матеріалъ событія дѣйствительной жизни. Подобные разсказы были въ обращеніи, конечно, не у од-

---

[1]) Saxonis Grammatici, Historiae Danicae libri XVI.

[2]) A. Holtzmann, Untersuchungen über das Niebelungenlied. Stuttgart 1854, стр 167.

нихъ лишь Датчанъ. Такъ Гедеоновъ [1]) приводитъ извѣстіе Вильгельма Жюмьежскаго: „Non sunt modo viri (въ Нормандіи) fortissimi bellatores, sed et foeminae pugnatrices“. Также у Прокопія [2]) читаемъ про Гунновъ: „Saepe igitur accidit, ut cum Hunni per Imperium Romanum grassarentur, collata cum obviis manu pars eorum occumberet. Post Barbarorum discessum, Romani caesorum cadavera inspicientes, in his foeminas repererunt“.

Для сюжетовъ славянской пѣсенной поэзіи весьма интересное преданіе сохранено для насъ въ извѣстной хроникѣ Дитмара Межиборскаго [3]), именно разсказъ о женѣ паннонскаго князя Гейзы, прозванной *Бѣлой-княгиней*. Вотъ слова лѣтописца: „Uxor autem ejus *Beleknegini*, id est, *pulchra domina* Sclavonice dicta, supra modum bibebat, et in equo more militis iter agens, quendam virum iracundiae nimio fervore occidit“. Бѣлая-княгиня Дитмара называется *Шарольтой* у мадьярскихъ историковъ. Такъ Thuroczius (Hist. Hung. II, 5) говоритъ: „Gyula, dux Transilvaniae (cp. Erdiel) habebat filiam, nomine *Sarolt*, pulcherrimam, de cujus pulchritudine provinciales duces diutius loquebantur“. Также въ „Vita S. Adalberti“ (Acta SS. t. III, p. 195) передается о Шарольтѣ: „Quae totum regnum viri manu tenuit, et quae erant viri ipsa tenebat“. Наконецъ Ассемани (Kal. IV, p. 108) поясняетъ: „Uterque conjux Geisa et Beleknegine, suscepto baptismo, pristinos barbaros mores obluit. Quos Ditmarus Gejux et Belekneginem appellat, illos rerum Hungaricarum scriptores vocant Geisam et Sarholtam“.

Въ какомъ отношеніи къ Славянамъ стояла въ то время Бѣлая-княгиня, до извѣстной степени можно судить по тому, что дочь свою Юдиѳь она выдала замужъ за польскаго князя Болеслава, а сына Waika, названнаго потомъ Стефаномъ, послала въ науку къ чешскому епископу Войтѣху въ Остригомъ и позволила окрестить его. Сама Бѣлая-княгиня крестилась въ 980 г., а умерла 984 г.

Очень можетъ быть, что воспоминанія именно объ этой княгинѣ сохранились у Словаковъ въ пѣсняхъ и сказкахъ, ведущихъ свое происхожденіе съ того отдаленнаго періода, хотя, конечно, въ теченіе вѣковъ и много измѣнившихся въ своемъ содержаніи. Къ чи-

---

[1]) Варяги и Русь. СПб. 1876, стр. 31.

[2]) Procopius, De bello Gothico IV, 3. Также Ламанскій, О Славянахъ въ Малой Азіи. 1859, стр. 128—129.

[3]) Dithmari Episcopi Mersebürgensis Chronicon, lib. VIII, 3.

слу такихъ преданій о Бѣлой-княгинѣ относится сказка „Tátoš a Biela kňažna“ (=Beloknegině), которую Колларъ [1]) въ своей молодости слышалъ въ Кремницкой школѣ и въ другихъ мѣстахъ.

Ученики передъ приходомъ учителя въ классъ, также и при другихъ случаяхъ, садятся въ кружокъ, помѣстивъ въ срединѣ умѣющаго разсказывать. Тотъ и начинаетъ свой разсказъ слѣдующими стихами:

„Bola gedna bielá kňažna
Welmi pekná a wjťažná,
Pri tom weštica weliká
Mala koňa Tátošjka.
Lietala s nim po Uhorskeg,
Po Erdieli i po Polskeg.
Kdo chce počut tu rozpráwku
Nech dá do klobúka babku“.

Собравъ отъ своихъ слушателей то копѣйку, то пуговицу, то яблоко и т. п. въ шляпу, повѣствователь передаетъ въ народномъ языкѣ разсказъ о добываніи красавицы изъ терема [2]). Этотъ международный мотивъ примкнулъ такимъ образомъ къ историческому воспоминанію о Бѣлой-княгинѣ и образовалъ своеобразное сказаніе, сущность котораго такова: Дочь царя не хочетъ выходить замужъ. На принужденіе отца она, наконецъ, соглашается отдать свою руку тому, кто достанетъ съ высокой башни знамя, мечъ и яблоко на серебряной тарелкѣ. Изъ четырехъ братьевъ удается исполнить эти требованія послѣднему, захудалому при помощи коня Татошика, котораго онъ вызываетъ подъ мостомъ встряхиваніемъ и бряцаніемъ узды.

Княжна, выйдя за него замужъ и узнавъ тайну его коня, отправилась къ тому мосту, осѣдлала Татоша и летомъ носилась на немъ, появляясь однимъ скачкомъ на Матру, другимъ на Фатру и третьимъ на Татру, совершая дивные подвиги и чародѣйства.

Конь Татошъ ничто иное, какъ русскій сказочный богатырскій конь, или Конекъ-Горбунокъ; сходный съ нимъ у Чеховъ *Šemjk*, у Сербовъ *Шарац*, быть можетъ, стоящіе въ нѣкоторой связи съ священнымъ *бѣлымъ конемъ* Святовита въ Арконѣ и *чернымъ конемъ* Радегаста въ Ретрѣ.

---

[1]) Kollár, Narodnié zpiewanky. I, ст. 13—14, N 20.

[2]) А. Н. Веселовскій, Новый взглядъ на Слово о Полку Игоревѣ. Ж. М. Н. Пр. 1877, IX. 288. Его же, Красавица въ теремѣ и рус. былина о подсолнечномъ царствѣ. Ж. М. Н. Пр. 1877, IV.

Съ другой стороны воспоминаніе о Бѣлой-княгинѣ связалось съ другимъ историческимъ [1]) преданіемъ о *Траянѣ*, получившимъ широкое распространеніе у всѣхъ Славянъ. Интересно наблюдать, какъ эти два историческихъ припоминанія связываются въ народной традиціи, не знающей хронологической послѣдовательности. Такъ Гакстгаузенъ [2]) слышалъ въ Бессарабіи легенду, въ которой разсказывалось, что по ту сторону Дуная жилъ царь Траянъ, а по сю — царица Belaja-Kejina (Бѣлая-княгиня). Съ именами чисто историческими сростаются затѣмъ сказочные сюжеты [3]), получившіе широкое распространеніе.

Точно такой же процессъ наростанія сказочныхъ элементовъ на основѣ чисто исторической мы усматриваемъ и въ былинахъ о Ставрѣ Годиновичѣ. Основы этого сказанія даются самою жизнью. Объ одной изъ нихъ, именно объ участіи русскихъ женщинъ въ военныхъ предпріятіяхъ, имѣются прямыя указанія у историковъ. Между прочимъ Кедренъ [4]) (ум. 1057) слѣдующими словами описываетъ пораженіе, понесенное Святославомъ въ Болгаріи: „Quod nisi nox ingruens Sphendosthlabum eripuisset, utique et ipse vivus in Romanorum venisset potestatem. Superstites a clade cum intra moenia venissent, magno cum luctu ac planctu mortem Icmoris deploraverunt. Et Romani cum barbaris occisis spolia detraherent, *inter cadavera etiam mulieres invenerunt virili habitu tectas, quae inter maritos in Romanos pugnaverant*“. Изъ Льва Діакона извѣстно, что въ лагерѣ были и *младенцы*, принадлежавшіе, безъ сомнѣнія, этимъ женщинамъ, сопровождавшимъ своихъ мужей въ далекомъ походѣ. Это обстоятельство даетъ Котляревскому [5]) основаніе, по нашему мнѣнію вполнѣ прочное, думать, что составъ дружины Святослава былъ главнымъ образомъ славянскій и что такимъ образомъ свидѣтельство Кедрена цѣликомъ относится къ славяно-русскимъ женщи-

---

[1]) Д. Самоквасовъ, Исторія рус. Права. Выпускъ II. Варшава 1884, стр. 109 и сл. Соображенія почтеннаго ученаго заслуживаютъ серьезнаго вниманія и, несомнѣнно, соотвѣтствуютъ дѣйствительности.

[2]) Haxthausen, Studien über die innern Zustände Russlands II, 460, прим.

[3]) B. Schmidt, Griechische Märchen, Sagen u. Volkslieder. L. 1877 (30—31); Friedländer, Sittengeschichte Roms I, 539.

[4]) Cedrenus, ed. Bonn II, p. 406; ср. также Leo Diaconus, ed. Bonn LIX, c. VI, p. 160.

[5]) О погребальныхъ обычаяхъ языческихъ Славянъ. М. 1868, стр. 81.

намъ, пользовавшимся въ древній, до-московскій періодъ русской жизни сравнительно большою самостоятельностью и правоспособностью.

Иного мнѣнія держится академикъ Куникъ [1]). Связанный извѣстной доктриной, онъ не признаетъ павшихъ съ воями Святослава женщинъ за Славянокъ, но причисляетъ ихъ къ классу скандинавскихъ *Schildmädchen*, упуская изъ виду, что подобное явленіе свойственно не только сѣверу, но наблюдается также и у другихъ народовъ, стоящихъ на извѣстной степени культурнаго развитія. Славяне въ этомъ отношеніи нисколько не разнились отъ Германцевъ [2]), поэтому нѣтъ никакого повода прямое свидѣтельство исторіи объяснять искусственнымъ привлеченіемъ аналогій изъ жизни другаго народа.

Разсказъ Льва Діакона и Кедрена вполнѣ понятнымъ образомъ заставляетъ почтеннаго ученаго вспомнить о свободномъ положеніи русской женщины, проявившемся въ лицѣ Ольги и Рогнѣды (Op. cit. 451). Видѣть въ этомъ вліяніе скандинавское не позволяютъ собранные нами факты, свидѣтельствующіе о повсемѣстности этого бытоваго явленія, а въ русской жизни связанные съ той замѣтной свободой, какой пользовалась женщина въ обществѣ, остатки чего можно прослѣдить еще и въ современномъ быту [3]). Кромѣ того, почтенный ученый самъ противорѣчитъ себѣ, когда говоритъ [4]), что „еще въ 1018 году населеніе Кіева состояло „maxime ex velocibus Danis"—, но женскій элементъ въ норманнскихъ кружкахъ съ самаго начала, конечно, былъ весьма незначителенъ". Такимъ образомъ матери были попреимуществу Славянки и подвиги, о которыхъ упоминаютъ византійскіе писатели, всецѣло относятся къ нимъ.

Когда однако возникъ въ русской народной поэзіи литературный типъ воинственной женщины?

Литературные памятники греческой письменности, проникшіе въ сознаніе славянскихъ народовъ и послужившіе источникомъ всевозможныхъ новыхъ сказаній, по видимому, не оказали никакого

---

[1]) Ernst Kunik, Die Berufung der Schwedischen Rodsen, 1845, II, стр. 452.

[2]) Gustav Cuno, Forschungen im Gebiete der alten Völkerkunde. Berlin 1871, I. Die Skythen, стр. 223—248: Амазонки, по его мнѣнію, явленіе славянской жизни.

[3]) Костомаровъ, Op. cit. стр. 157—158; А. Евреинова, О значеніи и предѣлахъ обычнаго права при разработкѣ отдѣльныхъ институтовъ гражданскаго уложенія. 1883, стр. 29—31.

[4]) Каспій Дорна, прим. Куника, стр. 451.

вліянія на этотъ типъ. Такъ въ славянскихъ поэмахъ объ Александрѣ Великомъ, съ именемъ котораго въ классической литературѣ тѣсно связано воспоминаніе объ амазонкахъ, онъ остается вовсе не развитымъ [1]). Другія письменныя произведенія также мало даютъ ему пищи [2]). Напротивъ того, самый бытъ представляется богатымъ и свѣжимъ источникомъ для составленія простыхъ и безхитростныхъ разсказовъ какъ о женщинѣ-воинѣ, такъ и о женщинахъ, исполнявшихъ и другія серьезныя порученія и предпріятія. О подобномъ бытовомъ явленіи, хотя и не русской жизни, изъ XIII ст. дошло до насъ свидѣтельство, сохраненное въ лѣтописяхъ. Здѣсь разсказывается о приходѣ Татаръ въ землю Рязанскую: „и оттолѣ послаша послы своя — *жену чародѣицю* и два мужа съ нею къ княземъ рязанскимъ, прося у нихъ десятины во всемъ“ [3]).

Въ ближайшее къ намъ время, именно въ царствованіе Елизаветы Петровны, прославилась своими разбойничьими похожденіями *Танька Ростокинская*, бывшая долгое время атаманьшей воровской шайки въ окрестностяхъ Москвы. Народъ до сего времени сохранилъ преданія объ ней, указывая Танькину сосну, подъ которой собирались разбойники, и Танькину рощу, знаменитую грабежами до послѣднихъ дней. Атаманъ-дѣвица была поймана въ Москвѣ; слѣдующими чертами характеризуетъ ее народная пѣсня [4]):

„Подъ тою подъ кудрявою подъ березой
Сидѣла тутъ разбойниковъ станица;
Во той ли во станицѣ красная дѣвица.
Не пѣсенки дѣвица воспѣваетъ,
Она плачетъ красная, возрыдаетъ:
„Я сорокъ лѣтъ съ разбойниками ходила,
Я сорокъ душъ съ душею погубила,
И батюшкѣ и матушкѣ не уступила,
И родъ-племя красна дѣвица погубила!“ “

Въ другой пѣснѣ повѣствуется о томъ, какъ Таньку поймали и производили надъ ней судъ и расправу. Хотя пѣсни про нее ин-

---

1) А. Веселовскій, Къ вопросу объ источникахъ сербской Александріи. Ж. М. Н. Пр. 1884, IX (стр. 55—60).

2) А. Пыпинъ, Очеркъ литературной исторіи стар. повѣстей и сказокъ рус. 1851 (218—219); Görres, Das Heldenbuch. 1820, II, стр. 381; Каспій Дорна. стр. LI; Spiegel, Die Alexandersage. Leipzig 1851, стр. 7—8, 62.

3) Из. Срезневскій, Свѣдѣнія и замѣтки о малоизвѣстныхъ и неизвѣстныхъ памятникахъ: XXXIX „Повѣсть о разореніи Рязани Батыемъ“. СПб.

4) Н. Аристовъ, Объ историческомъ значеніи русскихъ разбойничьихъ пѣсенъ. Воронежъ, 1875, стр. 78.

тересны сами по себѣ, но для насъ гораздо важнѣе фактъ ихъ возникновенія на почвѣ быта, который, по всей вѣроятности, далъ содержаніе для пѣсеннаго типа дѣвушки-чернавушки въ новгородскихъ былинахъ о Василіѣ Буслаевичѣ и послужилъ мѣстнымъ основаніемъ для созданія личности поляницы-воинственной былинъ кіевскаго цикла.

Если въ наше время *былина* не тоже самое, что *быль*, то это произошло уже отъ разростанія и видоизмѣненія ея содержанія, совершившихся въ теченіе столѣтій: *быль* впитала въ себя сказочные элементы и растворилась въ нихъ до потери своего первообраза. Признавая фактъ ея расширенія чуждыми сюжетами, мы тѣмъ не менѣе крѣпко убѣждены, что самое названіе указываетъ на дѣйствительно историческій субстратъ первоначальныхъ былинъ, возникшихъ изъ историческихъ пѣсенъ [1]), воспоминанія о которыхъ восходятъ въ глубокую древность. Въ частности что касается типа поляницы, то выше приведенныя историческія свидѣтельства и факты позднѣйшей бытовой жизни, несомнѣнно, даютъ намъ право думать, что онъ-существовалъ въ народной пѣсенной или сказочной поэзіи уже задолго до того времени, когда люди, знакомые съ занесенными, весьма вѣроятно, устнымъ путемъ сюжетами, переработали ихъ въ русскомъ народномъ духѣ и пустили въ обращеніе среди массы. Подъ такими чужеземными сюжетами мы разумѣемъ подробности былины про Илью Муромца и дочь его (Гильф. N 77) или сына (Гильф. NN 46. 219. 226. 233. 246) и про Илью Муромца и Сокольника (Гильф. N 114). Схематическое содержаніе ихъ восходитъ къ поэтамъ гомерическимъ, гдѣ оно нашло свое выраженіе въ Телегоніи Эвгаммона Киренскаго [2]) и откуда впослѣдствіи было передано многимъ народамъ [3]). Въ самостоятельномъ существованіи на Руси сказаній о воинственной женщинѣ или поляницѣ убѣждаетъ насъ еще та дифференціація, какой подверглась основная фабула о боѣ отца съ сыномъ, давшая въ русскомъ эпосѣ особую вѣтвь повѣствованій про бой отца съ дочерью, чего не наблюдается ни у какого другаго народа. Однако въ былинахъ про Илью

---

[1]) Ср. Стасовъ, Критика моихъ критиковъ. В. Евр. 1870, II, стр. 916—917.

[2]) Welcker, Der epische Cyclus oder die Homerischen Dichter. 1849. II, стр. 301—310.

[3]) Fr. Hubad, Nemška pesen o Hildebrandu in njene sestre slovanske (Prim. Ausland 1881, стр. 890). Kres, 1882, стр. 630—639. V Celovci. Также: G. Krek, Še enkrat nemška pesen o Hildebrandu in njene sestre slovanske. Kres, 1885, стр. 104—112.

Муромца и дочь его можно усмотрѣть также слѣды книжнаго вліянія, внесеннаго въ народную поэзію, какъ намъ кажется, тѣми русскими авторами, которые первоначально соединили два элемента,— чисто народный и литературный, такъ сильно просвѣчивающійся въ нынѣшнемъ составѣ русскаго эпоса. Былина — Илья Муромецъ и дочь его — (Гильф. N 77) уже значительно попорчена: въ ней не точно обозначено происхожденіе дочери Ильи. Этотъ недостатокъ пополняется былиной — Илья Муромецъ и сынъ его — (Гильф. N 226), по которой мать побитаго богатыря такъ объясняетъ ему его происхожденіе:

„Да ай ты дитя ты мóе милоё!
Ты бился съ родителемъ вѣдь батюшкомъ.
Когда ѣздила я во чистó полё поляковать,
Съѣзжались мы съ нимъ на поединочку.
Онъ меня побилъ, да тутъ и грѣхъ творилъ,
Оттого ты дитя моё зарóжено". —

Подобный переходъ отъ враждебныхъ отношеній къ дружественнымъ встрѣчается и въ греческихъ миѳахъ, повѣствующихъ о великихъ побѣдителяхъ амазонокъ, — Діонисѣ и Ахиллѣ. Какъ у писателей классическихъ, такъ и на памятникахъ искусства амазонки часто являются въ свитѣ героевъ, съ которыми онѣ прежде боролись; борьба оканчивается затѣмъ любовными отношеніями [1]).

Тоже самое находимъ и въ ново-греческомъ эпосѣ о Дигенѣ Акритѣ. Онъ сражается съ дѣвушкой Максимó, давшей обѣтъ [2]) хранить дѣвство до тѣхъ поръ, пока не будетъ кѣмъ либо побѣждена, одолѣваетъ ее и пользуется ея любовью.

Очень вѣроятно, что въ любовныхъ сношеніяхъ Ильи Муромца съ побѣжденной имъ поляницей отражается древне-классическое

---

[1]) Bachofen, Opus. cit. стр. 7.

[2]) Αντ. Μηλιαράκης, Βασίλειος Διγένης Ἀκρίτας. Ἐν Ἀθήναις 1881, стр. 119, стихъ:

„Λόγον ἐθέμην ἐξ ἀρχῆς πρὸς τὸν δεσπότην πάντων
μὴ συνελθεῖν ποτε ἀνδρί, μὴ παρθενίαν φθεῖραι
μέχρι ἐάν τις τῶν ἀνδρῶν νικήσῃ κατὰ κράτος,
καὶ πρὸς ἀνδρίαν εὑρεθῇ στερρότερός μου τότε,
καὶ τοῦτο μὲν ἐφύλαξα ἕως ἐτούτην ὥραν,
καὶ τὰς ὀρέξεις ἔφυγον καθαρὰς τῆς σαρκός μου".

Срав. Sathas et Legrand, Les exploits de Digénis Akritas. Paris. 1875, стр. 214, стихи 2610 и сл. Интересно сопоставить стихъ 3823 (по Миліараки):

„Ἐκείνη (Максимó) τότε ἔπλυνεν αὐτῆς τὴν παρθενίαν".

съ обычаемъ омовенія послѣ потери дѣвства. О такомъ обычаѣ говорится въ *Стоглавѣ* рус. 1551 г. § 24. Ягичъ, Gradja za slovinsku narodnu poeziju. Rad, стр. 53, XXXVII.

преданіе, привязавшееся къ мѣстному типу воинственной женщины. Именно подобныя мѣстныя сказанія, заглохшія у другихъ народовъ или переродившіяся до потери первоначальной свѣжести какъ въ исландскихъ сказкахъ [1]), впитавъ въ себя новые элементы, дали существующій типъ поляницы, къ которому въ свою очередь примкнули также занесенныя изчужа пѣсни о женѣ, освобождающей мужа изъ темницы, осложненныя уже мотивомъ объ испытаніи пола. Эти послѣднія были затѣмъ слиты съ новгородскими произведеніями о Ставрѣ и послѣ цѣлаго, весьма сложнаго процесса всевозможныхъ переработокъ, произвели то, что мы называемъ былинами о Ставрѣ Годиновичѣ. У Гильфердинга собрано шесть варіантовъ этой былины (NN 7, 16, 21, 109, 140, 151 и 169), у Рыбникова три (NN 19, 20, 21). Изъ нихъ самые исправные, менѣе другихъ попорченные устной передачей, будутъ *седьмая* и *сто пятьдесятъ первая* у Гильфердинга; другіе болѣе или менѣе искажены разными сказителями и далеко уклоняются отъ первоначальнаго своего типа.

Дѣйствующими лицами въ нихъ являются: молодой (иногда старый) Ставръ Годиновичъ; жена Ставра Василиста Никулична, по объясненію пѣвца Калинина, сестра Настасьи Никуличны, жены Добрининой; Солнышко-Владиміръ, стольно-кіевскій и его племянница (по другимъ изв. дочь).

Лица эти связываются слѣдующими поэтическими мотивами былины:

Князь Владиміръ даетъ пиръ для князей, для бояръ, для вельможъ — для купцовъ, для могучихъ богатырей и для поляницъ удалыхъ, - это мотивъ международный, общій цѣлому кругу средневѣковыхъ рыцарскихъ произведеній, указывающій на дѣйствительно имѣвшую мѣсто обстановку княжескаго двора, при которомъ и создавались эпическія поэмы изъ первоначальныхъ народныхъ пѣсенъ [2]).

---

[1]) Poestion, Isländische Märchen. Aus den Originalquellen übertragen. Wien 1884. NN XVIII. XXXV.

[2]) Priscus, ed. Bonnae 1829, II, p. 205. Говоря о своемъ пребываніи при дворѣ Аттилы въ 448 г., Прискъ даетъ такую картину: „(Послѣ пира), когда свечерѣло, были зажжены факелы и два Скиѳа, выступивъ предъ Аттилой, сказывали пѣсни, составленныя ими, въ которыхъ они воспѣвали его побѣды и военныя доблести. Пирующіе устремили на пѣвцовъ пристальные взгляды: одни наслаждались пѣніемъ, другіе переносились мыслью къ битвамъ, а иные, удрученные старостью и чувствовавшіе уже потребность въ отдыхѣ, плакали. Послѣ пѣсенъ вышелъ какой-то скиѳскій шутъ и заставилъ всѣхъ смѣяться, высказывая глупости и странности, не имѣющія смысла“.

Къ этому мотиву весьма естественнымъ образомъ примыкаетъ другой, принадлежащій не только къ *loci communes* русскаго эпоса, но встрѣчающійся заурядъ и въ произведеніяхъ другихъ народовъ, — это именно хвастовство богатырей. Здѣсь Ставръ Годиновичъ похваляется своей молодой женой:

„Она всѣхъ князей бояръ повыманитъ,
—Она Солнышка-Владиміра съ ума сведетъ“
(Гильф. 7, 109, 140, 151),

или „Вашъ Кіевъ градъ купчтъ-продастъ,
Самого царя съ ума сведетъ“ (Гильф. 21, 169).

Этими двумя мотивами и ограничивается оригинальность русской былины про Ставра. Въ дальнѣйшемъ своемъ развитіи она цѣликомъ повторяетъ содержаніе пѣсенъ сербско-болгарскихъ, разобранныхъ нами выше (стр. 43 и сл.), при чемъ иногда совпадаетъ съ ними дословно. Пѣсни эти разработали, какъ извѣстно, сюжетъ объ освобожденіи мужа женою изъ темницы и повліяли на сформированіе русской былины, а сверхъ того къ нимъ были притянуты разсказы о дѣвушкѣ-воинѣ, уже осложненные мотивомъ объ испытаніи пола переодѣтой женщины (стр. 74 и сл.). Вся разница русскаго произведенія, вновь возникшаго путемъ такого скрещиванія двухъ самостоятельныхъ мотивовъ, исчерпывается лишь незначительными подробностями, оказывающимися наслоеніемъ позднѣйшаго времени; первоначальнымъ же источникомъ его, несомнѣнно, были съ одной стороны бытовыя пѣсни русскія, съ другой пѣсни сербско-болгарскія, развивавшія прежде независимо два мотива — объ освобожденіи мужа женою и о дѣвушкѣ-воинѣ, — и слитыя въ одно цѣлое лишь русскимъ поэтомъ.

Ставръ за хвастовство былъ посаженъ княземъ въ погреба глубокіе. Мотивъ этотъ долженъ быть очень старымъ и основнымъ въ разбираемой фабулѣ: онъ сохраненъ во многихъ пѣсняхъ южнославянскихъ и былинахъ русскихъ. Этимъ звеномъ былины объ освобожденіи мужа женою, существовавшія, несомнѣнно, въ тотъ очень ранній періодъ русской жизни, когда она была въ тѣсномъ общеніи съ южно-славянскими землями, при своемъ перенесеніи на сѣверъ слились съ разсказами про новгородскаго Ставра, именемъ котораго и сталъ прозываться съ тѣхъ поръ ихъ главный герой. До времени такого сліянія чисто русской былины съ южно-славянской пѣсней могъ существовать на сѣверѣ и быть въ обращеніи въ народѣ разсказъ, содержаніемъ похожій на сербско-болгарскіе варіанты неосложненнаго вида (стр. 38 и сл.). Въ дальнѣйшемъ своемъ ходѣ разсказъ развивается естественнымъ путемъ.

Василиса Никулична о заключеніи мужа узнаетъ отъ человѣка, бывшаго со Ставромъ:

„Былъ же у Ставра, да былъ свой человѣкъ,
А садился на Ставрова на добра коня,
Онъ поѣхалъ тутъ во землю ляховитскую,
Къ той же Василисты ко Никуличной...“

(Гильф. 7, 151).

Въ болѣе разрушенныхъ былинахъ (N 109 у Гильф.) Василиса узнаетъ о постигшемъ ея мужа несчастіи, неизвѣстно, отъ кого. Узнавъ объ этомъ, она говоритъ:

„Деньгами Ставра да мнѣ не выкупить,
Силою Ставра да мнѣ не выручить, —
Могу ли нѣтъ догадкамы да женскима“

(Гильф. 7, 151, 169).

Сказавъ это,

„А бѣжала тутъ она къ фельшерамъ,
Подрубала волоса́ да по мужичьему,
Набрала дружинушки хоробрую“

и поѣхала посломъ къ солнышку-Владиміру. Явившись въ Кіевъ, она называетъ себя сыномъ короля ляховитскаго.

До этого момента былина ни одной чертой не отклоняется отъ южно-славянскихъ пѣсенъ: въ ней, какъ и тамъ, жена пускается въ путь съ цѣлію освободить мужа. Но въ этомъ мѣстѣ составитель русской былины принимаетъ мотивъ иной категоріи, именно сюжетъ, входившій въ составъ пѣсенъ о дѣвушкѣ-воинѣ, куда онъ попалъ, какъ замѣчено выше, по всей вѣроятности, изъ книжныхъ источниковъ, развивавшихъ замысловатую фабулу о женитьбѣ женщины на женщинѣ. Въ разсказы такого рода входили составными звеньями пріемы испытанія пола. Отсюда они цѣликомъ перенесены въ русскую былину, при томъ точно въ такомъ же порядкѣ, какъ это мы видѣли въ сербско-болгарскихъ пѣсняхъ. Вся разница между русскими и южно-славянскими произведеніями состоитъ лишь въ томъ, что русскія былины носятъ отпечатокъ нѣкоторой грубости тона, отложившейся вслѣдствіе долгаго обращенія ихъ исключительно въ средѣ народной массы.

Подъ видомъ сына короля ляховитскаго Василиса сватаетъ дочь (или племянницу) князя Владиміра; но та узнаетъ въ пріѣхавшемъ воинѣ женщину, и вотъ начинаются испытанія, тѣже самыя, что и въ южно-славянскихъ пѣсняхъ, лишь иногда переставленныя. Сперва предлагаютъ прибывшему королевичу вымыться съ дороги „въ теплой парной баенкѣ“; по другимъ былинамъ это испытаніе, какъ и слѣдуетъ, ставится послѣднимъ (N 169 Гильф.). Во второмъ испытаніи наблюдаютъ за тѣмъ, гдѣ будетъ въ постели впадина подъ пріѣзжимъ гостемъ? Въ-третьихъ испытываютъ его стрѣльбой въ золоченое кольцо, въ четвертыхъ заставляютъ бороться.

Послѣ всѣхъ этихъ испытаній, прошедшихъ удачно для Василисы Никуличны, совершается свадьба съ дочерью Владиміра. Въ разобранныхъ выше варіантахъ этого разсказа недовольной замужествомъ оказывалась обыкновенно молодая супруга; въ русской былинѣ, напротивъ того, грустить послѣ брака мужъ. Очевидно, это потребовалось для логической послѣдовательности дальнѣйшаго хода дѣйствія.

Желая развлечь своего зятя, князь Владиміръ достаетъ гусельщиковъ, но тѣ играютъ не весело. Тутъ вспоминаютъ про искусство заключеннаго Ставра, чудно игравшаго въ гусли яровчатыя. Его выпускаютъ изъ погребовъ глубокихъ и приводятъ на пиръ. Въ этомъ мѣстѣ разныя былины неодинаково передаютъ подробности взаимнаго признанія супруговъ. Сперва Василиса Никулична дѣлаетъ намеки Ставру, но тотъ не догадывается. Тогда она уводитъ его съ пира—„посмотрѣть дружинушки хоробрыя“;—происходитъ признаніе въ полѣ, гдѣ она надѣваетъ свои платья женскія и затѣмъ объясняетъ Владиміру его заблужденіе (NN 7, 140, 151 Г.). По другимъ былинамъ, ближе стоящимъ къ южно-славянскимъ пѣснямъ, Василиса бьется со Ставромъ палицами, затѣмъ открываетъ свои груди бѣлыя, и тогда только онъ узнаетъ жену (NN 29, 109 Г.). Тоже самое, хотя нѣсколько въ иной причинной связи, мы наблюдали въ пѣсняхъ сербскихъ и болгарскихъ (стр. 44 и сл.).

Итакъ, какъ въ общемъ, такъ и въ частностяхъ русскія былины про Ставра воспроизводятъ собственно южно-славянскія пѣсни, попавшія на Русь въ то время, когда имя новгородскаго Ставра еще не забылось въ устахъ народа.

Славянскою частью былины по преимуществу слѣдуетъ считать вторую половину разсказа: сватовство за дочь Владиміра, испытанія пола и признаніе супруговъ—вотъ элементы, несомнѣнно, заимствованные. Первая часть повѣствованія, обнимающая — заключеніе провинившагося богатыря и освобожденіе его воинственной женщиной—, представляется мѣстно-русскимъ преданіемъ, заслуживающимъ названіе *были*. Она такъ проста по своему замыслу и настолько связана съ дѣйствительнымъ бытомъ, что, не рискуя далеко уклониться отъ истины, можно утверждать независимое возникновеніе такихъ былей какъ у южныхъ Славянъ, такъ и на Руси. Лишь съ того момента, когда быль эта осложняется прибавочными мотивами, мы начинаемъ предполагать заимствованіе. Оно на самомъ дѣлѣ имѣло мѣсто, какъ мы видѣли.

Обобщая всѣ результаты своего изслѣдованія, мы склонны принять за первоначальную родину осложненнаго разсказа о дѣвушкѣ-воинѣ сербскую народность, и, быть можетъ, литературный

центръ ея, Дубровникъ, игралъ въ этомъ случаѣ роль очага, отъ котораго разошлись отраженія нашего мотива на западъ и на востокъ [1]). Какъ бы то ни было, но группа пѣсенъ южно-славянская и русская ярче сохранила первоначальную форму разсказа, во всей его полнотѣ и логичности, и можетъ считаться зерномъ, служившимъ источникомъ для извѣстныхъ намъ европейскихъ и азіятскихъ варіантовъ.

Конецъ.

---

[1]) Макушевъ въ Изслѣдованіяхъ объ историческихъ памятникахъ и бытописателяхъ Дубровника (стр. 73—75) высказываетъ положеніе, что у дубровничанъ нѣтъ эпическихъ пѣсенъ и не могло быть при томъ положеніи, какое занималъ въ Дубровникѣ народъ. Между тѣмъ въ другомъ мѣстѣ: Задунайскіе и Адріатическіе Славяне. СПб. 1867, стр. 301—302: онъ указываетъ комедію замѣчательнаго дубровницкаго поэта *Марина Држича* (1520—1580) „Дундо Марое", къ сожалѣнію, безъ конца. Въ ней есть кое-какіе эпическіе мотивы, между прочимъ одинъ до нѣкорой степени подходящій къ нашему сюжету: невѣста молодаго Мара рѣшается изъ любви къ нему пуститься въ далекій путь въ мужскомъ одѣяніи.

ЗАМѢЧЕННЫЯ ОШИБКИ.

Стран.:	*Напечатано:*	*Слѣдуетъ:*
1	passondo	passando
1	conteporanea	contemporanea
3	ansättig	ansässig
5	populaircs	populaires
25	ῥωματζίκα	ῥωμαίικα
26	сорокъ лѣтъ	четыре года
29	albanische	albanesische
44	поляницо	поляничищо
54	gree	grec
55	звѣньевъ	звеньевъ
70	Сухіеромъ	Сюшіе
74	везиремь	визиремь
122	истріи	исторіи
146	молка	волка
150	жещинъ	женщинъ
151	полноооюо	полнотою
153	поляныцы	поляницы

Изъ редакціи Русск. Филол. Вѣстн. могутъ быть выписываемы слѣдующія сочиненія и изданія:

А. Смирнова: О Словѣ о полку Игоревѣ. а) Литература Слова до 1876 г. цѣна 1 руб. б) Пересмотръ нѣкоторыхъ вопросовъ. 1879 г. цѣна 1 р. 25 к. Обѣ книги вмѣстѣ 2 р. Ученымъ Комитетомъ одобрены для библіотекъ среднихъ учебныхъ заведеній М. Нар. Пр.

Сборникъ древне-русскихъ памятниковъ и образцовъ народной русской рѣчи, пособіе при изученіи исторіи русскаго языка. Варшава 1882 г. Цѣна 1 р.

Поминки по профессорѣ В. В. Макушевѣ. Варшава 1883. Ц. 30 к.

Славянскія нарѣчія, лекціи В. И. Григоровича. Варшава 1884. Цѣна 1 р. 50 к.

Орѳографическіе указатели и правила русскаго правописанія (Библіографическія замѣтки). Варшава 1885. Ц. 30 коп.

Русск. Филол. Вѣстн. 1880—1885 гг. (г-мъ Мин. Народн. Просв. вслѣдствіе постановленія Ученаго Комитета отъ 11 декабря 1882 г. рекомендованъ для библіотекъ среднихъ учебн. заведеній. Ж. М. Н. Пр. 1883 г. февр. кн., а Учебнымъ Ком. при Св. Синодѣ одобренъ для фунд. библіот. Дух. Семинарій, цѣна за 1880 г. 4 р., за 1881 и 1882 по 3 р., за 1883, 1884 7 р., 1885 6 р., и 1886 г. 7 р.

Будиловича: „Начертаніе церк.-славянск. грам.“ одобрено Учен. Ком. М. Н. Пр. какъ учебное пособіе для гимназій и для библіотекъ фундаментальныхъ и ученическихъ. Цѣна два р. с., съ перес. 2 р 30 к. Его же Учебникъ ц. славян. грамматики для среднихъ учебн. заведеній (Уч. К-мъ М. Н. Пр. одобренъ какъ учебное руководство для гимназій и прогимназій) цѣна 60 к., съ пересылкой 70 к.

Первобытные славяне въ ихъ языкѣ и бытѣ; вып. 1-ый 1 р. 50 к., 2-й в 1 р., 3-й в. 1 р.

Макушева: Чтенія о старопольской письменности. Ц. 50 к.

М. Колосова: Замѣтки о языкѣ и народной поэзіи въ области сѣверно-великорусскаго нарѣчія (3-й, 4-й и 5-й отчеты II Отдѣленію Академіи Наукъ). 1877. Цѣна 75 к.

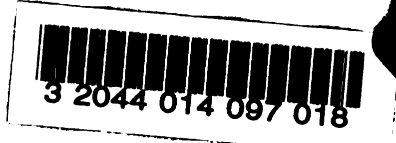
Обзоръ звуковыхъ и формальныхъ особенностей народнаго русскаго языка. 1878. Цѣна 2 р. 50 к.

Русскій Филолог. Вѣстникъ за 1879 г. Цѣна 7 р.

Старо-славянская грамматика. Изд. 15-е. Варшава 1885. Ц. 75 к. Ученымъ Комит. М. Н. Пр. одобрена, какъ одно изъ лучшихъ руководствъ при обученіи церковно-славянскому яз. (Ж. М. Н Пр. 1883 г. янв.).

Теорія поэзіи, 3-е изданіе, Уч. К-мъ М. Н Пр. одобренное, какъ учебное пособіе для среднихъ учебныхъ заведеній. Варшава 1884. Цѣна 60 коп.

Цѣна 2 р. 25 к.

3 2044 014 097 018

